

ЗАГАДКА

ГОДА

СИГИЗМУНД МИРОНИН

**ДЕЛО
ГЕНЕТИКОВ**

Загадка
37
года

A thin vertical line extends downwards from the horizontal line, passing through the center of the page.

СИГИЗМУНД МИРОНИН

**ДЕЛО
ГЕНЕТИКОВ**

**МОСКВА
«АЛГОРИТМ»**

2008

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8
М 64

Миронин С. С.

М 64 Дело генетиков / С. С. Миронин. — М.: Алгоритм, 2008. — 240 с. — (Загадка 1937 года).

ISBN 978-5-9265-0559-4

В советское время генетика подвергалась гонениям, была почти запрещена... Сегодня в этом уже никто не сомневается. Школьные учителя объясняют мнимое дело детям со слов телеведущих. И никто даже не догадывается, что все это ложь, сравнимая с лучшими образцами геббельсовской пропаганды. В этой книге рассказывается о том, как на самом деле возникло знаменитое «дело генетиков» и какую роль в этом сыграл И. В. Сталин. Подробно объяснена концепция академика Т. Д. Лысенко, которого либеральные пропагандисты назначили главным антигероем советской науки. Доказывается, что в основе спора «мичуринцев» и «генетиков» лежали совсем иные мотивы, чем принято считать сегодня. А сами «генетики» вовсе не были такими уж «невинными агнцами».

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-9265-0559-4

© Миронин С. С., 2008
© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным...

Евангелие от Марка (глава 4, стих 22)

ВВЕДЕНИЕ

В современной России в истории нет фактов, есть мифы, созданные научными князьками, снобами от науки, монополизировавшими доступ к издательствам и средствам массовой информации. У них много денег, поступающих из Вашингтонского обкома денег, и они вдалбливают в мозги читателей удобные им интерпретации фактов и мифов о СССР и Сталине. Давайте же пройдемся вместе со мной по пути познания истины. Я буду задавать вопросы и отвечать на них. А вы проверять, правильно ли я на них отвечаю.

А сама книга вот о чем. В годы «перестройки» вокруг имени народного академика Лысенко была развернута дикая истерия, сравнимая с истерией вокруг имен Берии и Сталина. Поэтому к настоящему времени имя Лысенко настолько заплевано и оболгано, что в массовом сознании олицетворяет собой все худшее, что может принести с собой лженаука, а сам он представлен шарлатаном и мракобесом. При этом клеветники не стесняются открытой лжи и под-

тасовок, достойных даже не желтых газет, а геббельсовских поделок.

Я, как профессиональный биолог, хорошо знакомый с генетикой, категорически утверждаю, что данная точка зрения лишена оснований и Лысенко на самом деле является выдающимся советским естествоиспытателем, что я доказываю в настоящей книге, и я не одинок в своих суждениях. В 1996 году Дж. Симмонс опубликовал книгу о ста ученых, где они были расположены в порядке значимости их открытий для человечества. Лысенко получил номер 93. Очевидно, что не случайно...

* * *

Много внимания уделяется в современной литературе обвинениям Сталина в том, что он, дескать, разгромил советскую генетику в ходе приснопамятной сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ) 1948 года, тем самым будто бы отбросив советских генетиков на задворки мировой науки. Продолжая раскрывать тему «сталинских репрессий», я попытаюсь проанализировать и этот исторический факт, факт административных гонений на генетиков после 1948 года, беспристрастно разобраться во всех этих обвинениях против Сталина, продолжая свою прежнюю линию — не замалчивать неприятные факты и избегать фанатизма и эмоций. Я попробую посмотреть на данный исторический факт не только с точки зрения обид некоторых генетиков, но и с точки зрения проблем всей советской страны и ее науки.

В свое время, когда я писал книгу «Сталинский порядок», последним рубиконом, за которым начиналось полное оправдание в моей душе поступков Сталина была как раз печально известная сессия ВАСХ-НИЛ. Скажу сразу, что административные гонения на генетику и генетиков после 1948 года были, возможно, единственным и, видимо, непредвиденным сбоем в процессе адаптации советской науки к русскому способу производства, наиболее полно реализованному именно в годы правления Сталина. Однако не отрицая пагубной роли административных гонений на ученых-генетиков, я в данной книге докажу, что сбой, произошедший с Лысенко, принес советской науке гораздо меньше вреда, чем клановость в науке, монополизация истины и научное кумовство, широким фронтом расцветшие после смерти Сталина. Я попытаюсь продемонстрировать, что Сталин использовал открытые собрания ученых сообществ как раз для борьбы с этими негативными проявлениями в советской науке.

По мнению противников академика Лысенко, игнорирование им многочисленных и хорошо известных экспериментальных фактов в сочетании с использованием идеологической фразеологии и политических обвинений в борьбе с оппонентами позволяет квалифицировать его деятельность как антинаучную. Именно так оценивают ее подавляющее большинство биологов как в России, так и за рубежом. Однако эти обвинения в адрес академика в большой мере преувеличены, беспочвенны. Не нужно забывать, что наука — это не партсобрание и научная истина определяется не большинством голосов...

История советской науки была сложна и противоречива, но ее успехи общеизвестны и признаны Западом. Достаточно сказать, что после смерти Сталина СССР имел половину всех инженеров в мире и более половины всех геологов.

В целом, наука в СССР давала конкретные результаты. СССР первым создал атомную станцию, первым запустил спутник, первым вывел человека в космос, первым разработал токамаковскую модель для термоядерного синтеза. СССР был лидером в теоретической физике и математике, океанографии, металлургии, магнитогидродинамике, химическом катализе.

Именно в годы советской власти наука в России получала наибольшую поддержку со стороны государства. В СССР было наибольшее количество ученых — специалистов в разных областях науки, а также научных школ, что дало ряд блестящих открытий в самых разных областях научной деятельности.

* * *

Ну и последнее. Почему-то наследники морганистов присвоили себе наименование генетиков. На самом деле Лысенко и его сподвижники имели не меньше прав сказать, что они генетики тоже. Но Лысенко постоянно подчеркивал, что он мичуринец. Поэтому я в книге буду называть противников Лысенко морганистами, а лысенковцев — мичуринцами.

Глава 1

АВГУСТОВСКАЯ СЕССИЯ ВАСХНИЛ 1948 ГОДА

Возьму сразу быка за рога. Печально известная сессия ВАСХНИЛ состоялась с 31 июля по 7 августа 1948 г. и получила название августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Сессия завершилась разгромом генетики. В качестве основных лиц, против которых были направлены выступления Лысенко и его сторонников, были выбраны И.И. Шмальгаузен — морфолог и эволюционист и генетики Н.П. Дубинин и А.Р. Жебрак.

На сессии Лысенко сделал свой знаменитый доклад о генетике. Говорил Лысенко очень горячо и искренне. При этом Лысенко намекнул, что тов. Сталин прочитал и полностью одобрил его доклад.

Действительно, Сталин читал и даже правил доклад Лысенко, прочитанный на сессии. Например, Сталин вычеркнул из доклада Лысенко все упоминания о буржуазной биологии. В том месте, где Лысенко утверждал, что любая наука классовая, Сталин написал на полях: «Ха-ха-ха! А как насчет математики, а как насчет дарвинизма?»

В своем докладе Лысенко подчеркивает роль внешней среды, призывает к большей практической направ-

ленности селекционной работы, критикует морганистов за увлечение фундаментальными исследованиями на мушках-дрозофилах, подчеркивает свою приверженность Мичурину.

Далее. Предвосхищая результаты выборов в академию, Лысенко заявил, что ВАСХНИЛ «в скором времени, при ближайших выборах еще более пополнится значительным количеством новых академиков и членов-корреспондентов — мичуринцев...» (в скобках замечу, что эта фраза говорит о том, что морганисты, заняв большинство постов в академии, противились выдвижению туда ученых-практиков).

Немногие морганисты отважились выступить против Лысенко. Большая часть их отступили от идей морганизма. Видимо, они уже предчувствовали, что скоро грянут административные гонения. А может не очень верили в эти идеи?

СОМНЕНИЯ, СОМНЕНИЯ, СОМНЕНИЯ...

После сессии ВАСХНИЛ состоялось 24—26 августа 1948 г. расширенное заседание президиума Академии наук СССР по вопросу о состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях Академии наук СССР. Президиум АН СССР поддержал решение сессии ВАСХНИЛ. Следовательно, академики СССР поддерживали Лысенко.

Как пишут нынешние историки российской науки, после завершения сессии наступило исторически кратковременное, но трагическое по последствиям для советской науки торжество мичуринцев.

23 августа 1948 г. министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов издает приказ №1208 «О состоянии преподавания биологических дисциплин в университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биологомичуриинцев». Согласно этому приказу в вузах создавались комиссии, которые должны были пересмотреть учебные программы по всем учебным дисциплинам, изменить тематику кандидатских работ аспирантов и т.д.

Число генетиков, подвергшихся в это время административным гонениям, колеблется в пределах 300 человек. Морганисты, которые были уволены с работы, были вынуждены заняться иными исследованиями — и принудили их к этому не чекисты непосредственно, а свое же научное начальство.

Репрессий со смертельным исходом не было. Правда, некоторые, такие как проф. Д.А. Сабинин из МГУ, совершили самоубийство.

Были случаи и самоубийств. В газете «Правда» Жебрак публикует письмо-оправдание: «До тех пор, пока нашей партией признавались оба направления в советской генетике, я настойчиво отстаивал свои взгляды, которые по частным вопросам расходились с взглядами академика Лысенко. Но теперь, после того, как мне стало ясно, что основные положения мичуринского направления в советской генетике одобрены ЦК ВКП(б), я, как член партии, не считаю для себя возможным оставаться на тех позициях, которые признаны ошибочными Центральным Комитетом нашей партии».

После сессии ВАСХНИЛ, в 1948 г. в знак протеста против гонений из Академии наук СССР вышло много иностранных членов, например, английские физиологи Дейл, Меллер и некоторые другие.

* * *

Итак, факт налицо — генетики подвергались гонениям, и, казалось бы, виновник всего и вся найден. Лысенко, которого поддержал тиран Сталин!

Но, может, есть смысл разобрать все эти обвинения подробнее — уж больно все кажется черно-белым, прямо сальери и моцарты какие-то!..

Я тоже не так давно думал, что сессия ВАСХНИЛ была ошибкой Сталина. Думал я так до лета 2006 года. Даже написал интернет-дайджест про августовскую 1948 г. сессию ВАСХНИЛ и выложил на форуме С.Г. Кара-Мурзы. В той своей статье я написал следующую фразу: «Особо большой урон советской генетике нанесла августовская сессия ВАСХНИЛ». Прошло два года, и теперь мне стыдно за это высказывание — все оказалось не так просто.

Вы спросите, почему я изменил свой подход и стал думать по-другому? А произошло вот что. Началось все с того, что мой младший брат прислал мне статью одного канадского ученого по фамилии Лью. В этой статье Лью пишет о научных открытиях Лысенко и о его трагедии как ученого, разбирает заслуги академика Лысенко. В статье на большом фактическом материале доказывалось, что Лысенко внес существенный вклад в агробиологию, что его результаты не несут черты под-

делок или шарлатанства, хотя и не следуют канонам научных публикаций.

Потом я прошелся по ссылкам, которые приводит в конце своей статьи Лью, и нашел подтверждение изложенным фактам. И я начал читать, перечитывать материалы о Лысенко снова и искать информацию между строк, проводя свое собственное расследование.

По мере все более глубокого ознакомления с темой, я увидел, что в проблеме имеется много наносного. Более того, полученный материал шокировал. Оказалось, что все было совсем не так, как живописуют противники Лысенко. Не Лысенко начал атаку против генетиков, а генетики первыми атаковали Лысенко, причем использовали грубые административные приемы.

Прочитав стенограмму сессии ВАСХНИЛ, я понял, что Лысенко пришел туда не громить, а защищаться. Об этом свидетельствуют и выступления его сторонников, которые доказывают, какой огромный вклад в агробиологию внес Лысенко.

Итак, оценку всех этих событий мне пришлось пересмотреть и написать об этом целую книгу. Мне пришлось понять логику поступков Лысенко и Сталина. Именно обо всем этом и пойдет речь в последующих главах.

Глава 2

КТО БЫЛ ПРАВ?

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ГЕНЕТИКЕ

Начнем наше расследование с научных вопросов. Действительно ли в то время морганисты были более правы, чем мичуринцы?

Сначала небольшая историческая справка. Слово генетика (geneticos) происходит от слова «geneo» — порождать. Как известно, «отец генетики» Мендель показал, что при скрещивании растений, обладающих двумя парами контрастных признаков, каждый из них наследуется независимо от другого.

Мендель продемонстрировал законы наследования признаков, используя плоды гороха, которые отличались по морщинистости кожицы и цвету. Он показал, что если скрестить доминантный и рецессивный признаки, то в первом поколении все плоды имеют доминантный признак, а во втором поколении происходит расщепление признаков в соотношении 3 к 1. То есть три особи имеют доминантный признак, а одна особь рецессивный. При проведении экспериментов из множества признаков Мендель выбрал 7, которые были контрастны. Самые удачные распреде-

ления были с признаками окраски кожур, формы и величин семян.

Однако четкие законы расщепления признаков (обратите внимание, не генов, а признаков) не были сформулированы самим Менделем. Эти законы были сформулированы авторами, «переоткрывшими» Менделя. Когда он стал проверять свои законы на другом растении — ястребинке, — он не смог ничего воспроизвести.

Более того, в 1936 году Фишер опубликовал работу, где доказал, что полученные Менделем данные слишком близки к идеальным, тем самым обвинив Менделя в подгонке результатов. Пока обвинение Фишера не опровергнуто...

В 1909 г. для обозначения менделевского фактора наследственности был предложен термин «ген» (Иогансен). Было установлено, что признаки, возникающие под влиянием обычных внешних воздействий, т.е. благоприобретенные, не связаны с генами, не передаются по наследству. Было установлено, что для каждого вида форма и число хромосом постоянны, что в ходе развития половых клеток происходят редукция хромосом ровно в два раза и восстановление их прежнего числа при оплодотворении.

В 1910 г. была открыта локализация наследственных факторов в хромосомах. Сделал это Т. Морган (1866—1945), и теория получила название «морганизм». Хромосомная теория наследственности содержала много элементов механицизма: ген представлялся неделимым.

Я не касаюсь здесь откровенно одиозных идей Вейсмана о «непрерывной зародышевой плазме», бредовость которых уже тогда была ясна даже наиболее продвинутым генетикам — тому же Моргану.

Вейсман предположил, что имеются два типа клеток — соматические и особая зародышевая субстанция, названная им «зародышевой плазмой». Было предположено, что эта «зародышевая плазма» должна составлять материал хромосом!

Наконец, следует особо подчеркнуть, что в то время все морганисты связывали наследственность лишь с ядром и хромосомами и поэтому не признавали результаты гибридизации, полученные Мичуриным.

ОТРИЦАЛ ЛИ ЛЫСЕНКО ГЕНЕТИКУ?

Противники Лысенко приписывают ему отрицание роли хромосом в передаче наследственной информации, да и вообще отрицание им существования специфического вещества наследственности.

Однако эти обвинения лживы, в чем можно убедиться по заключительной речи Лысенко на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Лысенко указывает, что не отрицает роли хромосом в передаче наследственных признаков, но считает, что наследственность определяется в гораздо большей степени влиянием на семена всего тела и условий его жизни, чем механической комбинацией генов или «мутациями».

Позвольте мне процитировать стенограмму сессии ВАСХНИЛ: «Профессор Рапопорт, мы хотим, чтобы вы, цитологи и цитогенетики, поняли только одно. Мы не против цитологических исследований протоплазмы и ядерного аппарата у половых, соматических и каких угодно клеток, в том числе и микробов... Мы признаем, вопреки вашим утверждениям, безусловную необходимость и полную перспективность этих современных методов исследования. Мы, однако, решительно против тех вейсмановских антинаучных исходных теоретических позиций, с которыми вы подходите к своим цитологическим исследованиям. Мы против тех задач, которые вы хотите разрешить с помощью этих методов, мы против ненаучной интерпретации результатов ваших морфологических исследований, оторванных от передовой науки».

* * *

Теперь позвольте привести другие тексты про генетику, написанные самим Лысенко. По ним вы сможете судить, насколько он отрицал генетику.

В 1936 г. Лысенко заявил: «Мы не против использования фактических материалов мировой науки». Замечу попутно, что в энциклопедии 1936 года Лысенко назван «выдающимся исследователем закономерностей менделизма».

А вот стенограмма его доклада на семинаре по вопросам семеноводства (Всесоюзный селекционно-генетический институт, 15 апреля 1938 г.).

«...На самом же деле, мне кажется, никто никогда не наблюдал разнообразия растений гибридного потомства, укладываемого в схему 3:1 так, чтобы на каждые 3 экземпляра с одним каким-нибудь признаком, приходился обязательно один экземпляр с противоположным признаком. Ведь в опытах самого Менделя ни один гибридный куст гороха не давал потомства, разнообразящегося по окраске цветов или по окраске семян в отношении 3:1. Стоит просмотреть фактический материал опытов Менделя, как легко можно увидеть, что даже в потомствах десяти гибридных растений гороха, приведенных в таблицах Менделя, потомство одного растения на 19 желтых зерен имело 20 зерен зеленых, а потомство другого растения на 33 желтых дало только одно зеленое зерно. В потомствах разных растений одной и той же гибридной комбинации наблюдалось разное соотношение типов. Не исключена, конечно, возможность, что в потомстве того или иного гибридного растения может получиться и отношение 3:1, но это будет так же часто или так же редко, как и отношение 4:1, 5:1, 50:1, 200:1 и т. д. В среднем же, конечно, может, и бывает (правда, далеко не всегда) отношение 3:1.

Ведь среднее отношение три к одному получается и генетиками выводится (ими это и не скрывается) из закона вероятности, из закона больших чисел. Ведь известно, что самым распространенным примером для уяснения этой «биологической закономерности» на уроках генетики является способ подбрасывания двух монет. При этом учащимся советуют под монетами разуместь половые клетки (хотя бы гороха)

и при каждом подбрасывании монет регистрировать, сколько раз обе монеты упадут решками вверх, сколько раз гербами и сколько раз одна гербом, а другая решкой. Советуют число бросков сделать как можно большим. И действительно, при большом числе бросков получается примерно: 25% из всего числа бросков — выпадение решек, 25% гербов и 50% решек-гербов, то есть отношение 1:2:1.

Генетики говорят, если доминирует, то есть получается, преимущество герба (допустим, что под этим понимается красная окраска цветов гороха), то, следовательно, все те организмы, которые получались при соединении двух половых клеток, одна из которых имела возможность развивать красный цвет, а другая — белый, разовьются с красными цветами. Красноцветковых растений, согласно «биологической» проверке с подбрасыванием монет, будет 50% и 25%, где обе половые клетки несли возможность развития красного цвета; итого 75% красноцветковых и 25% белоцветковых, т. е. отношение 3:1. Так должно быть, по глубокому убеждению генетиков, у всех потомств гибридов всей живой природы, где бы и как бы они ни скрещивались и произрастали.

В действительности это, конечно, не только не присуще всей живой природе, но не присуще и гибридам гороха, на котором выведен этот, по меткому замечанию И. В. Мичурина, «гороховый закон». Одним словом, общего между биологической закономерностью и «законом Менделя» ровно столько, сколько есть общего между пяточком и растением гороха. После детального моего наблюдения над поведением растений

в семенных питомниках озимых пшениц, в особенности Крымки от внутрисортного скрещивания, я смею утверждать, что никто никогда не наблюдал, чтобы гибридные потомства разных растений одной и той же комбинации все разнообразились в одинаковом отношении (3:1). Такое отношение можно наблюдать только при большом числе подбрасываний монет или при любом другом явлении, где играет роль только построенная на случайности равная вероятность, где усреднена необходимость.

Мы знаем, что чем труднее идет скрещивание данных двух форм растений, тем разнообразнее потомство от такого скрещивания. Ведь не зря же в генетике ввели термин «сумасшедшее» расщепление в отношении потомств от трудно скрещиваемых растений. При легких же скрещиваниях, например одного сорта пшеницы с другим, потомство получается менее разнообразным.

Нетрудно прийти к выводу, что чем биологически больше будет соответствовать при оплодотворении одна гамета (половая клетка) другой, тем более устойчивое, менее разнообразящееся потомство будет получаться в дальнейших поколениях от такого скрещивания.

...Если я резко выступаю против твердыни и основы генетической науки, против «закона» Менделя, подправленного и подправляемого морганистами, так это, прежде всего, потому, что этот «закон» довольно сильно мешает мне в работе, в данном случае мешает улучшению семян хлебных злаков».

Как видим, Лысенко понимал, что на самом деле в моделях морганистов смешены понятия ген и признак

и что почти нет признаков, которые бы соответствовали одному гену.

* * *

А вот что писал Лысенко про хромосомы и генетику в Большой советской энциклопедии (Изд. 2-е, 1949 г., т. 10, ст. «Генетика»): «Генетика — раздел биологической науки о развитии организмов. Ее можно также назвать разделом науки, изучающей наследственность и ее изменчивость. ...Верно, что хромосомы существуют. В половых клетках число их в два раза меньше, нежели в обычных. При наличии половых клеток с теми или иными хромосомными изменениями из этих клеток получают измененные организмы. Правильно, что те или иные видимые, морфологические изменения данной изученной хромосомы клетки часто, и даже всегда, влекут за собой изменения тех или иных признаков в организме. Доказано, что наличие двух X-хромосом в оплодотворенном яйце дрозофилы обычно решает вопрос выхода из этого яйца самки, а не самца. Все эти факты, как и другие фактические данные, верны».

Итак, если прочитать эту статью Лысенко в сталинской энциклопедии за 1949 год, то не очень заметно, чтобы эта статья отвергала рациональное зерно западной генетики. В своей статье Лысенко лишь определял границы применимости теории оппонентов. Он признает все то в генетической теории, что было правильным — признал, что изменение хромосом влечет изменение наследственности, признал, что Y-хромосома влечет вылупливание самца...

И в других своих работах и высказываниях Т. Д. Лысенко признавал роль хромосом в наследственности. Он писал: «Не прав акад. Серебровский, утверждая, что Лысенко отрицает гены. Ни Лысенко, ни Презент никогда существования генов не отрицали. Мы отрицаем то понятие, которое вы вкладываете в слово «ген», подразумевая под последним кусочки, корпускулы наследственности. Но ведь если человек отрицает «кусочки температуры», отрицает существование «специфического вещества температуры», так разве это значит, что он отрицает существование температуры как одного из свойств состояния материи».

* * *

Следовательно, генетику Лысенко не отрицал (более того, 25 лет был ее руководителем). Мичуринская школа генетики не противоречила существовавшему большому количеству экспериментальных фактов, убедительно показывавших, что передаваемые из поколения в поколение признаки каким-то образом кодируются в хромосомах. Мичуринская школа генетики обладала более широким взглядом на проблему наследственности, чем так называемая классическая, или формальная, школа.

Мичуринское направление в науке не противоречит и современной молекулярной биологии, основывающейся на том, что наследственная информация кодируется структурой ДНК, на матрице которой синтезируется РНК и далее белок.

В чем же была суть спора морганистов и мичуринцев? Расхождение касалось не только теорий, фактов и методов, непосредственно связанных с генетикой, оно было гораздо шире. Так, в своем заключительном слове на сессии ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко сказал: «Изживая из нашей науки менделизм-морганизм-вейсманнизм, мы тем самым изгоняем случайности из биологической науки».

Лысенко чувствовал, что законы Менделя не стопроцентны. Наверное, это было виднее с точки зрения его научной парадигмы и на базе его практического опыта. В 1948 г. «классическая генетика» была подвергнута им критике, прежде всего, из-за низкой практической отдачи ее для сельского хозяйства страны, схоластичности основополагающих ее положений, схоластичности многих работ ученых-генетиков этого направления, крайне низкого числа практически полезных разработок, многочисленности неудач и беспочвенных обещаний. Эти неудачи выглядели особенно ярко на фоне успехов мичуринской генетики.

Глава 3

КТО ВЫ, АКАДЕМИК ЛЫСЕНКО?

ГРЯЗНЫЕ ПРОМОКАШКИ НА ИМЕНИ ЛЫСЕНКО

Если почитать русскоязычную литературу последних пары десятилетий, то видно, что Лысенко выставлен просто настоящим монстром, своеобразным пугалом для ученых России и всего мира. Вот как его характеризуют в справочниках: «Т.Д. Лысенко — создатель псевдонаучного «мичуринского учения» в биологии. Отрицая классическую генетику (т. н. менделизм-морганизм) как «идеалистическую» и буржуазную, утверждал возможность наследования приобретенных признаков, «перерождения» одного вида в другой и т. п. Многочисленные практические рекомендации Лысенко для сельского хозяйства (сверхскоростное выведение новых сортов и др.) были несостоятельными и нанесли большой экономический ущерб. С 30-х гг. по 1964 (особенно после сессии ВАСХНИЛ 1948) деятельность Лысенко поддерживалась И. В. Сталиным и затем Н. С. Хрущевым, а его «марксистское» учение и практические рекомендации, как направленные на революционную переделку природы и сулившие быстрое

решение продовольственных проблем, внедрялись административно. В результате монополизма Лысенко и его сторонников (т.н. лысенковщина) были разгромлены научные школы в генетике, ошельмованы честные ученые, деградировало биологическое и сельскохозяйственное образование, затормозилось развитие биологии и сельского хозяйства».

Что тут сказать — просто дьявол во плоти, вон сколько всего наворотил... К слову сказать, то, насколько «деградировало» от его действий советское сельское хозяйство, мы увидим дальше по ходу нашего изложения.

А вот еще одно описание: «...Любая ее (концепции Лысенко. — *Авт.*) критика воспринималась как вредительство. Как организатор сельскохозяйственной науки Лысенко проявил себя жестким и беспощадным гонителем своих научных оппонентов, нанес большой ущерб развитию генетики и биологии в стране. Монополизм Лысенко в биологии, совмещенный со сталинскими методами борьбы с инакомыслием, вызвал уничтожение целых научных школ, гибель многих ученых (в т.ч. Н.И. Вавилова). Позже было однозначно доказано, что все идеи Лысенко не более чем шарлатанство, основанное на лженаучных исследованиях и фальсификациях результатов опытов».

Прочитаешь все это, и прямо в глазах темнеет — ну прямо настоящий злодей и изувер, почище любого инквизитора. Однако ниже мы увидим, что приведенные выше подделки имеют одно краткое название — клевета.

НАУЧНЫЕ ЗАСЛУГИ ЛЫСЕНКО

Начнем с биографической справки.

Лысенко Т.Д. (1898—1976), советский агроном, академик АН Украины (1934), президент (1938—1956 и 1961—1962) ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина), академик АН СССР (1939), Герой Социалистического Труда (1945), трижды лауреат Государственной премии СССР (1941, 1943, 1949). Восемь раз награжден орденом Ленина.

...Т.Д. Лысенко родился в крестьянской семье. Его отец, Денис Никанорович Лысенко, был опытным земледельцем, даже в преклонном возрасте он возглавлял овощеводческую бригаду в Горках Ленинских под Москвой, которая в 1950—1955 годах ежегодно давала прибыль в размере 3 миллионов рублей.

Высшее образование Т.Д. Лысенко получил в Киевском сельскохозяйственном институте (1925). В 1922—1925 годах он старший специалист Белоцерковской селекционной станции, в 1925—1929 годах зав. отделом селекции бобовых культур Гянджинской селекционной станции (Азербайджан). В 1929—1934 годах старший специалист отдела физиологии Всесоюзного селекционно-генетического института (ВСГИ). В 1934—1938 годах научный руководитель, директор ВСГИ. В 1940—1965 годах директор Института генетики АН СССР.

В 1950 г. был награжден Золотой медалью имени И. И. Мечникова «за выдающиеся труды в области биологии и развития творческого советского дарвинизма, приведшие к важнейшим практическим результа-

там в сельском хозяйстве». С 1937 по 1966 год Лысенко — депутат Верховного Совета СССР и заместитель его председателя.

* * *

Попробуем теперь посмотреть, а есть ли у Лысенко научные достижения. Я думаю, что стоит вслед за академиком С. Ф. Демидовым перечислить основные научные заслуги Лысенко.

«1. Яровизация зерновых культур, позволяющая продвинуть ценные сорта яровой пшеницы в более северные районы и обеспечивающая значительную прибавку урожая... В 1940 г. посевы яровизированными семенами были произведены на площади 13 млн. га...

2. Летние посадки картофеля, обеспечивающие прекращение вырождения посадочного материала в южных районах. Площади их достигают сотен тысяч гектаров...

3. Под руководством акад. Лысенко выведен сорт озимой пшеницы «Одесская-3», он превышает по урожайности стандартные сорта на 3-4 ц с гектара, является морозостойким и одновременно засухоустойчивым. Выведен сорт ярового ячменя «Одесский-9». Сорт хлопчатника «Одесский-1» является по существу основным сортом новых районов хлопководства. Академик Лысенко сыграл большую роль в разработке научных основ семеноводства в стране.

4. Мероприятия по укреплению собственной сырьевой базы для производства натурального каучука...

5. Широкое производственное освоение мероприятий по повышению урожайности проса... обеспечило получение урожайности проса свыше 15 ц с гектара.

6. Чеканка хлопчатника, применяющаяся теперь на площади 85—90% всех посевов хлопчатника и обеспечивающая... увеличение доморозного сбора лучших сортов хлопчатника на 10—20%.

7. Академиком Лысенко в годы Великой Отечественной войны внесены предложения по обеспечению повышения всхожести семян зерновых культур в восточных районах СССР. Внедрение этих предложений позволило колхозам и совхозам Сибири значительно увеличить собственные ресурсы семян и повысить урожайность.

8. Представителями мичуринского направления в биологической науке разработан и практически широко распространен такой эффективный прием селекционной работы, как внутрисортные и межсортные скрещивания, методы браковки в селекционном процессе и сознательного подбора родительских пар.

9. В соответствии с решениями февральского Пленума ЦК ВКП(б) в степных районах юга в настоящее время широко внедряются летние посевы люцерны в чистом пару, что быстро обеспечивает значительное увеличение урожаев семян этой культуры, столь необходимых для освоения правильных травопольных севооборотов.

10. В годы войны академиком Т. Д. Лысенко были разработаны и широко внедрены в практику колхозов и совхозов лучшие сроки сева и уборки зерновых культур в Сибири, а также такие важные мероприятия, как

мероприятия по борьбе со свекловичным долгоносиком; использование верхушек клубней картофеля в качестве посадочного материала, что значительно увеличило семенные ресурсы этой культуры; биологический метод борьбы с вредителями и др.

...Одной из основных особенностей академика Лысенко является его повседневная связь с колхозами и совхозами, привлечение к научным исследованиям большого коллектива передовиков сельского хозяйства и быстрое внедрение научных достижений в сельскохозяйственное производство».

Это только краткий перечень достижений великого селекционера. Обратите внимание на характерную деталь: «повышение доморозного (то есть самого качественного. — *Авт.*) сбора лучших сортов хлопка на 10—20%» и представьте себе, какую выгоду это дало в масштабах такой страны, как СССР. Одно это только «тянет» на Государственную премию, а идет в списке «всего лишь» под № 6.

Выделено особо — повышение урожайности пшеницы и картофеля. Значение этого людям, пережившим войну, объяснять было не надо. Только представьте, сколько сотен тысяч, а то и миллионов наших соотечественников спасли в войну от голодной смерти работы Лысенко. И совершенно не случайно, что Т.Д. Лысенко был награжден восемью орденами Ленина, то есть высшими наградами Советского Союза. И ведь не зря он получал звание Героя Социалистического Труда — высшую награду СССР, не считая самых престижных премий...

К ним могла добавиться и еще одна — Нобелевская, но тут уже из всех сил постарались завистники и недоброжелатели, кабинетные доктора сельскохозяйственных и биологических наук. С этим фактом также нужно считаться.

Кстати, подумайте, было ли время и желание у человека, сделавшего столько, сколько сделал Лысенко, участвовать в какой-то мышинной возне? Думаю, что он был выше всего этого — он просто работал, не покладая рук.

ГЛАВНОЕ — ПРАКТИКА

Лысенко в отличие от кабинетных ученых активно участвовал в улучшении агрокультуры в стране. Вот лишь один из примеров. Традиция неприязненного отношения к известному агроному и почвоведу В. Р. Вильямсу (1863—1939), в определенных научных кругах уходит корнями еще в его прижизненные конфликты с рядом ученых. Так, в книге некоего И. Ю. Смирнова «А чем Россия не Нигерия?», в которой автор дает «суровую отповедь» небезызвестному А. Паршеву с его книгой десятилетней давности «Почему Россия не Америка», целые две главки посвящены глумливым нападениям на Вильямса.

Однако травопольная система Вильямса несводима к севообороту с многолетними травами. Она была именно системой земледелия в полном смысле этого слова. Она включала и специфическую организацию

земельной территории, и севооборот, и систему вспашки, и удобрения, и семеноводство, и создание лесозащитных насаждений.

В довоенное время В.Р. Вильямс предложил травопольную систему земледелия для улучшения структуры почв и повышения их плодородия. Эта теория В.Р. Вильямса очень импонировала Сталину, так как не требовала больших материальных затрат, и поэтому авторитет Вильямса был очень высок. Однако Вильямс отрицательно относился к озимым зерновым культурам и основной культуре — пшенице. Он вообще считал возделывание озимых хлебов признаком отсталости в земледелии.

Т.Д. Лысенко удалось убедить Сталина в ошибочности этого положения, в последующие годы был взят курс на селекцию озимых сортов пшеницы для Европейской части Советского Союза и других регионов страны. В результате урожайность озимых сортов пшеницы повысилась до 40—60 и более центнеров с 1 га.

* * *

Несмотря на «мракобесие» Лысенко его селекционная школа дала много сортов различных культур, которые пришлись очень к месту.

Кроме того, можно с уверенностью утверждать, что, если бы не твердая позиция президента ВАСХНИЛ академика Т.Д.Лысенко, то не было бы таких талантливых селекционеров по озимой пшенице, как Д.А. Долгушин, В.Е. Писарев, П.П. Лукьяненко, В.Н. Ремесло,

И.Г. Калинин, и многих других. Сорты каждого из выше названных селекционеров занимали многие миллионы гектаров озимой пшеницы и решали проблему продовольственного зерна не только в нашей стране, но и во многих странах Западной Европы.

Приблизительно в 1983 году, когда сорт озимой пшеницы «Одесская-56» селекции Д.А. Долгушина занял более 6 миллионов гектаров, а при таких масштабах ученые обычно представлялись к званию Героя Социалистического Труда, то и на Доната Александровича к его 80-летию юбилею были направлены представления к этому званию. Однако на торжественном заседании Ученого совета ВСГИ, посвященном 80-летию юбилею академика ВАСХНИЛ Д.А. Долгушина, в заключительном слове юбиляр заявил, что своими успехами в селекции он обязан теории стадийного развития и другим теоретическим разработкам академика Т.Д. Лысенко.

Сидевший в президиуме первый секретарь Одесского обкома КПСС, кажется, Кириченко, зло зыркнул на тогдашнего директора ВСГИ А.А. Созинова и что-то сердито ему сказал. А дело, видимо, было в том, что в тот период имя академика Т.Д. Лысенко было предано анафеме, и первый секретарь обкома усмотрел здесь непорядок. В итоге, вдогонку пошла депеша о снижении награды. В конечном счете Долгушина наградили только орденом Октябрьской Революции, хотя за свой честный и гражданский поступок академик ВАСХНИЛ Д.А. Долгушин был бы достоин особой дополнительной награды «За мужество».

В своей борьбе с морганистами Лысенко, как уже было сказано, опирался на работы выдающегося русского селекционера Мичурина и всегда заявлял, что он мичуринец.

Думаю, что будет нелишним напомнить российскому читателю о И. В. Мичурине. Уж очень печально наблюдать, что из-за клеветы на Лысенко как ученого и человека, ушли из памяти народной деяния Мичурина. Почему вместе с именем Лысенко из науки было вычеркнуто и имя Мичурина, уже совсем непонятно.

Вот краткая аннотация деятельности Мичурина, прочитайте ее, чтобы составить представление о колоссальном подвижническом труде великого советского ученого.

«Иван Владимирович Мичурин (15 (27) октября 1855 — 7 июня 1935) — выдающийся ученый-селекционер, один из основателей науки о селекции плодовых культур.

Он жил и работал в уездном городе Козлове (Тамбовская губерния), переименованном в 1932 г. в Мичуринск. Поставив перед собой задачу продвижения южных сортов плодовых деревьев в среднюю полосу России, Мичурин сначала пытался решить ее путем акклиматизации указанных сортов в новых условиях. Но выращенные им южные сорта зимою вымерзали. Одно лишь изменение условий существования организма не может изменить филогенетически выра-

ботавшийся стойкий генотип (или сумму наследственной информации), притом в определенную сторону.

Убедившись в непригодности метода акклиматизации, Мичурин посвятил свою жизнь селекционной работе, в которой использовал три основных вида воздействия на природу растения: гибридизацию, воспитание развивающегося гибрида в различных условиях и отбор...

Чудо-сорта Мичурина были востребованы во многих странах мира, в том числе в США. Сотрудник Вашингтонского сельскохозяйственного института профессор Ф. Н. Мейер впервые посетил И.В.Мичурина в 1896 году и вывез в США коллекцию мичуринских яблонь, вишен и слив. Мичурин был избран почетным членом американского ученого общества «Бридерс», после чего до революции его ежегодно посещали американские профессора. В 1913 году Мичурин отказался от предложения Департамента земледелия США переехать в Америку или продать свою коллекцию растений.

В 1934 году на базе питомника Мичурина создана генетическая лаборатория. В результате плодотворной деятельности ученого г. Мичуринск превратился в общероссийский центр садоводства, впоследствии здесь также появился НИИ плодоводства им. Мичурина, Мичуринский государственный аграрный университет.

За свою выдающуюся деятельность Мичурин был награжден орденами Св. Анны 3-й степени (1913), Ленина (1931) и Трудового Красного Знамени».

Современная наука подтвердила, что Мичурин, а вслед за ним Лысенко, по сути, научились воздей-

ствовать факторами внешней среды на генетическую программу. Самое интересное, что даже сейчас многие практические приемы, которые использовал Мичурин, не имеют удовлетворительного теоретического объяснения.

* * *

Лысенко использовал находки Мичурина в своей работе. Например, внутрисортное скрещивание самоопыляющихся растений было рекомендовано Лысенко для сортов пшеницы, позднее эта техника была опробована на других видах самоопыляющихся растений. Лысенко указывал, что в отличие от сортов ржи (перекрестноопыляющегося растения), сорта самоопыляющейся пшеницы весьма нестабильны, постепенно теряют свои ценные свойства. Поэтому они могут постепенно накапливать мутации, увеличивающие их приспособленность, но одновременно снижающие их сельскохозяйственную ценность.

Согласно Лысенко, старые сорта пшеницы нужно непрерывно заменять новыми, так как растения нестабильны и их ценные свойства (ради которых они были изначально выведены) теряются при долгосрочном культивировании. Поэтому сорта пшеницы (или другого самоопыляющегося растения) должны постоянно подвергаться селекции на полезные свойства либо время от времени замещаться новым сортом.

Деятельность Т. Д. Лысенко сыграла также важную роль в пропаганде и внедрении в сельскохозяйственную практику отечественных достижений генетики

школы Мичурина. Мичуринское направление генетики подтверждалось многочисленными практическими работами по выведению новых сортов растений. Эти свидетельства приведены в выступлениях ученых на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Большая заслуга Т.Д. Лысенко заключается и в том, что он поднял на щит труды И.В. Мичурина, которые были названы «мичуринским учением» и вошли в золотой фонд советской биологической науки.

А СУДЬИ КТО?

Обвинители Лысенко широко использовали и продолжают использовать приемы полоскания грязного белья. Это делает приводимые ими факты сомнительными. Если ворошить грязное белье любого исторического деятеля, то грязи в нем можно найти не меньше, если не больше, чем в случае с Лысенко.

Вот мнение уважаемого академика Ольшанского, который писал: «Многие противники Лысенко в своей борьбе против его научных взглядов пользуются недостойным приемом — клеветой, восстанавливая против него общественное мнение. Уже несколько лет ходит пущенная молва о культе Лысенко, который связывают с культом Сталина. Распространяют слухи, что якобы по вине Лысенко в период культа личности Сталина погибли видные советские биологи, другие были уволены со своих постов, третьи подвергались всякого рода гонениям...

В числе других обвинений муссируется клевета о виновности Т. Д. Лысенко в гибели академика Н. И. Вавилова и ряда других советских ученых. В 1957 г. на сессии ВАСХНИЛ выступил профессор А. В. Соколов с клеветническим обвинением Лысенко в разгоне кадров агрохимиков. На большом совещании лесоводов в 1963 г. профессор Шепотьев Ф. Д. в своем выступлении говорил о вреде существующего якобы культа личности Лысенко, поддерживаемого высшими инстанциями».

* * *

Кто больше всего хулил и хулит Лысенко? Тот, кто является научным импотентом. Возьмем академика Струнникова. Академик Струнников пишет по заказу своих подпольных хозяев обличительную статью, где поливает грязью Лысенко и не приводит ни одного факта, который бы порочил Лысенко. Видимо, в этом и состоит весь его вклад в науку. Что-то я не нашел его в ряду высокоцитируемых ученых. Академик, поди ж ты, но ничего не открыл. Ну ничегошеньки.... Только закрыл. Имя Лысенко. А грязь на имя Лысенко лил по заказу предателей в партии и правительстве. Так что не академик он, а нуль и ничтожество.

Ему подобны и другие хулители Лысенко. Как пишет доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, президент Общероссийской общественной академии нетрадиционных и редких растений П. Ф. Кононков, «вызыва-

ет просто изумление, что находятся люди, не внесшие и сотой доли процента от вклада Т.Д. Лысенко, которые пытаются очернить имя Трофима Денисовича, как это делает чиновник от науки, вице-президент РАСХН А.А. Жученко, который лично не внес ничего существенного ни для теории, ни для практики. В свое время он был куратором закладки сада-гиганта в Молдавии на площади 5000 га. Ничего не было продумано, не организовано производство посадочного материала, поэтому со всей Европы закупался случайный материал плодовых пород, который не оправдал себя в условиях Молдавии, не была решена проблема опыления и т.д. В итоге затея с садом-гигантом провалилась и, кроме убытков, не принесла ничего для Молдавии. Будучи вице-президентом РАСХН, А.А. Жученко организовывал различные ассоциации по элитному семеноводству, которые также лопнули как мыльный пузырь. Далее, используя федеральные средства, выделенные для РАСХН, издает «кирпичи» по 40—50 печатных листов своих так называемых «монографий», в которых, кроме словоблудия и сотен ссылок на себя, ничего полезного нет. И этот администратор от науки, не прочитавший ни разу трудов Т.Д. Лысенко, на всех перекрестках обливает грязью имя Трофима Денисовича».

Может, другие критики Лысенко отличаются кристальной нравственностью? Тот же Сойфер, например? Когда читаешь книгу Сойфера о Лысенко, то возникает редкостный образ негодяя от науки.

Сойфер вешает всех собак только на Лысенко, как говорил Шурик из комедии Гайдая: «И церковь тоже я?» Сойфер пишет, что Лысенко «не читал беллетристики,

вообще читал мало и по пустякам не разбрасывался. Никто не помнил, чтобы он по собственной инициативе хоть раз сходил в театр, на концерт, — он жил в ином мире и ничуть этим не тяготился».

Недавно вышла статья в Интернете, где доказывается, что этот Сойфер, самый известный критик Лысенко, оказался нечист на руку. Сын академика Т.Д. Глушенко, сподвижника Лысенко, обвинил Сойфера в плагиате. Он пишет: «Ни он (академик Глушенко. — *Авт.*), ни я, его наследник и хранитель архива, никогда не давали юридически оформленного права профессору В. Н. Сойферу приводить полученные от моего отца в моем присутствии фотодокументы в своих книгах, выдавая их за свою собственность, да еще и с примечанием «публикуется впервые»... Во втором издании книги «Власть и наука» («Лазурь», Москва, 1993) приведены в количестве 28 единиц (украденные фотодокументы. — *Авт.*), а в четвертом, последнем издании («ЧеРо», Москва, 2002) — в количестве 17 единиц (по моим оценкам)».

Сойфер не гнушается и грязных намеков. Сын Глушенко пишет: «Иначе, как гнусными и грязными, я не могу назвать измышления и намеки на якобы существовавшие отношения между Т.Д. Лысенко и моей покойной матерью... Разумеется, В.Н. Сойфер знает все и обо всех, поскольку, судя по вышеприведенному тексту, обладает не только вдохновенной фантазией, но и способностью заглядывать в чужие постели и замочные скважины. Как сын своей покойной матери, честь и достоинство которой мне безмерно дороги, я сожа-

лею, что в наше время не практикуются дуэли, на которую я бы без колебаний вызвал «всемирно известного ученого», сочинения которого «буквально заворачивают читателя».

В Интернете же я не нашел у Сойфера выдающихся научных результатов... Ах да, есть одно «научное» достижение! Он помогал разваливать русскую науку в рядах соросовской банды.

* * *

Еще хотелось бы отметить, что Лысенко принципиально не писал ни на кого доносов. В результате его не тронули, а тех, кто на него доносы писал, типа Вавилова — известно как... Существуют письма Вавилова в соответствующие органы, с критикой и просьбой «обратить внимание»...

Да! Методы борьбы «вавилонцев» были не самые чистоплотные. Попыты по подтверждению теории Лысенко запрещались, на Лысенко и его сторонников непрерывно писали доносы в «компетентные органы».

Например, Жорес Медведев подтверждения «научной борьбы» Вавилова находит не в его научных статьях, а в его доносах на Лысенко в адрес наркома земледелия и секретарей ЦК.

Итак, вышеприведенные факты доказывают, что хулители Лысенко — нечистоплотные люди, а используемые ими методы критики глубоко аморальны. Это сводит на нет все их усилия представить Лысенко в виде Мальчиша-плохиша.

«МЫ ПРОСТО НЕ МОГЛИ ИМЕТЬ РОСКОШЬ СОДЕРЖАНИЯ БЕСПЛОДНОЙ, ОТОРВАННОЙ ОТ ЖГУЧИХ ТРЕБОВАНИЙ ЖИЗНИ НАУКИ»

Мое мнение о том, что Лысенко был выдающимся естествоиспытателем, совпадает с мнением бывшего народного комиссара земледелия СССР И.А. Бенедиктова. Далее привожу отрывок из интервью с ним.

«—И все-таки хотелось бы поподробней о генетике...

— Что ж, вернусь к ней. В конце 30-х гг. и в 40-е годы, когда страна испытывала острейшую нехватку сил и средств для выживания в схватке с фашизмом, а затем и восстановления из руин, мы просто не могли иметь роскошь содержания бесплодной, оторванной от жгучих требований жизни науки. Все, буквально все в те годы жестко подчинялось интересам укрепления экономического и оборонного потенциала, к любому вопросу подходили, прежде всего, именно под таким углом.

Научные исследования, проводившиеся Лысенко и его сторонниками, были четко нацелены на реальную отдачу и в ряде случаев уже приносили осязаемый практический эффект. Я имею в виду как повышение урожайности, так и внедрение новых, более перспективных сельскохозяйственных культур. Работы же Вавилова и его последователей каких-либо практических результатов не обещали даже в обозримом будущем, не говоря уже о тогдашнем настоящем.

Кстати, среди генетиков преобладали ученые буржуазной, дореволюционной закваски с элитарными, подчас явно антинародными замашками, афишировавшие свою «аполитичность» и преданность «чистой науке», которой, мол, не до «заземленных», практических нужд. Кое-кто из них чуть ли не в открытую солидаризировался с человеконенавистническими расовыми «теориями» фашизма и даже работал на их подтверждение. Один из таких академических снобов — биолог Тимофеев-Ресовский — пошел даже на прямое предательство Родины, добровольно оставшись в фашистской Германии, где всю войну протрудился в научно-исследовательском институте в Берлине, тесно связанном со спецслужбами гитлеровского рейха.

Симпатии такие люди, естественно, не вызывали. Но главное, повторяю, в том, что тогдашние генетики не сумели доказать важность и перспективность своего направления.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня очевидно, что проявленный здесь чрезмерный «практицизм» притормозил развитие «большой науки». Но виновны за этот просчет скорее те, кто нес прямую ответственность за академическую науку, а также в определенной мере и я, как министр земледелия Союза. Сталин, который от данной проблемы стоял довольно далеко, постоянно, кстати, побуждал нас, руководителей министерского ранга, следить за перспективными научными направлениями, последними достижениями и техническими новинками, защищать талантливых ученых от нападок и интриг бездарностей и завистников.

Но допущенный просчет все же решающего значения не имел. И сейчас, с высоты прошедших десятилетий, я по-прежнему считаю, что проводившийся партией курс на всемерное приближение сельскохозяйственной науки к жизни, к ее потребностям и нуждам был в своей основе правильным. Да и сам Вавилов, возглавлявший тогда Институт растениеводства, фактически признавал это, давал неоднократные обещания преодолеть чрезмерно узкую специализацию его исследований, переориентировать деятельность института в сторону сельскохозяйственной практики. Но своих обещаний, к сожалению, не сдержал.

— *И все-таки вы же не будете отрицать, что в споре Лысенко — Вавилов победа осталась на стороне невежества и непорядочности, нетерпимости к иной точке зрения и что симпатии Сталина к Лысенко способствовали утверждению в биологии того самого монополизма одной группы людей, который сейчас превратился в едва ли не самый главный тормоз развития науки...*

— Почему же не буду отрицать? Буду отрицать, и отрицать решительно. Но сначала позвольте мне, старику, поворчать немного. Тенденциозность и односторонность вопросов о Сталине и о Вавилове не делают вам чести. Похоже, что вы уже заняли определенные позиции, повторяя неумные выдумки, которые любят муссировать в так называемых «интеллигентских кругах». Зачем же тогда вам мои суждения? Журналист должен быть более объективным и беспристрастным, если он искренне стремится понять что-то, а не «заклеймить» непонятое модными фразами. Хочу в данной связи

привести замечательные слова В.И. Ленина: « ...Необходимо рассматривать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение в том, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется».

Похоже, вы и попались на такую «субъективную стряпню». Только в вопросе о Сталине ее использовали для оправдания своих неприглядных дел нечистоплотные политики, а в истории с Вавиловым — столь же нечистоплотные деятели науки.

— *Что же, критику принимаю, постараюсь быть более объективным, хотя, как вы понимаете, отказаться сразу от того, что считал само собою разумеющимся, не так-то просто... И все же, как вы расцениваете широко распространенные утверждения о шарлатанстве Лысенко и мученичестве Вавилова?*

— Как типичнейший пример групповщины. В интересах утверждения своей монополии определенные люди — а последние 20 лет, как известно, генетики держат в биологии ключевые участки — распространяют заведомо ложные, порочащие «конкурентов» сведения.

Я хорошо знал Трофима Денисовича Лысенко, его сильные и слабые стороны. Могу твердо сказать: это был крупный, талантливый ученый, много сделавший для развития советской биологии, в чем не сомневался и сам Вавилов, который, кстати, и двинул его в боль-

шую науку, чрезвычайно высоко оценив первые шаги молодого агронома. Ведь это факт, что на основе работ Лысенко созданы такие сорта сельскохозяйственных культур, как яровая пшеница «Лютенцес-1173», «Одесская-13», ячмень «Одесский-14», хлопчатник «Одесский-1», разработан ряд агротехнических приемов, в том числе яровизация, чеканка хлопчатника. Преданным учеником Лысенко, высоко чтившим его до конца своих дней, был и Павел Пантелеймонович Лукьяненко, пожалуй, наш самый талантливый и плодовитый селекционер, в активе которого 15 районированных сортов озимой пшеницы, в том числе получившие мировую известность «Безостая-1», «Аврора», «Кавказ». Что бы ни говорили «критики» Лысенко, в зерновом клине страны и по сей день преобладают сельскохозяйственные культуры, выведенные его сторонниками и учениками. Побольше бы нам таких «шарлатанов»! Давно, наверное, решили бы проблему повышения урожайности, сняли с повестки дня обеспечение страны зерном. Успехи генетиков пока куда скромней — и не от этой ли слабости позиций, низкой практической отдачи крикливые обвинения своих соперников? Хотя, разумеется, я этих успехов не отрицаю, просто убежден в том, что воцарившаяся монополия одной научной школы приносит немалый вред ...

Да, ряд лысенковских положений не нашел экспериментального подтверждения, а кое-какие из них и просто оказались ошибочными. Но назовите мне хотя бы одного ученого, который бы не ошибался, не выдвигал ложных гипотез? Что же, «шарлатаном» объявлять его за это?

Теперь о борьбе вавиловского и лысенковского направлений. Здесь бытует немало спекуляций, искажающих истинную картину происходившего. Во-первых, эта борьба шла с переменным успехом: бывали, и не раз, моменты, когда Лысенко оказывался в меньшинстве. В решениях, например, Февральского пленума ЦК 1947 г. говорилось об ошибочности ряда направлений его деятельности. Хорошо помню резкую критику Лысенко заведующим Отделом науки Центрального Комитета партии Юрием Ждановым, который, правда, позднее, в ходе разгоревшейся дискуссии изменил свою точку зрения.

Далее. Как бы ни драматизировались гонения на генетиков, фактом остается то, что многие ученые этого направления, подвергнутые резкой критике на известной сессии ВАСХНИЛ в 1948 г., где сторонники Лысенко взяли верх, продолжали, хотя и в ухудшившихся условиях, свою работу. Немчинов, Дубинин, Раппопорт, называю лишь тех, кого помню, — все они оставались в науке, несмотря на довольно резкое осуждение Лысенко и его сторонников, и, что весьма характерно, отказывались от «покаяний». Что касается репрессий, то их применяли отнюдь не за те или иные взгляды, а за конкретные вредительские действия, хотя и здесь, видимо, имелись случаи произвола и беззакония, кстати, и по отношению к ученым, находившимся от генетиков по другую сторону научных баррикад. Один такой судебный процесс, если мне не изменяет память, был проведен незадолго до войны.

И еще на одно обстоятельство хочу обратить ваше внимание. После развенчания Лысенко и его сторонни-

ков все ключевые участки в биологической науке, воспользовавшись благоприятным моментом, заняли его научные противники. Уже одно это говорит о том, что «поголовное уничтожение генетиков» — злобная выдумка, подхваченная, к сожалению, несведущими журналистами и литераторами.

— *И все-таки Сталин, судя по всему, благоволил Лысенко и недолюбливал Вавилова...*

— Тут с вами, пожалуй, можно согласиться. С одной лишь оговоркой: Сталин обычно не руководствовался личными симпатиями и антипатиями, а исходил из интересов дела. Думаю, так было и в этом случае.

Не помню точно, кажется, в 1940 г. в Центральный Комитет партии обратились с письмом двое ученых-биологов — Любищев и Эфроимсон. В довольно резких тонах они обвиняли Лысенко в подтасовке фактов, невежестве, интриганстве и других смертных грехах. В письме содержался призыв к суровым оргвыводам по отношению к «шарлатану», наносящему огромный вред биологической науке.

Мне довелось принять участие в проверке письма. Лысенко, конечно же, оправдывался, приводил разные доводы, когда убедительные, когда нет, но никаких «контрсанкций» по отношению к обидчикам не требовал. Это был его стиль — не превращать науку в конкурентную борьбу с обязательным устранением проигравших. Он страстно, фанатически верил в свою правоту, испытывая подчас наивные надежды, что противники в силу неопровержимости фактов рано или поздно придут к таким же выводам и «сложат оружие» сами, без оргвыводов со стороны руководящих инстан-

ций. «Вот видите, — сказал по этому поводу Сталин, органически не выносивший мелких склок и дразг, характерных для научной и творческой среды. — Его хотя чуть ли не за решетку упечь, а он думает прежде всего о деле и на личности не переходит. Хорошее, ценное для ученого свойство».

И второй, весьма типичный для Лысенко факт. Когда арестовали Вавилова, его ближайшие сторонники и «друзья», выгораживая себя, один за другим стали подтверждать «вредительскую» версию следователя. Лысенко же, к тому времени разошедшийся с Вавиловым в научных позициях, наотрез отказался сделать это и подтвердил свой отказ письменно. А ведь за пособничество «врагам народа» в тот период могли пострадать люди куда с более высоким положением, чем Лысенко, что он, конечно же, прекрасно знал ...

Не хочу сказать, что Трофим Денисович всегда был таким. Иногда верх брали упрямство, предвзятость, склонность к трескучей политической фразе. Но людей без недостатков, увы, не бывает. Важно, чтобы достоинства перевешивали.

Впрочем, я сужу с «общечеловеческих», моральных позиций. Сталин же, уверен, подходил к этому, как и к другим вопросам, политически. Что я имею в виду?

Чтобы преодолеть отсталость, выйти на передовые рубежи технического прогресса, стране нужны были ученые нового, социалистического типа, свободные от недостатков русской буржуазной интеллигенции с ее дряблостью, ленью, «безрукостью», барски-пренебрежительным отношением к простому народу. Говоря современным языком, в 30-е гг. сформировался массовый

социальный заказ на ученого с активной жизненной позицией, тесно связанного с трудящимися, их революционной борьбой за создание нового общества, людей, непримиримых к академической рутине и догме, «почиванию на лаврах», людей, нацеленных на решение назревших практических задач.

В прекрасном фильме «Депутат Балтики», герой которого «делался» с великого русского ученого-биолога Тимирязева, глубоко и правдиво передан весь драматизм противостояния такого ученого преобладавшему в тогдашней науке «образованному мещанству», насквозь пропитанному буржуазными привычками и предрассудками. Увы, большая часть дореволюционной интеллигенции заняла обывательские позиции, Тимирязевы были единичным явлением. Но их эстафету взяли в свои руки ученые нового, социалистического мира, вышедшие из самых глубин народа, как Лысенко. Вавилов же так и не сумел избавиться от недостатков дореволюционной академической элиты...

В научной полемике, которая разгорелась между ними в 30-х гг., Лысенко и его сторонники продемонстрировали куда больше бойцовских качеств, твердости, настойчивости, принципиальности. Вавилов же, как признавали даже его единомышленники, лавировал, сдавал одну позицию за другой, старался сохранить хорошие отношения и с «вашими и с нашими», что у меня, например, всегда вызывало раздражение и недоверие — значит, не уверен в своей позиции, боится ответственности. Думаю, что у людей, непосредственно руководивших в тот период наукой, были такие

же чувства, хотя, конечно, в таких делах решать должны не эмоции.

Определенное малодушие и слабость проявил Вавилов и находясь под следствием, когда, не выдержав психологического давления следователей, оговорил не только себя, но и других, признав наличие вредительской группы в Институте растениеводства, что, естественно, обернулось мучениями и страданиями совершенно невинных людей. Но об этом, правда, я узнал намного позже. В тот же период ни я, как нарком земледелия, ни тем более Сталин во все перипетии борьбы между Лысенко и Вавиловым, в обстоятельства его ареста не входили...

Лысенко же даже под угрозой четвертования не оговорил бы ни себя, ни тем более других. У него была железная воля и стойкие моральные принципы, сбить с которых этого человека представлялось просто невозможным. Другое дело, что иногда он впадал в необъяснимое упрямство и раздражение, начинал подводить под свои эмоции «теоретическую» базу.

Полагаю, что не случайно к Трофиму Денисовичу так тянулась научная молодежь, которой подчас не хватает опыта, но которая весьма чутка к истинному и фальшивому. Мне доводилось не раз бывать на встречах Лысенко со студентами, аспирантами, молодыми учеными и могу сказать вполне определенно: он умел «зажигать» аудиторию, вести ее за собой, внушать молодежи страстное желание к творческому поиску, к достижению неординарных результатов. А вот ученые старой, дореволюционной закваски, и я это хорошо помню по учебе в Сельскохозяйственной акаде-

мии в 20-х гг., симпатии у нас, рабочей молодежи, рвавшейся осваивать большую науку, не вызывали. Многие из них приняли революцию с большим запозданием, да и то, как говорится, «держа камень за пазухой», проявляли открытую неприязнь к «кухаркиным детям», осмелившимся начать продвижение к научному олимпу. Для выходцев из рабоче-крестьянской среды Лысенко был своим, до мозга костей преданным идеалам революции, наглядным примером того, сколь многого может достигнуть простой человек, одержимый жаждой истины, страстным желанием превратить науку в мощный рычаг улучшения жизни людей. Все это, конечно же, сказывалось на отношении Сталина, стремившегося активней вовлечь в науку рабоче-крестьянскую молодежь, к Лысенко».

ВАВИЛОВ И ЛЫСЕНКО

А как же Вавилов, которого будто бы уничтожил Лысенко? Чтобы ответить на этот вопрос, мне придется сказать несколько слов о Вавилове. Н.И. Вавилов действительно выдающийся ученый, который открыл закон морфогенетической изменчивости (он же закон гомологических рядов), а точнее параллельность наследственной изменчивости у растений (1922 г) и учение о исторических центрах происхождения современных культурных растений (1927). Эти два открытия занесли имя Вавилова в ряд классиков генетики и ботаники.

Но что произошло дальше. Он стал директором Института растениеводства. А известно, что любой администратор от науки очень быстро теряет свою научную квалификацию. Это и произошло с Вавиловым. Он продолжал кататься по миру и даже тогда, когда советское правительство резко ограничило научный туризм советских ученых, Вавилов оставался выездным.

Зачем Вавилову нужно было самому ездить по всему миру, если можно послать научного сотрудника, который непосредственно занимается научной работой и систематикой. Пользы было бы гораздо больше. Не пришлось бы краснеть за то, что были куплены советские же семена, проданные в Латинскую Америку. Можно, наконец, было послать двух лаборантов для сбора зерна. Вавилов же везде ездил сам, забывая о своей директорской роли и вообще о науке.

А ведь Вавилов занимал много важных постов. До 1935 он был одним из двух главных советников правительства по проблемам сельскохозяйственных методов. Критики Лысенко говорят об атмосфере преемственности, о связи поколений, о школах ученых. Но о какой научной советской школе Вавилова можно вести речь, если он почти не занимался научной работой с 1927 года, а только мотался по командировкам.

* * *

А каковы были взаимоотношения Вавилова и Лысенко? Оказалось, что Лысенко был рекомендован в академики самим Вавиловым. На Международном генетическом конгрессе в 1932 году Вавилов дал высокую

оценку открытиям Лысенко. На сессии ВАСХНИЛ, состоявшейся летом 1935 года Вавилов сам защищал Лысенко от критиков метода гибридизации растений. Вавилов же рекомендовал кандидатуру Лысенко в действительные члены ВАСХНИЛ.

Вавилов сам ходатайствовал о присуждении Лысенко научных премий. Вот документ, доказывающий мои слова.

«16 марта 1933 г.

В Комиссию содействия ученым при СНК СССР

Настоящим представляю в качестве кандидата на премию в 1933 г. агронома Т.Д. Лысенко.

Его работа по так наз[ываемой] яровизации растений несомненно является за последнее десятилетие крупнейшим достижением в области физиологии растений и связанных с ней дисциплин. Впервые с исключительной глубиной и широтой тов. ЛЫСЕНКО удалось найти пути овладения управлением растением, найти пути сдвигов фаз растений, превращения озимых растений в яровые, позднеспелых в раннеспелые. Его работа является открытием первостепенной важности, ибо открывает новую область, притом вполне доступную исследованию. Несомненно, за работой ЛЫСЕНКО последует развитие целого раздела физиологии растений; его открытие дает возможность широкого использования мировых ассортиментов растений для гибридизации, для продвижения их в более северные районы. И теоретически, и практически открытия ЛЫСЕНКО уже в настоящей фазе представляют исключительный интерес, и мы бы считали

т. ЛЫСЕНКО одним из первых кандидатов на получение премии в 1933 г.

Если бы понадобились более подробные данные, то они могут быть представлены мною.

Академик *Н. Вавилов*».

* * *

Виноват ли Лысенко в гибели Вавилова? Как пишет Википедия, «есть мнение, что осуждение Н. И. Вавилова связано исключительно с его политическими, а не научными взглядами».

Как мне удалось установить, дело было так. В стенгазете ВНИИ растениеводства, где Вавилов был директором, появилась статья, где Вавилов обвинялся во всех смертных грехах, а главное — в том, что он покрывает «вредителей» и «врагов народа». Но долгое время никто не спешил Вавилова арестовывать.

В феврале 1939 г. Отдел науки ЦК ВКП(б) рассмотрел заявление парторганизации Института генетики АН СССР «О нетерпимом положении с руководством и работой ИГЕН АН СССР», подписанное сотрудниками института Дозорцевой, Нуждиным, Соколовской и Шкворниковым, где говорилось, что руководство Н.И. Вавилова — это гастролерство, и что оно «дезорганизует» работников института, и не дает правильных указаний к перестройке. Это заявление Отдел науки переслал в АН СССР. Положение в генетике в высших инстанциях было решено рассмотреть в дискуссии, организуемой редакцией журнала «Под знаме-

нем марксизма» в виде совещания по генетике и селекции в здании ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), куда съехались 150 участников совещания. В качестве аргументов некоторые из них даже припасли образцы растений, плодов, гибридных животных как результат использования генетических теорий, объявлявшихся вредными. «Политическое» содержание столкновения двух точек зрения в этой научной дискуссии председатель Общества биологов-марксистов Б.П. Токин характеризовал в своих тезисах как «большевистский, хозяйский, государственный подход Лысенко. Вавилов — преклонение перед границей, отсутствие критики и самокритики».

В феврале 1940 г. в недрах III отделения Главного экономического управления НКВД появилась справка на Вавилова, где были собраны «показания», удостоверяющие его руководящую роль в «контрреволюционной вредительской организации», обвиняющие его в шпионаже. Следующая справка (май 1940 г.) также содержала набор показаний со всевозможными обвинениями и завершалась тремя резкими высказываниями Вавилова о Лысенко и выражением решимости «бороться до конца». Вскоре появилась еще одна справка, где в числе прочего говорилось об антикоммунистических взглядах ученого, о его весьма критичном отношении к генсеку. Справка завершалась словами: «На основании изложенного, полагал бы ВАВИЛОВА Николая Ивановича арестовать и на квартире провести обыск».

6 августа 1940 года Вавилов был арестован по обвинению в шпионаже. Через месяц Вавилова приговорили к смертной казни за шпионаж и руководство

контрреволюционной организацией. В 1942 году приговор был заменен на 20 лет тюрьмы. Н.И. Вавилов умер от болезни в саратовской тюрьме в 1943 году.

* * *

Вавилов был реабилитирован в 1960 году. После реабилитации Н.И. Вавилова в 1960-х годах следователи прокуратуры признали, что обвинения против него были ложными. Александр Хват, следователь, который вел дело Н. Вавилова, признал, что никаких доказательств шпионской деятельности Вавилова не было найдено. Хват заявил в интервью через много лет после смерти Вавилова, что он не верил в обвинения Вавилова в шпионаже.

Вот этот факт выглядит довольно странным. Хотя Хват и признал, что обвинения Вавилова были беспочвенными, на самом деле следует отметить, что в 1940 году репрессии прекратились и никто не выбивал показания из подозреваемых. Это я показал в своей первой книге о сталинских репрессиях.

Что же было истинной причиной ареста Вавилова? Во-первых, хотя возглавляемый Вавиловым институт носил название прикладной ботаники, никаких особо выдающихся достижений в сельском хозяйстве (!) ученые под руководством Н.И. Вавилова так и не продемонстрировали. Кроме того, создание Вавиловым мировой коллекции предков культурных растений требовало огромных денег. Вавилов обещал быструю отдачу за счет создания новых сортов злаков, но надежды оказались несбыточными, и сдержать обещания ему не

удалось. Поскольку он истратил огромное количество денег и все впустую, то бдительные граждане сообщили о своих подозрениях во вредительстве Вавилова.

Но это еще не все — есть в этом деле и второе немаловажное обстоятельство. Оказывается, Вавилов был другом своего полного тезки Бухарина. Сохранился судебный приговор, из которого видно, что Вавилов входил в антисоветскую группу, связанную с Бухариным. О том, что Вавилов был скрытым антисоветчиком, свидетельствуют и другие факты. Тимофеев-Ресовский и его жена оказались в Германии на положении невозвращенцев после того, как в 1925 г. советские власти их командировали в эту страну для научной работы, а затем последовательно продлевали командировку вплоть до 1936 г. По свидетельству самого Тимофеева—Ресовского, когда в 1937 году Сталин стал собирать из-за границы советских граждан, именно Кольцов с Вавиловым сообщили через Меллера Тимофееву-Ресовскому, чтобы тот ни в коем случае не возвращался в Союз (патриоты, однако!).

Н. В. и Е. А. Тимофеевы-Ресовские остались на положении невозвращенцев и жили не тужили в Германии все годы войны.

Глава 4

ПОЧЕМУ И КАК БЫЛА ОРГАНИЗОВАНА СЕССИЯ ВАСХНИЛ?

УВЛЕЧЕНИЕ ГЕНЕТИКОВ: УЛУЧШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАСЫ ПУТЕМ ОТБОРА

А теперь вернемся к сессии ВАСХНИЛ 1948 года и ответим на два вопроса. 1. Почему вообще эта сессия состоялась? 2. Кто принял решение о ее проведении и почему?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, надо вернуться в 1920-е и 1930-е годы и проследить, как развивалась генетика с того времени до 1948 года, и что произошло непосредственно перед сессией. Сначала поговорим о том, что же тогда происходило в генетике. Биологическая дискуссия в СССР не началась, а лишь подошла к своей кульминации на знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Последовательность событий, предшествовавших этому событию, весьма интересна.

* * *

В России генетика стала развиваться с 1914 г. В 1915—1919 гг. в России возникли две основные ге-

нетические школы: Н.К. Кольцова в Москве и Ю.А. Филипченко в Петрограде. Н.К. Кольцов и Ю.А. Филипченко были связаны творческими проектами в области евгеники: Н.К. Кольцов организовал Русское евгеническое общество с филиалом в Петрограде, который возглавил Ю.А. Филипченко.

Золотой век русской генетики начался вскоре после Октябрьской революции 1917 года. С первых шагов отечественная генетика была связана с европейскими и американскими корнями, прежде всего с лабораториями У. Бэтсона в Англии (переписка с Н.И. Вавиловым, визит в СССР), Т.Х. Моргана в США, с которым поддерживал контакты Ю.А. Филипченко, пославший в его лабораторию Ф.Г. Добржанского (1900—1975), оставившего затем свою собственную школу эволюционной генетики. Знаменательна брошюра 1925 г. «Наследственны ли приобретенные признаки?», авторами которой были Т.Х. Морган и Ю.А. Филипченко.

Несмотря на достижения генетиков, альтернативные гипотезы продолжали развиваться. В биологической науке шли ожесточенные споры, и все бы было нормально, но на эти научные дебаты наслои́лась политика. Что было связано с тем, что советские генетики увлеклись евгеникой.

Евгеника? А это что за зверь, может спросить читатель? Это наука об улучшении человеческой расы путем отбора. Корни и истоки этой дискуссии идут из 20-х годов — именно тогда в СССР под руководством известного советского генетика Н.К. Кольцова развернулась пропаганда идей основоположника евгеники в Англии К.В. Саллеби, согласно которым «производить

потомство должны гений и святой, спортсмен и художник, а не преступник, слабоумный, немощный человек и обыватель».

Идеи евгеники прямо следуют из признания, что ум или способность человека абстрактно мыслить передается по наследству, а раз так, то можно для выведения умных людей пользоваться генетическими методами отбора. Коль скоро направленное изменение генов невозможно, а роль воспитания и воздействия среды вторична и зависит от генов, то кардинально преодолеть пороки человека и человеческого общества можно, лишь отбирая результаты случайных изменений (мутаций) путем создания условий для размножения «лучших» людей (передача им управления обществом при этом, видимо, подразумевается) — позитивная евгеника — и затруднения размножения «худших» людей — негативная евгеника.

Практическое свое воплощение идеи евгеники получили в виде расовых законов, принятых в США и Германии в первой половине XX века. Эти законы широко обсуждались также и в Англии, Франции, Скандинавии. К числу стран, одоббивших законы о стерилизации (1907—1931), относятся Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия, Соединенные Штаты, Эстония, Вольный Город Данциг, Швейцария, Англия, Бермуды, Канада, Мексика, Япония, Германия.

В США, например, «фокусом» негативной евгеники стала «индианская идея» (по названию штата, где впервые был принят закон): принудительная стерилизация лиц, которых суд признавал, подчас на произвольной основе, нежелательными для общества. К 1935 г. зако-

ны о принудительной стерилизации были приняты в 26 штатах США (еще в 10 ожидали принятия, и только 12 штатов этот закон отвергли). В Калифорнии к 1935 г. было стерилизовано на этой основе 12 000 человек...

* * *

В 1920 году Н.К. Кольцов вместе с Ю.А. Филиппченко основал «Русское евгеническое общество» и 20 октября 1921 года на первом его заседании выступил с докладом «Улучшение человеческой породы». Далее эти светила отечественной генетики начали издавать «Русский евгенический журнал», пропагандирующий «достижения» евгеников всего мира в виде публикации, например, работ приснопамятного Ч. Дарвина «Наследственность телосложения» (1924), Г. Лафлина «Евгеническая стерилизация. Исторический, правовой и статистический обзор евгенической стерилизации в Соединенных Штатах» (1926) и других.

Ф. Добржанский признавал наличие «генотипа правящих классов». С 1922 по 1931 г. выходил кольцовский «Русский евгенический журнал».

В 1929 году известный советский генетик и евгеник А.С. Серебровский в своей программной статье прямо заявил о том, как советская евгеника готова поучаствовать в программе индустриализации страны и выполнении пятилетнего плана: «Если бы нам удалось очистить население нашего Союза от различного рода наследственных страданий, то, наверное, пятилетку можно было бы выполнить в 2-3 года».

С этого года генетики ведут отсчет так называемых гонений на генетику. Однако если быть более точным, то 1929 год можно считать датой начала гонений не на генетику как таковую, а именно на евгенику.

До 1936 года «гонения» ограничились лишь закрытием «Русского евгенического журнала», фактической отменой подготовленного Н.И. Вавиловым международного конгресса генетиков и критическими статьями в печати, в которых доморощенным «улучшателям человеческой породы» предлагалось обратить внимание на сомнительность пропагандируемых ими идей. Одним из основных критиков евгеники был академик Лысенко.

На декабрьской научной конференции 1936 г. зав. Отделом науки ЦК дал понять, что не следует поднимать вопросы генетики человека, и три из четырех основных докладчиков (Вавилов, Лысенко, Серебровский) подчинились. Четвертый же, американский ученый Меллер, неожиданно для всех дерзко завершил свое выступление заявлением, что именно лысенковские взгляды как раз и служат «логической основой для расизма и фашизма».

Как видим, возникшие в 30-е годы споры по генетике быстро перешли из области науки в область политики. По одну сторону находились всемирно известные биологи, последователи Моргана. Им противостояла группа, возглавляемая Лысенко. Он представил правительству картину бесперебойного снабжения продовольствием на основе достижений биологии, открыто боролся против генетиков, утверждая, что они ставят палки в колеса прогресса. Самое интересное,

что обещания Лысенко были обоснованны. Он действительно получил выдающиеся практические результаты, о чем говорилось выше.

Почему генетика оказалась в центре политической борьбы? Да потому, что она давала теоретический фундамент общественным теориям. У фашистов были теории, краеугольным камнем которых были идеи о чистоте расы, неизменности генов, в СССР были поддержаны другие теории, основанные на наследовании приобретенных признаков и изменчивости генотипа в зависимости от условий существования.

* * *

Итак, уже в предвоенные годы в генетике отчетливо выделились две группы ученых, отстаивающих разные научные модели. Одни поддерживали Моргана, другие — Ламарка. Вроде бы ничего страшного. Такие дискуссии ведутся по широкому фронту науки всегда и везде. Но на беду, в дискуссии вмешалась политическая составляющая. Генетики оказались замешанными в пропаганде евгеники, а евгеника нашла широкую поддержку в гитлеровской Германии. Начались дебаты, статьи в научных журналах критиковали Лысенко и его последователей, но по сути дела ничего существенного из своих практических достижений морганисты противопоставить Лысенко не смогли...

Великая Отечественная война несколько заглушила остроту споров. Во время войны распри на время были забыты, советские ученые слаженно работали на

нужды фронта. А потом противоречия стали обостряться.

Из литературы следует несколько совершенно неверных трактовок. Казалось бы, сессия ВАСХНИЛ была созвана для разгрома генетиков. Но познакомившись со стенографическим отчетом сессии, я пришел к выводу, что это не так. Напротив, мичуринцы готовились к обороне.

Выше я уже приводил цитату из доклада академика С. Ф. Демидова, который отмечал достижения Лысенко и перечислял его самые значимые работы (яровизация зерновых культур, летние посадки картофеля и т.д.).

Сам по себе этот текст свидетельствует о том, что акад. Демидов готовился защищать Лысенко, а не атаковать его оппонентов.

Лысенко тоже не громил морганистов — он защищался, а потом перешел в контратаку. Может, из-за того, что оппоненты мешали его научной работе? Ведь то, что происходило накануне сессии, тоже очень характерно. Анализ исторических событий, предшествовавших сессии ВАСХНИЛ, показывает, что после Великой Отечественной войны первыми пошли в атаку на Лысенко морганисты, используя административный ресурс не только СССР, но и мирового научного сообщества.

Первый удар был нанесен еще в 1945 году, когда профессор Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева Антон Романович Жербак опубликовал статью «Советская биология» в американском журнале «Наука» («Science»), где он отстаивал позиции вавиловской школы и критиковал взгляды Лысенко и тем самым

как бы вынес сор из избы советской науки на суд международной общественности. Ладно бы писал о своих научных открытиях. Так нет. Решил философию развести.

Позже известный генетик Н. Дубинин в своей биографической книге также признал, что генетики первыми начали использовать административный ресурс в конфликте с Лысенко, воспользовавшись своими связями в ЦК, и тем самым вызвали огонь на себя.

* * *

В ответ на нападки генетиков была опубликована 30 августа 1947 г. статья в «Литературной газете» под названием «На суд общественности». Подписали статью известные поэты А. Сурков, А. Твардовский и Г. Фиш.

Авторы статьи писали: «Когда мы читаем новое произведение советского писателя, слушаем новую симфонию композитора, узнаем о талантливом изобретении конструктора, о новом открытии нашего ученого, мы испытываем естественную гордость и радость за наших людей, за взрастившую их великую Родину. Но, видимо, есть еще и в нашей среде люди, у которых это чувство гордости и радости за успех родной культуры, как это ни странно, отсутствует. В американском журнале «Сайенс» появилась статья советского ученого, президента Академии наук Белорусской ССР, проф. А. Жебрака. Можно было думать, что советский ученый использует свое выступление в иностранном журнале для популяризации достижений передовой советской науки,

для борьбы с враждебными, лженаучными буржуазными теориями или хотя бы для деловой информации.

Нет! Проф. А. Жебрак решил посвятить свою статью уничтожению и охаиванию передового советского ученого, известного всему культурному человечеству своими новаторскими трудами в области физиологии растений и генетики, академика Т.Д. Лысенко. Под видом объективного изложения состояния генетики в СССР А. Жебрак целиком солидаризируется с наиболее реакционными американскими профессорами в оценке теоретических достижений советской мичуринской школы, возглавляемой Т.Д. Лысенко.

В своем низкопоклонстве перед зарубежной наукой проф. Жебрак доходит до того, что фактически предлагает американским ученым нечто вроде единого союза для борьбы против советского ученого Т. Лысенко. Всячески пытаясь дискредитировать имя Т.Д. Лысенко как ученого, проф. Жебрак стремится заверить американских профессоров в том, что судить о советской науке по трудам такого ученого, как Т. Лысенко, не следует, что советская наука, дескать, решительно ничем не отличается от буржуазной и что «подлинные» советские ученые, вроде него самого, А. Жебрака, — такие же приличные и благовоспитанные люди, как и его, А. Жебрака, американские коллеги.

С развязностью он разъясняет, что, мол, Т. Лысенко был награжден советским правительством не как ученый, «не за его взгляды и эксперименты в области генетики», а лишь «за свою работу в области практики сельского хозяйства».

Кстати сказать, кто дал право А. Жебраку по-своему «разъяснять», вопреки фактам, постановления советского правительства? Общеизвестно, что Т. Лысенко был неоднократно удостоен высоких наград за свои ученые труды, которые, конечно, никак нельзя оторвать от практики советского сельского хозяйства.

Заверив, таким образом, своих американских коллег в том, что советское правительство будто бы не признает научной ценности трудов Т. Лысенко, А. Жебрак в своей статье спешит успокоить американских профессоров и в том отношении, что деятельность одного из передовых советских ученых, «основанная, по существу, на наивных и чисто умозрительных заключениях, несмотря на энергичность натиска, не в состоянии помешать успешному развитию генетики в СССР».

Мы оставляем в стороне противоречие между утверждением Жебрака в том, что Лысенко является только агрономом-практиком, и обвинением того же Лысенко в «чистой умозрительности». Но нельзя не возмутиться злобным, клеветническим заявлениям Жебрака о том, что работы Т. Лысенко, по существу, мешают советской науке и что только благодаря неусыпным заботам Жебрака и его единомышленников наука будет спасена. И залог этого спасения А. Жебрак видит в том, что он не одинок: «Вместе с американскими учеными, — пишет Жебрак в журнале «Сайенс», — мы, работающие в этой же научной области в России, строим общую биологию мирового масштаба».

С кем это вместе строит Жебрак одну биологию мирового масштаба? Уж не с Карлом ли Саксом, называющим нашу страну «тоталитарной»? Уж не с Дар-

лингтоном ли? С тем, который, усомнившись в творческих работах Мичурина, клеветает: «Много легче предположить, что он получил свои лучшие растения из Канады и США».

Не с ними ли собирается строить общую биологию мирового масштаба Жебрак? Не с теми ли учеными-генетиками, которые на Международном генетическом конгрессе выпустили манифест с проповедью против человечества? Не с ними ли собирается строить общую науку Жебрак?

Но если таково его желание, то вряд ли оно разделяется советскими учеными, от имени которых он взялся говорить. Гордость советских людей состоит в том, что они борются с реакционерами и клеветниками, а не строят с ними общую науку «мирового масштаба».

До чего же неприглядна роль ученого, стремящегося всеми способами опорочить своего соотечественника на страницах иноземного, к тому же враждебно настроенного издания! И именно эту роль взял на себя советский профессор А. Жебрак. Известно, что проф. Жебрак не раз выступал с критикой трудов Лысенко на страницах советских научных журналов, и никто, разумеется, не находил в этом факте ничего зазорного.

Советская наука развивается путем критики и самокритики. Без научных дискуссий невозможно самое движение науки. Опираясь же в своем споре с соотечественником на реакционных буржуазных ученых, пользуясь услужливо предоставленной ими трибуной, — это никак не согласуется с элементарным понятием гражданской чести советского человека. Невоз-

можно представить себе что-либо подобное в среде советских литераторов. Мы уверены, что и среди советских ученых факты такого рода не могут быть терпимы и найдут ясную и недвусмысленную оценку».

* * *

Статья Жербака была не единственным выпадом генетиков против Т.Д. Лысенко. Второй удар был направлен Лысенко в поддых, скрытный удар. В 1946 г. морганистами был разработан новый стандарт количественного анализа экспериментальных данных. Как было указано, «в целях некоторого упорядочения агрономических исследований» был принят стандарт по методике математического измерения сельскохозяйственных полевых опытов (ГОСТ 3478-46).

Не спорю, улучшать математическую обработку научных результатов надо. Но вот всегда ли? Надо ли иметь часы с миллисекундной стрелкой для анализа событий на полях?..

Третий удар последовал в 1947 году, когда И.И. Шмальгаузен опубликовал статью в главном советском журнале по философии (не в научном, а философском!!!), где резко критиковал научные позиции Лысенко. Обратите внимание, что генетики активно использовали административно-идеологический ресурс.

В итоге, в решениях Февральского пленума ЦК 1947 г. говорилось об ошибочности ряда направлений деятельности Лысенко. На научных конференциях, прошедших в 1947—1948 годах в МГУ, генетики обрушились на взгляды Лысенко с сокрушительной кри-

тикой. Опять же, вместо того, чтобы доказывать свою научную правоту, генетики сами начали устраивать общие собрания, где принимались решения типа осудить, считать...

Затем в 1948 году несколько советских биологов, включая В.П. Эфроимсона и А.А. Любищева, обратились в ЦК (!!!) с письмом, где указывали на опасность для биологии взглядов Лысенко. В то время отделом науки в ЦК КПСС заведовал Ю. Жданов, сын секретаря ЦК КПСС, второго лица в государстве, А. Жданова.

Ю. Жданов тоже поверил, что Лысенко не прав в своем отрицании менделевской генетики и буквально за несколько месяцев до сессии ВАСХНИЛ выступил на заседании одного научного общества с речью, где резко критиковал Лысенко за попытку установить монополию на истину.

Лысенко не ответил на обвинения Ю. Жданова ни в печати, ни во время выступления, хотя мог это сделать. Вместо этого 17 июня 1948 г. он написал письмо Сталину, к которому он обратился за помощью и одновременно заявил, что не может более быть президентом ВАСХНИЛ. Он просил снять с него обязанности президента ВАСХНИЛ.

* * *

А теперь я приведу небольшую выжимку из статьи Ю. Вавилова. Когда 27 октября 1947 г. Лысенко направил Сталину докладную записку, он в ней, в частности, писал: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Если мичуринские теоретические установки, которых мы

придерживаемся и на основе колхозно-совхозной практики развиваем, в своей основе правильны, то назрела уже необходимость нашим руководящим органам образования и сельского хозяйства сказать свое веское слово, внести резкий перелом в дело воспитания наших кадров биологов, агрономов и животноводов. Метафизическое учение о живых телах — морганизм-менделизм, вейсманистский неodarвинизм преподается во всех вузах, мичуринское же учение — советский дарвинизм почти нигде не преподается. Прошу Вас, товарищ СТАЛИН, помочь этому хорошему; нужному для нашего сельского хозяйства делу».

Несколько слов по ходу дела. Итак, Лысенко не просил Сталина об административных гонениях. Он просил лишь дать возможность преподавать студентам мичуринское учение о гибридизации. Обвинители же Лысенко замалчивают многие неудобные им факты, такие как свободное развитие «классической генетики» в СССР на протяжении десятков лет во время руководства Лысенко ВАСХНИЛ, преобладание сторонников вейсманизма-морганизма в преподавательском составе высших учебных заведений СССР.

В учебниках для вузов генетика излагалась по Вейсману-Менделю-Моргану и их отечественным последователям, мичуринское направление всячески замалчивалось. Потом, на сессии ВАСХНИЛ выступавшие приводили свидетельства гонений на ученых, придерживавшихся мичуринского направления, со стороны вейсманистов-морганистов, занимавших значительные административные посты в научных и учебных заведениях. Поэтому на самом деле, августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. была призвана сделать мичурин-

скую генетику более известной в стране, внедрить ее в практику более широко и уж никак не разгромить морганизм.

Сталин весьма позитивно отнесся к докладной записке Лысенко. Уже 31 октября Сталин пишет ответ: «Уважаемый Трофим Денисович! Вашу записку от 27.X.1947 г. получил. Большое Вам спасибо... Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину. С уважением. И. Сталин. 31.X.47 г.».

Для проверки идей Лысенко 25 ноября 1947 г. Сталин разослал членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК, министру сельского хозяйства И.А. Бенедиктову, министру совхозов Н.А. Скворцову, а также директору Ботанического сада АН СССР академику Н.В. Цицину письмо следующего содержания: «Ввиду принципиальной важности и актуальности затронутых в нем вопросов рассылается членам и кандидатам в члены Политбюро настоящая записка академика Лысенко от 27.X.47 г. для ознакомления. В свое время поставленные в ней вопросы будут обсуждаться в Политбюро».

5 февраля 1948 г. Цицин ответил на письмо Сталина, где рассматривал вопросы, поставленные в докладной записке Т.Д. Лысенко. Цицин выступил против «монополии Лысенко на истину» и предложил провести обсуждение теоретических вопросов на сессии ВАСХНИЛ.

Сталин отрицательно отнесся к докладной записке академика Цицина, заявив: «Нельзя забывать, что Лысенко — это сегодня Мичурин в агротехнике... Лысенко имеет недостатки и ошибки как ученый и человек, его надо контролировать, но ставить своей задачей уничтожить Лысенко как ученого — это значит лить воду на мельницу жебраков». Одновременно Сталин позже воспользовался предложением Цицина провести сессию.

15 июля 1948 года Политбюро приняло постановление: «В связи с неправильным, не отражающим позиции ЦК ВКП(б) докладом Ю.А.Жданова по вопросам биологической науки, принять предложение министерства сельского хозяйства СССР, министерства совхозов СССР и академии сельскохозяйственных наук имени Ленина об обсуждении на сессии академии сельскохозяйственных наук доклада акад. Т.Д. Лысенко на тему «О положении в советской биологической науке», имея в виду опубликование этого доклада в печати».

На августовской сессии ВАСХНИЛ, равно как и на расширенном заседании Президиума АН СССР 24-26 августа 1948 г., посвященном этому вопросу, Н.В. Цицин не присутствовал. В это время он находился в больнице — когда Цицин получил сообщение о назначенной на август 1948 года сессии ВАСХНИЛ для обсуждения доклада Лысенко «О положении в биологической науке», которое не оставляло сомнений в ее исходе, у Цицина случился инфаркт. Потом Цицин написал письмо президенту АН СССР С.И. Вавилову, в котором признавал допущенные ошибки и выражал полное согласие с решениями сессии ВАСХНИЛ.

Итак, скудость практических достижений морганистов диктовала им необходимость опережающей атаки на Лысенко. В атаку морганисты пошли первыми, и причиной такого их поведения была слабость их практических достижений, желание тихо клепать свои диссертации, получать степени и звания, заседать на советах, другими словами, делать чисто фундаментальную науку. Они всячески препятствовали работе практиков. Вводили новые инструкции о методах статистического анализа, чтобы затруднить проведение исследований менее грамотным мичуринцам...

Дошло до административного ресурса, когда морганисты стали обращаться в ЦК. Морганисты хотели бы получить полную автономию от государства и исследовать то, что им хочется, не заботясь о практических запросах страны. Затем бы в дело пошли административные гонения. Но Сталин поступил достаточно логично. Он опросил ответственных товарищей и ученых, учел их мнения и принял предложение акад. Цицина провести сессию ВАСХНИЛ.

•

НАСАЖДАЛОСЬ ЛИ УЧЕНИЕ МИЧУРИНА?

Негласный запрет на преподавание генетики и публикацию экспериментальных работ менделистами-вейсманистами просуществовал около 10 лет. Но зададим себе вопрос, действительно ли учение Мичури-

на везде насаждалось насильно? При ответе на данный вопрос полезно проанализировать опыт социалистических стран Европы и Азии.

Учение Мичурина—Лысенко приобрело серьезное влияние в Болгарии, Румынии, Венгрии и ЧССР. Позиции мичуринской генетики были сильными и в школах и в университетах Болгарии, Чехословакии, Румынии, Венгрии.

А вот в ГДР мичуринское учение не пустило корни, хотя статьи Лысенко там и распространялись. Дискуссии между мичуринцами и генетиками носили там чисто научный характер и не сопровождались административными мерами.

Это доказывает, что учение Мичурина—Лысенко ни в коей мере не внедрялось в науку Сталиным насильственно, а то, что происходило, было сделано помимо его воли самими учеными в рамках распространения интересной научной теории. Ведь ему при желании ничего не стоило заставить подконтрольные страны Восточной Европы делать так, как ему нужно.

Кстати в Китае и даже в Японии мичуринская генетика была воспринята более чем серьезно. Японское общество мичуринской биологии было создано в 1954 году и работало до конца 80-х годов. В Китае даже в 1982—1986 годах студентами изучалось две генетики — менделевская и мичуринская — и последняя лучше объясняла многие практические факты.

Глава 5

СТАЛИНСКИЕ КАМПАНИИ конца 40-х — начала 50-х гг.

«КАМПАНИЯ БОРЬБЫ ПРОТИВ КОСМОПОЛИТИЗМА»

Одна из любимых тем антисталинистов — так называемая «кампания борьбы против космополитизма». С этой кампанией они также связывают «гонения на генетику». Между тем, все это можно объяснить, не прибегая к гипотезе о деспотизме Сталина. Борьба с космополитизмом была обусловлена тем, что из-за периферизма советской науки и культуры в них процветало преклонение перед Западом.

Известно, что споры о приоритетах ведутся часто в политических целях. Так, после войны в советские учебники вошло множество двойных названий, чтобы подчеркнуть приоритет отечественных ученых. Было необходимо «психологически» выкорчевать научный периферизм в науке, начавший развиваться в СССР.

Важная роль в затеянной им кампании борьбы с «космополитизмом» была отведена Сталиным историкам науки. Кампания предписывала находить особые

пути развития русской науки, утвердив ее приоритет во многих начинаниях и открытиях.

Другой причиной этой кампании стала попытка Сталина сделать русский язык языком науки. Еще до войны были даны указания ученым печатать работы в основном в русских научных журналах. Сталин знал о будущем жестком противостоянии с Западом и заботился о том, чтобы базы данных были на русском языке. Кто захватит язык науки, тот будет владеть миром. Кстати, сейчас более 70% баз научных данных находятся на территории США, даже русский вариант Википедии.

Чтобы повысить роль русского языка в науке и подчеркнуть роль науки для советской страны, которая противостояла в те годы Западу, пришлось прибегнуть к ряду административных мер. В июле 1947 года принимается решение о запрете изданий АН на иностранных языках. Собственно же кампания борьбы с низкопоклонством перед Западом началась с писем Петра Капицы Сталину. У Кожина читаем: «Вместе с письмом от 2 января 1946 года Капица прислал Сталину рукопись книги историка техники Л.И. Гумилевского «Русские инженеры», которая была создана по настоянию Капицы, а по распоряжению Сталина немедленно издана. «Из книги, — подводил итоги в письме Сталину Капица, — ясно: 1. Большое число крупнейших инженерных начинаний зарождалось у нас. 2. Мы сами почти не умели их развивать... 3. Часто причина неиспользования новаторства в том, что обычно мы недооценивали свое и переоценивали иностранное... сейчас нам

надо усиленным образом поднимать нашу собственную технику... Успешно мы можем делать это только... когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других, и на него можно смело положиться». Нельзя не напомнить, что Капица с 1921-го по 1934 год жил и работал за рубежом и, следовательно, сопоставлял научно-технические «потенциалы» Запада и России с полным знанием дела».

* * *

В 1946 году писателя Александра Поповского вызвали к секретарю ЦК Андрею Жданову. «Партия считает, что история, преподавание науки и техники в нашей стране — в совершенно неудовлетворительном состоянии, — сказал Андрей Александрович. — Люди заканчивают школу и вузы в убеждении, что отечественные умельцы и ученые ни на что не годны, что они могут лишь плохо копировать достижения западных коллег. Это низкопоклонство, этот комплекс неполноценности перед всем западным должен быть преодолен. Соответствующие указания вузам, редакциям и Академии наук уже даны. Вам поручается составить план литературной кампании по простой и доходчивой пропаганде подлинной, а не искаженной западными фальсификаторами и их отечественными прислужниками истории науки и техники. Составьте список тем, план выпуска соответствующих книг, наметьте авторов. Все издательства получают соответствующие указания».

14 августа 1946 г. появилось постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»», в котором, в частности, подверглись критике А. Ахматова и М. Зощенко.

В СССР кампания борьбы с «антипатриотизмом» стала особенно очевидной 28 марта 1947 года, когда при министерствах и ведомствах были учреждены «суды чести», должностующие, согласно их уставу, «вести непримиримую борьбу с низкопоклонством и раболепием перед западной культурой, ликвидировать недооценку значения деятелей русской науки и культуры в развитии мировой цивилизации».

Особенно усилилась борьба с низкопоклонством после публикации на Западе в 1946 году книги о раке двух ленинградских ученых Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина. Профессора Ключева и Роскин направили рукопись своей монографии по проблемам лечения рака для публикации в США. Академик В. Парин, передавший рукопись американским издателям, был обвинен в шпионаже и приговорен к 25 годам заключения. По всей стране была проведена широкая кампания осуждения участников этой истории как космополитов. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 16 июня 1947 года «О деле профессоров Ключевой и Роскина» осуждало наличие среди некоторой части советской интеллигенции... низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной...».

Затем на смену обвинениям в низкопоклонстве перед Западом пришли обвинения в космополитизме. Космополитизм как бы конкретизировал низкопоклонство. Под космополитами, а точнее безродными космо-

политами, обычно имелись в виду евреи. Мне кажется, что советская власть, ведя борьбу с засильем евреев в верхних эшелонах власти, культуре и науке, с процветающими там групповщиной, коррупцией и кумовством, не могла назвать вещи своими именами, не могла заявить, что в еврейской среде процветает кумовство, и вынуждена была пользоваться иносказаниями.

Выражение «безродный космополит» появилось в 1948 году. Его автор — А. А. Жданов, который в январе 1948 года, выступая на совещании деятелей советской музыки в ЦК КПСС, говорил: «Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину означает... потерять свое лицо, стать безродным космополитом».

После января 1948 года история науки и техники подавалась с точки зрения приоритета советских и дореволюционных русских ученых во многих областях знаний. Не обошлось и без перегибов. Были отдельные случаи, когда достижения иностранных ученых и изобретателей замалчивались. Иногда такая установка приводила к прямым фальсификациям (были изобретены якобы «первый в мире полет на воздушном шаре» рязанского подьячего Крякутного, средневековые документы об открытии новгородцами Шпицбергена и т. д.).

Самое интересное, что мнимый «полет Крякутного» на воздушном шаре — это дело рук известного мистификатора XIX века Сулакадзева; историки науки 1940-х гг. лишь некритически воспользовались этой старой историей...

Но кто может осудить Сталина за «борьбу с космополитизмом»? Уже не американцы ли? А может, правильнее говорить не о России, а о США как о «родине слонов»: посмотрите любой американский справочник — и вы убедитесь, что все открытия и изобретения были сделаны американцами (или англоговорящими народами). Сталину с его кратковременной — всего 5-летней — кампанией борьбы с низкопоклонством никак не угнаться за этими проявлениями атлантицентризма, которые продолжают культивироваться не одно десятилетие!

Своего мракобесия хватало и в США. С самого «обезьяньего процесса» (суд над школьным учителем Джоном Скопсом, обвиненном в незаконном преподавании дарвинизма, проходил в июле 1925 года в городе Дейтоне штата Теннесси), навязывающего примат библейского учения о происхождении мира и жизни над «безбожным дарвинизмом», наука в США, несмотря на громкие мировые имена и достижения, не имела массовой популярности и авторитета, в обществе она была под подозрением.

И до сих пор, например, при цитировании научные работы ученых из других стран американцами замалчиваются. В своей книге по науковедению С.Г.Кара-Мурза приводит такой пример. Когда были одновременно опубликованы две работы по аффинной хроматографии (метод разделения и анализа химических смесей), то в Америке больше цитировалась работа американских авторов, а в Швеции шведских, хотя последняя была опубликована чуть раньше и в журнале более высокого уровня.

В результате кампании по «борьбе с космополитизмом» быстро поднялись и окрепли научно-популярные журналы, в каждом киоске Союзпечати можно было, в частности, купить за копейки научно-популярные брошюры из серии «Библиотечка солдата и матроса» (Минобороны работало!). Во дворцах пионеров в кружках судо- и авиамоделистов подрастала смена прославленным российским корабелям и авиаконструкторам. Потрясающие писатели, такие как Б. Агапов и Б. Розен, вводили полуголодных послевоенных мальчишек в волшебный мир сказочных достижений науки и техники, посвящали в радостное и светлое будущее, наполненное смыслом и разумом. Советская научная фантастика подхватывала эту эстафету: мир будущего, коммунизма, рисовался ею как мир умных знающих людей, управляющих высокими технологиями.

По указанию Сталина газета «Правда» из номера в номер публиковала накануне сессии по физиологии высшей нервной деятельности важнейшие работы академика И.П. Павлова...

Сталин писал: «у нас все еще не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия». Хорошо это или плохо — другой вопрос, но с точки зрения Сталина, космополитизм мешал самостоятельному мышлению, мешал развитию советской науки. Огромные успехи советской науки в 1950—1970 годы, сразу же после борьбы с космополитизмом, и последующая ее медленная деградация из-за прорастания

групповщины и преклонения перед Западом доказали, что он был прав. О прозорливости Сталина говорит и нынешняя деградация отечественной культуры под напором американского массового искусства в нынешней России.

А сталинская школа давала довольно высокую грамотность и культурный кругозор, сталинские вузы воспитывали неплохих инженеров и ученых, а самое главное, советское общество в целом радостно верило в науку, сочувствовало ей, было хорошо осведомлено о ее достижениях и полезности. Советская молодежь рвалась к знанию, стремилась в вузы не для уклонения от армии.

Кто тогда не зачитывался физикой, математикой от Перельмана? Астрономией от Воронцова-Вельяминова? Геологией — от Обручева и Ферсмана?

Этот проект по ликвидации периферизма решал задачу рывка в поистине приоритетной области — в образовании — по всему фронту, одновременно мобилизуя идеологов, писателей, журналистов, историков науки, учителей, по максимуму используя преимущества централизованного, но демократичного по структуре общества (образование было всеобщим и практически равнодоступным), воздействуя почти напрямую на подрастающее поколение.

То есть тот проект был не для галочки, не для отчета и последующего мирного забвения, а для оперативного неукоснительного выполнения всем советским обществом в целом и в кратчайшие сроки. В 1949 г. на юбилейной сессии Академии наук в Ленинграде, посвященной 225-летию ее основания, была продемонстри-

рована исключительная роль русской науки в истории человечества. Опора на собственные силы и попытка находить оригинальные решения, идти собственным путем дала выдающийся результат в резком научном и технологическом рывке, совершенном СССР в 50—60-х годах.

А вспомните, что стало ныне, после победы демократии? Окончательно скисли и практически исчезли замечательные научно-популярные журналы, которыми духовно питались поколения 50—60-х, народ повернулся слушать Чумака и Кашпировского, а потом и вообще ударился в ворожбу и волхование...

СТАЛИН И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Наряду с генетикой, биологией, физиологией, кибернетикой и физиологией еще одной наукой, «пострадавшей от тирана Сталина», считается лингвистика или, по—русски, языкознание. Сталин именно так ее и называл.

Как пишет в Интернете безымянный автор, в «Литературной газете» (№ 5 за 1992 г.) прошла статья, написанная совместно писательницей и ученым — Наталией Ильиной и доктором филологических наук Л. Л. Касаткиным. Авторитетные авторы привели убедительные свидетельства, что вмешательство Сталина в языкознание не только не было губительным для этой науки, но даже сыграло положительную роль. Но на другой полосе того же номера газеты автор, далекий от лингвистики, заявлял, что после появления статьи

«отца народов» «началась ликвидация всего классического языкознания». Такой вот «рекорд плюрализма» поставила «Литературка»!

Тот же автор отмечает в Интернете, что представление о том, как Сталин принес вред науке о языке, держится стойко. В 2000 г. в передаче «Династия Орбели» на телеканале «Культура» было сказано: «...Появилась печально знаменитая статья Сталина». В 2002 г. на том же канале в передаче «Тем временем» напомнили, что незадолго до смерти Сталин взялся за языкознание. Прозвучала фраза: «Лингвисты до сих пор вспоминают об этом с содроганием». В публицистических статьях последних десятилетий не раз проводилась мысль, что Сталин «ошельмовал» великого ученого Н. Я. Марра.

В «Московской правде» от 23.03.91 была напечатана статья к столетию С. И. Вавилова. Вот как представляет себе ее автор положение языкознания среди других наук в годы президентства ученого: «Это было время, когда громились генетика и кибернетика, удушались психология и квантовая механика, когда небезопасно было упоминать о теории относительности, а в языкознании равнялись на «труды» отца народов». Чтобы по достоинству оценить «осведомленность» автора в данном вопросе, надо учесть, что С. И. Вавилов был президентом АН СССР с 1945-го по 1951 год, а труд «отца народов» появился в 1950-м. Итак, все громилось, а советская наука становилась второй в мире, обгоняя всех, кроме сверхбогатых Соединенных Штатов. Сейчас никого не громят, а российская наука исчезает как класс. Но это по ходу дела.

А теперь по сути вопроса. В 1950 г. прошли одна за другой две дискуссии — по вопросам языкознания и по вопросам физиологии. В первой Сталин сам принял участие.

Возьмем дискуссию о положении в языкознании в 1950 г. Впервые после многих десятилетий советской власти, в сущности, с конца 20-х годов, на равных на страницах советской печати, ее главного органа «Правды», встретились и вступили в свободную дискуссию два научных течения. Им была предоставлена возможность изложить аргументы в защиту своей точки зрения. И только в итоге дискуссии в спор вступил Сталин.

Но вот что интересно. Сталин вступился не за то течение, которое обосновывало свою правоту с классовой точки зрения, а как раз наоборот — выступил в качестве сторонника бесклассовой точки зрения на происхождение и развитие языка.

Сторонников Н. Я. Марра он упрекал в насаждении своей монополии в языкознании, подавлении других концепций. Именно в этой связи он осудил «аракчеевский дух» в науке и заявил о том, что наука не может развиваться без борьбы мнений и дискуссий.

Сталин разоблачал абсурдное положение о языке как надстройке над базисом. Было «реабилитировано» сравнительно-историческое языкознание, и многие крупные ученые, подвергавшиеся нападкам за непризнание «нового учения о языке», вздохнули свободно. Назову такие известнейшие имена, как академик В. В. Вино-

градов, член-корреспондент Р. И. Аванесов и профессор А. А. Реформатский.

Марристы, осужденные Сталиным, в большинстве своем, видимо, вынуждены были покаяться и признать свои ошибки, но не подверглись репрессиям ни в физическом смысле, ни в административном. Их руководители, такие как академик Мещанинов, утратили руководящие административные позиции, но не возможность работать в науке.

Несмотря на некоторые ошибки в сталинской концепции, дискуссия по языкознанию принесла огромную пользу. Профессор А. А. Реформатский вспоминает о том периоде так: «40-е годы были для лингвистики трудными: первая половина — война, прекращение печатания и прочие тягости, а вторая — бешеный рецидив марризма и создание «аракчеевского режима», и только после «дискуссии» в «Правде» в 1950 г. возникли благоприятные условия и возможности не только «писать в стол», но и печатать...»

Итак, простенькая схемка: Сталин плохой, он ниспроверг Марра, значит Марр — великий ученый, которого надо «реабилитировать», как сейчас говорят, не кагит. Выступление Сталина помогло языкознанию оправиться от монополизма.

«РАЗГРОМ» КИБЕРНЕТИКИ

Термин «кибернетика» ввел древнегреческий ученый Платон как науку управления особыми объектами, имеющими в своем составе людей — эти объекты он

называл «гиберно». Это могла быть и административная единица — земля, заселенная людьми, и корабль. По Платону, построенный и снаряженный корабль — это просто вещь, а вот корабль с экипажем — это уже «гиберно», которым должен управлять специалист — «кибернет», кормчий, по-русски. Если исходить из того, что человек — биологически по крайней мере, то же животное, то становится ясным, откуда взялось название книги Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине».

Новое, как говорится, это хорошо забытое старое. Кстати, обрусевшие слова «губернатор», «губерния», «гувернер» — все происходят от термина, который ввел Платон. Да и английское government — правительство, имеет тот же генезис. Кибернетикой — в исходном, платоновском смысле, в начале XIX века занимался Ампер, поместивший ее на третье место в своей классификации наук, а чуть позже него — блестящий польский ученый Болеслав Трентовский.

Определяясь в том, что же такое кибернетика, хотелось бы сослаться на мнение академика Глушкова, блестящего ученого, математика, инженера, эрудита и интеллектуала, глубочайшего знатока не только технических и математических дисциплин, но трудов Гегеля и Ленина.

Созданное им семейство ЭВМ «МИР» опередило на двадцать лет американцев — это были прообразы персональных компьютеров. В 1967 году фирма IBM купила «МИР-1» на выставке в Лондоне: у IBM был спор о приоритете с конкурентами, и машина была куплена для того, чтобы доказать, что принцип ступенча-

того микропрограммирования, запатентованный конкурентами в 1963 году, давным-давно известен русским и применяется в серийных машинах.

Глушков трактовал кибернетику, как науку об общих закономерностях, принципах и методах обработки информации и управления сложными системами, при этом ЭВМ трактовалась как основное техническое средство кибернетики.

* * *

Если проехать от метро «Ленинский проспект» несколько остановок на троллейбусе, то по адресу Ленинский проспект, 51, можно увидеть утопающий в зелени деревьев типичный сталинский «дворец науки» — огромное здание с колоннами на фасаде. Это ИТМВТ, Институт точной механики и вычислительной техники имени С.А. Лебедева. Он создан в 1948 году для разработки электронных вычислительных машин — основного технического средства кибернетики, по определению Глушкова.

Директор Института математики и, по совместительству, вице-президент АН УССР Лаврентьев написал Сталину письмо о необходимости ускорения исследований в области вычислительной техники, о перспективах использования ЭВМ.

Сталин, прекрасно ориентирующийся в перспективных направлениях науки, отреагировал немедленно: по его распоряжению был создан ИТМВТ и его директором был назначен М.А. Лаврентьев.

В том же 1948 году под началом доктора физико-математических наук С.А. Лебедева начинаются работы по созданию МЭСМ (малой электронной счетной машины) в Киеве.

В конце 1948 года сотрудники Энергетического института им. Кржижановского Брук и Рамеев получают авторское свидетельство на ЭВМ с общей шиной, а в 1950-1951 гг. создают ее. В этой машине впервые в мире вместо электронных ламп используются полупроводниковые (купроксные) диоды.

В начале 1949 года в Москве на базе завода САМ были созданы СКБ-245 и НИИ Счетмаш. В начале 50-х в Алма-Ате была создана лаборатория машинной и вычислительной математики.

Самое интересное, что работа над аналоговыми машинами была начата еще до войны, задолго до постановления по кибернетике. И в 1945 году первая в СССР аналоговая машина уже работала. До войны же были начаты исследования и разработки быстродействующих триггеров — основных элементов цифровых ЭВМ.

Министром машиностроения и приборостроения СССР Сталин назначил П.И. Паршина, прекрасного специалиста и знатока своего дела. И вот, когда на совещании в ИТМВТ один из руководителей лабораторий, Л.И. Гутенмахер, предложил строить ЭВМ на электромагнитных бесконтактных реле (они намного надежнее электронных ламп, хотя работают медленнее), Паршин тут же придумал увеличить силу тока в питающей обмотке реле — а это позволило сократить

число витков в обмотке до одного, значит, сделать реле технологичным, приспособленным для массового производства.

* * *

А в чем же состоял «сталинский разгром кибернетики», спросит меня читатель?

Вот именно, в чем?

Пожалуй, можно привести лишь три примера на сей счет. Во-первых, широкой общественности не были доступны некоторые книги американского математика Норберта Винера, поскольку Винер был убежден, что социальные модели управления и модели управления в обществе и экономике могут быть проанализированы на основе тех же общих положений, которые разработаны в области управления системами. Эти идеи не согласовались с официальными доктринами, пропагандируемыми марксизмом, поэтому были осуждены постановлением ЦК ВКП(б) в 1947 г. Тем не менее кибернетика продолжала, как показано выше, успешно развиваться в СССР.

Второй пример «гонений на кибернетику» — протокол закрытого ученого совета Института электротехники и теплоэнергетики АН УССР от 8 января 1950 года, где с докладом о ходе работ над ЭВМ выступил С.А. Лебедев. Доклад был встречен с интересом, доброжелательно, вопросы задавались толковые, все старались помочь и поддержать. Но среди присутствующих был и некий бдительный академик Швец. По сути

проекта он не высказался — наверное, так ничего и не понял. Но «со всей остротой» поставил вопросы о том, что Лебедев «не борется за приоритет АН УССР по этой работе», «комплексирование работы проводится недостаточно». А самое главное, указал, что «не следует использовать в применении к машине термин «логические операции», машина не может производить логических операций; лучше заменить этот термин другим».

На этом «гонения на кибернетику» на ученом совете и закончились.

Третий пример преследований кибернетики, на который обычно ссылаются антисталинисты, — статьи в «Литературной газете» от 5 апреля 1952 г. и в журнале «Вопросы философии» № 5 за тот же год, а также предисловие к сборнику «Теория передачи электрических сигналов при наличии помех». Для характеристики кибернетики в этих публикациях использовались такие слова, как пустоцвет, лженаука, идеологическое оружие империалистической реакции, порождение лавкеев империализма и т.п.

Как говорится, дуракам закон не писан, — техники делали машины, двигали прогресс, а «философы», которые ничего не умели делать, бдительно следили, чтобы кто не возомнил, что машина может думать или хотя бы производить логические операции. Впрочем, вся эта словесная шелуха не мешала, еще раз повторим, быстрому развитию компьютерного дела в стране.

Вот, собственно, и вся история «преследования кибернетики».

В результате «разгрома кибернетики», в котором обвиняют Сталина, в СССР была создана новая мощная отрасль науки и техники, созданы научно-исследовательские институты и заводы, производящие кибернетические устройства. Созданы научные школы, подготовлены кадры, написаны учебники, в вузах начали читать новые дисциплины, готовить специалистов по кибернетике.

В СССР МЭСМ была запущена в то время, когда в Европе была только одна ЭВМ — английская ЭДСАК, запущенная на год раньше. Но процессор МЭСМ был намного мощнее за счет распараллеливания вычислительного процесса. Аналогичная ЭДСАК машина — ЦЭМ-1 — была принята в эксплуатацию в Институте атомной энергии в 1953 году — но также превосходила ЭДСАК по ряду параметров.

Разработанный лауреатом Сталинской премии, Героем Социалистического Труда С.А. Лебедевым принцип конвейерной обработки, когда потоки команд и операндов обрабатываются параллельно, применяется сейчас во всех ЭВМ в мире...

Специалисты-кибернетики сталинского призыва создавали мощнейшую вычислительную технику, все высшие достижения СССР в этой области связаны с их именами. Работали они по сталинским идеям — с опорой на собственные силы, свои идеи, свои ресурсы.

Но Сталин умер. «Преследования» кибернетики кончились, и дело пошло наперекосяк. Катастро-

фой стало принятое в 1967 году решение руководства СССР перейти на «обезьянью политику» — копировать американскую вычислительную технику, запустить в производство машины IBM-360 под названием Единая Система «Ряд».

«А мы сделаем что-нибудь из «Ряда» вон выходящее!» — горько шутил С.А. Лебедев, один из первых руководителей сталинского ИТМВТ. И как он ни боролся за самобытный, лучший путь развития нашей вычислительной техники, то самое низкопоклонство перед Западом, с которым упорно боролся Сталин, одержало верх. Это подорвало силы ученого, в 1974 году он умер. А ИТМВТ было присвоено его имя, имя лауреата Сталинской премии Сергея Алексеевича Лебедева.

ДИСКУССИЯ ПО ФИЛОСОФИИ

После победы Октября была создана Социалистическая академия, на которую возлагалась «разработка общественных наук с социалистической точки зрения». Социалистическая академия ставила как учебно-просветительские, так и исследовательские цели. Ее работа в первые годы советской власти сыграла известную роль в пропаганде идей марксизма и научного коммунизма, в утверждении новой методологической ориентации в науках об обществе, в консолидации сил, изучающих политику, экономику, рабочее движение в Советской России. Но в направленности ее интересов произошли сдвиги после решения расширить «объем ее деятельности за пределы общественнознания».

В 1924 г. ее переименовали в Коммунистическую академию, в составе которой на особое место выдвигалась секция естественных и точных наук. Секции же этой вменялись в первую очередь «борьба с противоматериалистическими учениями в области этих наук», а также «проверка вновь возникающих теорий и учений с точки зрения материализма и отбор материалистического зерна истины, заключающегося в новых открытиях, от идеалистической шелухи».

Вслед за постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946) последовала так называемая философская дискуссия (1947). Поводом для нее послужила критика Сталиным книги акад. Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии».

Ознакомившись (кстати, по настоятельной просьбе самого автора) с книгой, Сталин вызвал нескольких философов (академиков Митина, Юдина, Поспелова, самого Александрова) и высказал ряд упреков. Уже тогда Сталину было ясно, что западный подход к идеологии не совместим с русскими этическими нормами.

* * *

Важные особенности имела и экономическая дискуссия в связи с подготовкой учебника «Политическая экономия» в 1951—1952 гг. Оставаясь исключительно в рамках рассматриваемой темы и не вдаваясь в содержательную часть этой дискуссии, отмечу, что долгое время, судя по воспоминаниям ее участников, которые периодически публиковались последние годы, и замечаниям, высказанным Сталиным в «Экономиче-

ских проблемах социализма в СССР», она носила научный характер, где относительно свободно высказывались различные точки зрения.

Споры Сталина с участниками дискуссии, названными и неназванными (например, академиком Варгой) оставались, в основном, в рамках товарищеской полемики между единомышленниками.

Сталин принял участие в дискуссии по политэкономии и дал самое исчерпывающее описание социалистического способа производства. Сталин писал: «...Наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, товарное производство без капиталистов, которое имеет дело в основном с товарами объединенных социалистических производителей (государство, колхозы, кооперация), сфера действия которого ограничена предметами личного потребления, которое, очевидно, никак не может развиваться в капиталистическое производство и которому суждено обслуживать совместно с его «денежным хозяйством» дело развития и укрепления социалистического производства... законы политической экономии при социализме являются объективными законами, отражающими закономерность процессов экономической жизни, совершающихся независимо от нашей воли».

Далее он подчеркивал: «Более того, я думаю, что необходимо откинуть и некоторые другие понятия, взятые из «Капитала» Маркса, где Маркс занимался анализом капитализма, и искусственно приклеиваемые к нашим социалистическим отношениям. Я имею в виду, между прочим, такие понятия, как «необходимый» и

«прибавочный» труд, «необходимый» и «прибавочный» продукт, «необходимое» и «прибавочное» время. Маркс анализировал капитализм для того, чтобы выяснить источник эксплуатации рабочего класса, прибавочную стоимость, и дать рабочему классу, лишенному средств производства, духовное оружие для свержения капитализма. Понятно, что Маркс пользуется при этом понятиями (категориями), вполне соответствующими капиталистическим отношениям. Но более чем странно пользоваться теперь этими понятиями, когда рабочий класс не только не лишен власти и средств производства, а, наоборот, держит в своих руках власть и владеет средствами производства. Довольно абсурдно звучат теперь, при нашем строе, слова о рабочей силе, как товаре, и о «найме» рабочих: как будто рабочий класс, владеющий средствами производства, сам себе нанимается и сам себе продает свою рабочую силу. Столь же странно теперь говорить о «необходимом» и «прибавочном» труде: как будто труд рабочих в наших условиях, отданный обществу на расширение производства, развитие образования, здравоохранения, на организацию обороны и т. д., не является столь же необходимым для рабочего класса, стоящего ныне у власти, как и труд, затраченный на покрытие личных потребностей рабочего и его семьи».

В 1947—1948 гг. была раскритикована школа экономистов-международников (Варга, Вишнев, Эвентов, Трахтенберг, Бокшицкий и др.). Был закрыт Институт мирового хозяйства и политики, возглавлявшийся Е.С. Варгой. Но в Германии после отставки директора

НИИ общества Макса Планка институты расформируются, и ничего...

Кстати, фамилии попавших под пресс советских экономистов чаще всего нерусские. Но это так, между делом...

* * *

Выводы из приведенного материала будут следующие. Чем больше я вгрызался в литературу, посвященную так называемым сталинским репрессиям ученых после войны, тем больше мне эта ситуация напоминала случай из сказки Н. Носова «Приключения Незнайки», когда Незнайка решил научиться рисовать. Напомню кратко сюжет той истории. Незнайка пришел к художнику Тюбику и решил научиться рисовать. Однако он не захотел долго корпеть над техникой рисования, а решил сразу взять быка за рога и стал рисовать портреты своих друзей. Утром друзья пришли смотреть результаты художественного творчества Незнайки, и им портреты все очень понравились, все, кроме своего. Они долго смеялись около каждого, но когда видели свой портрет, то говорили, что он плохой, и просили Незнайку снять этот портрет.

Сходная ситуация и в истории со сталинскими репрессиями ученых. Каждый из обвинителей убежден, что Сталин тиран, но когда критик начинает описывать, как Сталин репрессировал ученых в известной ему области, оказывается, что Сталин не мешал, а, наоборот, помогал ученым избежать монополизма.

Как ни старался неизвестный автор в Интернете оплевать Сталина, который будто бы в других отраслях науки все испортил, а вот, оказывается, в языкознании вмешательство Сталина оказалось полезным. Уж как хотелось демократу Голубовскому нарисовать удручающую картину репрессий в науке в послевоенные годы, ан нет, из его же статьи следует, что Сталин всячески помогал ученым.

И так везде...

Глава 6

НАУЧНЫЕ БАНДЫ

КЛАНОВОСТЬ В НАУКЕ И ЖИЗНИ

В начале этой главы приведу выдержки из книги Буряка, где популярно написано объяснение роли кланов в жизни каждого человека

«Если человек хочет добиться чего-то существенного, он оказывается вынужден встроиться в некоторую социальную группу (клан) и принять на себя обязательства соблюдать сложившиеся в ней правила. Выбор клана и акклиматизация в нем — важнейший шаг в карьере. Карьера почти всегда делается в пределах клана. Проникнуть в клан можно, как правило, только с самого «низа» и только в молодом возрасте, когда человек менее отвратительно смотрится на нижних ступенях иерархии. Если он согласится терпеливо мучиться в клане на маленьких ролях, то со временем наверняка хотя бы немного «подрастет». Некоторые кланы процветают, большинство других устраивается так себе, но все равно человеку удобнее состоять в каком-либо клане, чем пользоваться благами свободы. Вне охвата кланами остаются лишь совсем непрестижные занятия. Всякий клан подминает под себя некоторую об-

ласть деятельности и бдит, чтобы никто посторонний не оторвал от этой области ни кусочка. Большинство членов процветающего клана не представляет собой ничего выдающегося. Вне клана они — ничто. Они хорошо живут только благодаря клану. Клан — это стогвор, в котором есть и формальное, и неформальное, стихийное...

Подрывать общественное доверие к клану посредством критики его деятельности значит сокращать людям заработок, а то и делать их безработными. Такого не прощают. За такое могут в крайнем случае даже убить. Разрешается «двигать локтями» в пределах клана, но только не очень сильно. Значительные инновации, значительную критику отдельных членов клана можно позволить себе лишь после того, как доберешься хотя бы до средних ступеней клановой иерархии, то есть после того, как клан признает тебя авторитетом. Клан совместно занимает место под солнцем. Условие благополучия любого клана — сохранение клановой дисциплины, клановой солидарности, одобрение всеми членами клана его идеологии и методов. Иначе клану будет трудно тянуть на себя одеяло. В любой области деятельности индивидуумы, сделавшие карьеру вне клана, могут быть перечислены по пальцам одной руки, а то и не отыщутся вовсе».

* * *

Клановая структура особенно характерна для науки. Приведу еще один текст, найденный мною в Интернете. Кто его написал, я уже не помню.

«Большинство ученых так или иначе принадлежит к одной из групп под названием «научная школа» или специальность. В дополнение к членству в специальностях, ученые также являются членами таких групп, как «дисциплины». Дисциплины — самые могущественные образования в университетах, представляющие собой в большинстве случаев не федеративные системы, а конфедерации суверенных дисциплин. Хотя и существуют ученые, не принадлежащие ни к одной группе, все они принадлежат к какому-либо клану; в любом случае учеба и работа чаще всего осуществляется на факультете, который относится к той или иной дисциплине.

Благодаря схожести факультетской жизни и бесконечной работе в университетских подразделениях, которая преследует каждого профессора днями и ночами, факел банды и клана передается большинству ученых.

Подобно тому, как уличные группировки зарабатывают на жизнь при помощи воровства, ученые получают доходы от карьеры, которая в значительной степени зависит от того, являются ли они преданными членами банд и кланов. Разумеется, успех в научной карьере невозможен без упорной работы, однако демонстрация своей принадлежности к банде и клану может естественным образом дополнить или даже заменить в этом отношении талант и ум. Явная и многократная демонстрация верности этим группам может быть чрезвычайно полезна при получении гранта и подаче статьи на публикацию.

Зависимость между членством в группировке и карьерой вполне очевидна для большинства ученых.

Случаи, когда карьерный рост является результатом только оригинальности или значимости научной работы — редкие исключения. В современной науке, которая выработала формальные приемы, доступные многим, успешность ученого часто мало зависит от его таланта.

Научная работа обычно оценивается комиссией, состоящей из людей, которые или не могут, или не хотят оценить ее оригинальность и важность, особенно в случае, когда эта работа сложнее и труднее для понимания, чем собственные работы членов комиссии. Эти люди тратят на заседания львиную долю своего драгоценного времени, и они не обязаны уделять слишком много времени особо трудным случаям.

Таким образом, членство в банде или клане дает ученому возможность обходить стороной оценку его работы по заслугам. Для получения таких стипендий, грантов, стажировок и других наград, имеющих свой финансовый эквивалент, которые требуют рекомендаций от авторитетных коллег, ученому нужна надежная связь с теми членами группировки, которые всегда от всего сердца готовы поддержать и лично его, и его проект.

Данная поддержка, конечно, зависит от качества конкретного проекта, однако решающую роль в ее получении чаще всего играет чувство преданности своему собрату по банде. «Братская» поддержка иногда оказывается не из соображений сиюминутной личной выгоды. С одной стороны, помогающий знает, что в следующий раз точно так же помогут и ему. С другой — он искренне верит в те добродетели своего кол-

леги, о которых он пишет в рекомендательном письме; если же у него есть какие-то сомнения, они более или менее сглаживаются острым чувством привязанности к группировке.

Большинство заявок на получение грантов отбираются анонимным коллективом исследователей, которые не имеют возможности установить личность заявителя. Однако принадлежность последнего к банде и клану и здесь играет свою роль. Искусный кандидат формулирует заявку таким образом, чтобы безошибочно подать сигналы, указывающие на свою принадлежность к тому или иному формированию. Если вы член психоаналитической банды, то в вашей заявке будет часто цитироваться Фрейд. Это беспроектная тактика, если вам заранее известно, что все члены комиссии являются адептами одной группировки. В случае, когда комиссия состоит из представителей разных банд и кланов, вы можете надеяться на то, что они согласятся с суждениями ваших товарищей, находящихся в комиссии.

Преданность членов объединения друг другу и его негласным правилам вполне сравнима по своей силе с чувствами, испытываемыми уличными бандитами. К счастью, научные группировки используют слова, а не пули — в противном случае уровень смертности в академических бандах сравнялся бы со смертностью по причине криминальных разборок.

Как членство в научном сообществе используется для получения финансовой выгоды, вполне понятно. Остается не совсем ясным, каким образом в нем (в сообществе) достигается эмоциональное вознагражде-

ние и формируется ощущение благополучия. За счет системы статусов.

Во многих отношениях профессорский труд — крайне одинокий вид деятельности. Огромную часть своего времени — при проведении исследований и написании научных работ — профессор проводит в одиночестве. Его контакты со студентами и коллегами ограничены кругом рутинных дел и занимают очень незначительную часть его рабочего времени. Встречи с аспирантами, которые, по сравнению с другими студентами, получают больше его внимания, — тоже всего лишь часть его работы. Товарищеские отношения в лабораториях, библиотеках и офисах встречаются достаточно редко. Без поддержки банды или клана большинство профессоров оказались бы полностью замкнуты на своей работе и изолированы от внешнего мира.

Подобная изоляция уникальна в своем роде.

Основная задача ученого состоит в поиске новых и зачастую высокоспециализированных знаний. Получение такого рода знаний важно не только для карьерного роста ученого, эта деятельность оказывается в центре его трудовой деятельности, а зачастую и в центре всей его жизни. Работа становится для него ключевым элементом его идентичности. А поскольку ученому практически не с кем поделиться радостью от своих научных находок, поиск эзотерических знаний — процесс, ведущий, возможно, к неизбежной и полной изоляции. Чем более успешны поиски, тем сильнее на ученого давит груз знаний, которые отделяют его практически от всех окружающих...

По существу, научные объединения (кланы) создают искусственный и очень затягивающий в себя круг проблем и практик, дающий их членам ощущение единства. Последние практически не общаются на личные темы, однако они могут достаточно гармонично работать вместе над проблемами своей банды и клана. Эти проблемы и создают сообщество, без них его неизбежно ждет полный распад.

Большинство из того, что происходит в процессе преподавания и исследований превращается в ритуал, предназначенный для поддержания групповой идентичности. Так членство в банде и клане становится объектом гордости само по себе, а реальные результаты научной деятельности отступают на второй план. Эта идея объясняет возникновение огромного числа явных и скрытых скандалов в академическом сообществе. Она же полностью объясняет то, почему профессура старается сохранять такую шокирующую дистанцию между собой и своими студентами (особенно студентами младших курсов) — в основании интересов лектора находятся проблемы его специальности, которые не значат ровном счетом ничего для студентов.

Существует ли какой-нибудь выход из трясины академического бандитизма? Эта проблема трудно разрешима по той причине, что верность банде и клану напрямую связана с идентичностью членов этих групп. Эту задачу и попытался решить Сталин так, как он понимал».

* * *

То есть, если рассмотреть под этим углом зрения исторические материалы о так называемых сталинских репрессиях в науке, то все эти дискуссии и административные гонения можно объяснить грызней разных кланов ученых друг с другом. И во всех случаях именно вмешательство Сталина помогло в какой-то степени нормализовать ситуацию.

Хотя, я думаю, нельзя забывать и о том, что надо было перераспределить потоки денег в отрасли, дающие практически важные результаты. Уж слишком, например, застряли в фундаментализме советские морганисты.

Но самое важное общественное значение дискуссий 1948—1952 годов состояло, по моему мнению, в том, что в общественную практику начала внедряться практика широкого обсуждения научных проблем вместо их диктата научными начальниками. Эта практика была далека от совершенства, но все же было провозглашено, что наука не может развиваться без дискуссий, осужден монополизм в науке. Другой вопрос, что плодами дискуссий пользовались иногда карьеристы и выскочки для укрепления своих позиций...

Измышления же о сталинских «гонениях на науку» должны быть решительно отброшены.

Глава 7

«ЛЕНИГРАДСКОЕ ДЕЛО» И ГЕНЕТИКИ

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

В событиях 1949—1950 годов чаще всего видят противоборство неких кланов в ЦК ВКП(б). Причем, ведущие партийные и советские деятели оказываются у разных авторов то по одну, то по другую сторону «баррикад».

Впервые поднял вопрос о «ленинградском деле» на июньском Пленуме ЦК КПСС 1953 года Хрущев. Официальной эта версия стала в мае 1954 года: сначала в Постановлении Президиума ЦК КПСС от 3 мая 1954 года, а затем в выступлениях Н.С. Хрущева и генпрокурора Р.А. Руденко на закрытом заседании ленинградского партактива 6—7 мая 1954 года. Было объявлено, что «ленинградское дело» «сфабриковано бывшим министром госбезопасности В.С. Абакумовым и его подручными по указанию врага народа Л.П. Берии». Затем эта версия была подтверждена 25 февраля 1956 года в печально известном докладе Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях». Своими «откровениями» делились такие деятели, как Волкогонов, Антонов-Овсеенко, Волков, Рад-

зинский, даже Собчак, сравнивший с Вознесенским... себя.

Вот как описывает «ленинградское дело» известный своими инсинуациями против Сталина Радзинский: «Берия и Маленков тотчас уловили настроение Хозяина. Берия жаждет броситься на Кузнецова, курирующего его ведомства. «Собаки рвутся с поводка»... Наступил конец Вознесенского. Вчерашний «выдающийся экономист» был обвинен в том, что «сознательно занижал цифры плана», что его работники «хитрят с правительством»... В последние дни сентября 1950 года в Ленинграде состоялся процесс по делу Вознесенского, Кузнецова и ленинградских партийцев. Они сознались во всех невероятных преступлениях и были приговорены к смерти. Фантастичен был финал судебного заседания: после оглашения приговора охранники набросили на осужденных белые саваны, взвалили на плечи и понесли к выходу через весь зал. В тот же день все были расстреляны».

Даже патриот Жухрай рисует Сталина загнанным в угол одиночкой, которого окружают враждебные силы. А все остальное советское руководство у него опять-таки поделено на кланы.

Описание осужденных по «ленинградскому делу» часто несет черты апологетики, которая навеяна в основном мемуарами Никиты Хрущева, Николая Байбакова, Анастаса Микояна и воспоминаниями ленинградцев, работавших под началом Вознесенского и Кузнецова. Хрущев оценивал Вознесенского как человека «умного, резкого, прямого и смелого», Байбаков, долгое время проработавший министром нефтяной промыш-

ленности и председателем Госплана СССР, считал Вознесенского «талантливым организатором, тонким психологом экономики».

А вот как описано «ленинградское дело» в одном из множества нынешних учебников истории: «Лидирующее положение группы Вознесенского — Кузнецова сохранялось вплоть до 1948 г., когда Маленков был «прощен» и вновь избран секретарем ЦК. «Второе пришествие» Маленкова совпадает по времени с отказом от частичной либерализации экономики и возвратом к идеологии форсированных темпов и приоритетов, строительству промышленных гигантов. Для окончательного устранения конкурентов по инициативе Маленкова начинает раскручиваться «ленинградское дело». Усердие, с которым собирался «компромат» на сподвижников Жданова, подогревалось фактором личной мести — Маленков (и не без основания) считал Кузнецова, раскрутившего «дело авиаторов», виновником своей опалы. «Ленинградское дело» пошло по стандартной, хорошо отработанной схеме: выдвигались обвинения и проводились аресты второстепенных фигур, из которых выбивались показания, а уже потом «брали» главных действующих лиц».

•

* * *

Кто же прав? Попробуем и мы проанализировать имеющиеся факты. Для понимания сути «ленинградского дела» можно выдвинуть несколько версий.

1. Предположим, что излишне подозрительный Сталин тасовал свои кадры и сам инициировал «ле-

нинградское дело», чтобы избавиться от быстро набирающих силы соперников. Но, во-первых, Сталин имел тогда огромный авторитет, и никто бы не посмел его сместить. Более того, существует мнение, что именно сам Сталин выдвигал и Кузнецова и Вознесенского. Эта история имеет две трактовки. Согласно одной из них, на заседании Политбюро в 1947-м Сталин обмолвился: «Время идет, мы стареем. На своем месте вижу Алексея Кузнецова...»

По воспоминаниям же А.И. Микояна, однажды на озере Рица Сталин будто бы сказал своим спутникам, что ввиду приближения старости думает о преемниках. Наиболее подходящей кандидатурой на должность Председателя Совета Министров считает Николай Алексеевича Вознесенского, на пост Генерального секретаря ЦК — Алексея Александровича Кузнецова. «Как, не возражаете, товарищи?» — спросил Сталин. Никто не возразил. Интересно, что Кузнецов, бывший плотник, не имел высшего образования. Но именно Кузнецову Сталин в 1946-м поручил кураторство над репрессивными органами.

2. Допустим, что Сталин по каким-то причинам боялся оставить Вознесенского и Кузнецова своими наследниками и не стал их спасать от сотоварищей по Политбюро. Другими словами, причиной «ленинградского дела» является борьба кланов внутри высшей партийной номенклатуры — и этот фактор действительно имел место. По мнению Судоплатова, мотивы помощников Сталина, мотивы, заставившие Маленкова, Берию и Хрущева уничтожить ленинградскую группировку, были ясны: усилить свою власть. Они боя-

лись, что молодая ленинградская команда придет на смену Сталину. Сталин боялся не какой-либо оппозиции с их стороны, а того, что они могут крепко наломать дров после его смерти, противопоставляя Ленинград Москве, Россию — Союзу. Но, как думается, корни решения Сталина наказать группу вроде бы перспективных и энергичных руководителей уходят гораздо глубже.

3. Можно думать, что борьба за власть внутри верхушки СССР привела к тому, что обычные преступления были немедленно раскручены до размеров государственного преступления. Эта гипотеза имеет право на жизнь, но давайте посмотрим, так ли это.

4. Наконец, существует и последняя гипотеза. Ленинградцев расстреляли по справедливости. Последняя гипотеза, казалось бы, имеет одно очень существенное возражение. Создается впечатление, что именно ради ленинградцев в СССР вновь вводится смертная казнь. До этого, в 1947 году, Указом Президиума Верховного Совета СССР смертная казнь была отменена. Уже в ходе следствия по «ленинградскому делу», 12 января 1950 года, происходит восстановление смертной казни по отношению к изменникам Родины, шпионам и подрывникам-диверсантам. И согласно данному указу осужденные были расстреляны. Тем самым был нарушен один из фундаментальных принципов права — «закон обратной силы не имеет». Подобная ситуация повторится в 1960-х годах, когда арестованные по делу о незаконных валютных операциях сначала были приговорены к 15-летнему сроку заключения по измененной ст. 88 УК РСФСР (хотя в момент преступления

максимальный срок составлял 10 лет), а через полгода расстреляны по протесту прокурора СССР в соответствии с вновь введенной санкцией. Этот шаг очень не характерен для Сталина, добивавшегося выполнения процессуальных норм. Об этом подробно пишет Ю. Мухин. Или же необходимо допустить, что, с точки зрения Сталина, вина ленинградцев была столь велика, что в интересах государства необходимо было их расстрелять. Проверим все эти гипотезы на соответствие реальности.

* * *

А началось все достаточно банально. В январе 1949 года в Центральный Комитет партии поступило анонимное письмо. В нем неизвестный сообщал, что на состоявшейся 25 декабря в Ленинграде объединенной областной и городской партийной конференции были сфальсифицированы результаты голосования. С этого, на первый взгляд, мало примечательного события начинается крупнейшее в послевоенной советской истории судебное дело, вовлекшее в свою орбиту не только руководителей ленинградской партийной организации, но и ряд лиц из ближайшего окружения Сталина.

Проверка полученных сведений их подтвердила. Попков, Капустин и Кузнецов подтасовали партийные протоколы по избранию на ответственные должности на объединенной партконференции города и области 25 декабря 1948 года, когда 23 бюллетеня с голосами «против» были заменены на положительные для руководства.

По мнению П. Судоплатова, следует помнить о менталитете идеалистически настроенных коммунистов в конце 40-х — начале 50-х. В то время самым ужасным преступлением высокопоставленного партийного или государственного деятеля была измена, но не меньшим преступлением была и фальсификация партийных выборов. Дело партии было священным, и в особенности внутрипартийные выборы тайным голосованием, которые считались наиболее эффективным инструментом внутрипартийной демократии.

* * *

Но нарушение партийных норм было лишь надводной частью айсберга. Вторым антинародным преступлением ленинградской группы была организация Всероссийской торговой оптовой ярмарки в январе 1949 года в Ленинграде без специального решения центральных органов. Эту ярмарку Попков и Лазутин устроили в Ленинграде с разрешения Вознесенского. 14 октября 1948 года Бюро Совмина СССР рассмотрело вопрос о разработке мероприятий по реализации остатков товаров народного потребления на сумму 5 миллиардов рублей, скопившихся на складах Министерства торговли СССР. Чуть позже Бюро принимает постановление об организации в декабре того же года межобластных оптовых ярмарок, где указанные остатки должны быть реализованы, и дает разрешение на вывоз. В действительности Совмин РСФСР в лице его председателя Н. И. Родионова проводит в Ленинграде с 10 по 20 ян-

варя 1949 года Всероссийскую оптовую ярмарку с привлечением торговых организаций союзных республик.

Кузнецов, Родионов и Попков не только не получили разрешения, но и не поставили ЦК и Политбюро в известность о предстоящей ярмарке. Центральный Комитет получил извещение о работе ярмарки лишь 13 января 1949 года, то есть когда «отоваривание» (заметьте, вне фондов, и это в условиях плановой экономики) уже происходило в течение трех дней. Совет Министров СССР также не принимал никаких решений по этому поводу и даже не получил извещения: были лишь решения Бюро Совмина СССР, то есть нижестоящего де-юре органа, и, следовательно, речь шла, по меньшей мере, о нарушениях должностной дисциплины, а фактически — о превышении должностных полномочий целой группой высших партийных и государственных работников. Таким образом, речь шла о незаконности проведения оптовой ярмарки с использованием сомнительных закулисных комбинаций, проводимых по линии личных связей с «шефом Ленинграда» Кузнецовым. Организация ярмарки привела к разбазариванию государственных товарных фондов и неоправданным затратам государственных средств на организацию ярмарки и вывоз товаров на национальные окраины страны.

Ленинградцы и Родионов, как формальный лидер России, напрямую вышли на союзные республики. Привлечение союзно-республиканских аппаратов власти и их прямые переговоры с «ленинградцами» создавали опасный прецедент обхода центральных органов

в планировании. Но создание каналов снабжения в обход централизованного распределения не самый главный просчет организаторов ярмарки. Устроители ярмарки не смогли реализовать продовольственные товары, свезенные в Ленинград со всей страны, что привело к их порче и астрономическому ущербу в четыре миллиарда рублей. И это в условиях, когда страна только что начала отходить от голода 1947 года. Уже за одно только это люди, совершившие подобный шаг, заслуживают самого серьезного наказания.

* * *

На Пленуме 28 января 1949 г. Кузнецов был освобожден от обязанностей секретаря ЦК и в феврале 1949 г. назначен секретарем Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б), которое существовало лишь на бумаге. 7 марта 1949 г. он был выведен из состава Оргбюро.

Уже 15 февраля 1949 года Политбюро принимает постановление, где квалифицирует всю совокупность фактов как противогосударственные действия названных лиц и непартийные методы, которые «являются выражением антипартийной групповщины, сеют недоверие... и способны привести к отрыву Ленинградской организации от партии, от ЦК ВКП(б)».

22 февраля 1949 года состоялся объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома партии. На нем с большой речью выступил Маленков. Он заявил, что руководство ленинградской партийной организацией знало о фальсификации, но скрыло этот факт от ЦК. Более того, по его словам, обком превратился в

опорный пункт для борьбы с Центральным Комитетом, культивирует сепаратистские настроения, стремится к созданию самостоятельной Российской Коммунистической партии.

Пленум исключил из партии председателя счетной комиссии конференции Тихонова, одобрил решение ЦК об отстранении от должности первого секретаря ОК и ГК Попкова, объявил выговор Капустину, наложил ряд партийных взысканий на других лиц, причастных к фальсификации результатов выборов.

* * *

Но на этом история не закончилась. В материалах «ленинградского дела» четко прослеживается и шпионский след. В свое время второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Яков Капустин, находясь в 1935—1936 годах на стажировке в Англии, где изучал паровые турбины, вступил в интимную связь с англичанкой-переводчицей.

Однажды муж-англичанин, внезапно вернувшийся домой, застал свою жену и Капустина в костюмах Адама и Евы. Разразился скандал, который стал предметом разбирательства партийной организацией советского торгпредства в Лондоне. В то время дело спустили на тормозах. Но летом 1949 года госбезопасность СССР получила достоверную информацию о том, что Капустин в то время был завербован английской разведкой. 23 июля 1949 года Капустин был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Англии. Очень быстро Капустин признал факт его вербовки английской

разведкой в Лондоне. Конечно, можно фантазировать о пытках, которым подвергли Капустина, но если вспомнить о методах работы английской разведки, то вполне вероятно, что тот случай с неожиданным возвращением мужа был специально организован. Пока материалы дела не опубликованы (да и будут ли они когда-нибудь опубликованы), очень трудно судить, был ли Капустин завербован или нет. По крайней мере, Абакумов не сомневался в этом. В донесении от 1 августа 1949 года Абакумов написал Сталину: «...есть *веские* (выделено мною. — *Авт.*) основания считать Капустина агентом британской разведки...».

4 августа Капустин называет фамилии еще двух участников заговора. Затем Капустин признал, что в Ленинграде сложилась антисоветская, антипартийная группа во главе с членом Политбюро ЦК ВКП(б), заместителем Председателя Совета Министров СССР Вознесенским, секретарем ЦК ВКП(б) Кузнецовым, которому поручено по линии ЦК наблюдение за органами государственной безопасности, Председателем Совета Министров РСФСР Родионовым и первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии Попковым. Что в эту группу помимо его, Капустина, входили второй секретарь Ленинградского обкома и горкома партии Турко, председатель Ленгорисполкома Лазутин, заведующая орготделом Ленинградского обкома партии Закржевская. Как оказалось, всего с этой группой в той или иной степени были связаны более 75 человек из среды ленинградского партийного актива.

Не забудем, что международная обстановка в то время была очень серьезной. Были выявлены шпио-

ны, работавшие совершенно неприкрыто в руководстве Югославии, начались процессы по делам об измене Родине и шпионаже в Болгарии и Венгрии.

* * *

Госбезопасность продолжала расследование и обнаружила еще немало удивительных для того времени фактов. Одни из них были найдены в Музее обороны Ленинграда. Напомню, что музей был торжественно открыт в Соляном городке у Фонтанки в мае 1946 года. Создавать его начали еще во время блокады, сперва сделали выставку, потом ее превратили в постоянный музей. Анфилады залов бывшей в 1870 году Всероссийской промышленной выставки заполнили прославленные самолеты Ленинградского фронта, подлинные дневники блокадников, трофеи, диорамы, военные карты, картины блокадных художников, скульптуры, макеты городских укреплений, блокадных квартир, хлебозаводов... Всего тридцать семь тысяч экспонатов, или, как говорят, единиц хранения. Музей обороны преподносил блокаду как героическую эпопею, как подвиг ленинградцев, жителей города и воинов Ленфронта, руководимых партией Ленина — Сталина.

Но больше всего выпячивалась роль «ленинградских руководителей». Портреты руководителей Ленинграда в годы блокады, того же Попкова, Кузнецова, Капустина и других преобладали в экспозиции. Портрет секретаря Ленинградского обкома Попкова был равен по величине портрету Сталина.

Роль ЦК партии в спасении Ленинграда по сути замалчивалась. Совершенно игнорировались и факты о том, что Ленинград был абсолютно не готов к блокаде. Это стало причиной гибели почти половины его населения. И Кузнецов, как главный организатор обороны города, в числе других представителей высшего партсостава несет свою долю ответственности за это. В довершение всего в музее нашли оружие. Апофеозом розыскных мероприятий стало обнаружение и изъятие пороха, зарытого в оружейной мастерской. Это теперь можно рассуждать, что, мол, «ничего удивительного в том, что он (порох. — *Авт.*) попал в музей, нет — экспонаты привозили порой с фронта «горяченькими». Порох, конечно, следовало передать специалистам или сжечь, но какой-то умник зарыл его в оружейной мастерской. А в те трудные годы везде виделась диверсия.

По мере расследования стала вырисовываться очень интересная картина. Оказалось, что негласно в стране формировалась своеобразная ленинградская мафия. Пробившись во власть, выходцы из Ленинграда тянули за собой знакомых, сослуживцев и земляков и расставляли их на ключевых государственных и партийных постах. Так, Кузнецов в 1945 году выдвинул Попова, бывшего директора авиазавода, секретарем Московской парторганизации, и Попов стал членом Оргбюро ЦК и секретарем ЦК ВКП(б) одновременно. Все главные фигуранты «ленинградского дела», кроме Родионова, имели прочные связи с Ленинградом. Еще летом 1948 года партийная организация города Ленинграда и области в лице ее руководителя П. С. Попкова

обратилась к первому заместителю Председателя Совета Министров СССР, члену Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенскому с предложением взять «шефство» над Ленинградом (Петербургом) (обратите внимание на последнее название в скобках. — *Авт.*). Вознесенский ответил отказом, однако не доложил в Политбюро об инциденте. Как оказалось, подобные разговоры велись также с А. А. Кузнецовым, членом Оргбюро, секретарем ЦК по кадрам. Таким образом, негласно формировалась малая спаянная внутрипартийная группа, члены которой открыто поддерживали друг друга и имели явных лидеров в верхах. Это сейчас стало нормальной практикой тащить за собой в верха своих знакомых и земляков. Один Путин вон сколько их натаскал. А в те трудные годы Сталин жестоко боролся с проявлениями групповщины и кумовства.

Когда Жданов в 1948 году умер, Попов потребовал, чтобы министры, как члены партии, подчинялись ему, как главе Московского комитета партии. Маленков, стремясь убрать Попова, интерпретировал это его требование как свидетельство заговора и появления независимого центра власти в Московской парторганизации. Конечно, можно оспорить эту оценку, но Маленков был не одинок. Мнение Маленкова было поддержано министрами, которые жаловались Сталину, что Попов постоянно вмешивался в их работу. По сути, Жданов и Кузнецов осуществляли двойной контроль над членами правительства: через Попова и через Центральный Комитет (нечто подобное пытался сделать Ельцин, став секретарем Московского комитета партии. В этом одна из причин его конфликта с ап-

паратом ЦК). Такие вещи в те годы вполне могли быть интерпретированы как попытка раскола компартии с помощью организации оппозиционного центра в Ленинграде.

Вот выдержка из письма Политбюро членам ЦК ВКП(б): «В настоящее время можно считать установленным, что в верхушке бывшего ленинградского руководства уже длительное время сложилась враждебная партии группа, в которую входили Кузнецов А., Попков, Капустин, Соловьев, Вербицкий, Лазуткин. В начале войны и особенно во время блокады Ленинграда группа Кузнецова, перетрусив и окончательно растерявшись перед сложившимися трудностями, не верила в возможность победы над немцами. Группа Кузнецова вынашивала замыслы овладения руководящими постами в партии и государстве. Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и готовился вопрос о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград».

Скоре всего; именно перевод Кузнецова в Москву привел к консолидации в верхнем эшелоне власти ленинградской группы, в которую вошли секретарь ЦК Жданов, председатель Госплана Вознесенский, первый секретарь Ленинградского обкома партии Попков и примыкавший к ним Председатель Совета Министров РСФСР Родионов.

Став секретарем ЦК, курирующим органы государственной безопасности, Алексей Кузнецов использовал свои возможности и для укрепления позиций в медицинской сфере. С подачи Кузнецова лечебно-санитарное управление Кремля возглавил его ставленник док-

тор Егоров, впоследствии один из фигурантов «Дела врачей». Более того, через Егорова сам Кузнецов, а через Кузнецова — Жданов пытались контролировать не только процесс лечения кремлевский вождей, но и их охрану и жизнеобеспечение.

Пытались «ленинградцы» вмешиваться и в оперативную работу органов госбезопасности. Так, Кузнецов в обход министра Абакумова пытался вызывать к себе в ЦК на отчет руководителей различных подразделений, инспирировать пересмотр старых дел (в том числе убийства Кирова) и непосредственно через партком МГБ влиять на кадровую политику. Чем бы кончилось противостояние «ленинградцев» и «старой гвардии», неизвестно, но летом 1948 года у Жданова начались проблемы с сердцем, и он был отправлен лечиться на Валдай. Там ему стало плохо, и на валдайскую дачу прибыли бывшие соратники Жданова по Ленинграду Кузнецов и Вознесенский и группа кремлевских врачей. Спасти высокопоставленного пациента не удалось, а впоследствии стало ясно, что смерть Жданова наступила из-за неправильного лечения. Разумеется, речь шла не о злом умысле, а о врачебной ошибке, от которой никто не застрахован.

Однако проводить расследование гибели Жданова по горячим следам не стали. По согласованию с Кузнецовым доктор Егоров дал заключение, что лечение было правильным. Исходил он при этом из своих корпоративных и карьерных интересов, поскольку иначе и он сам, и Кузнецов потеряли бы свои посты, а возможно, и больше.

13 августа 1949 г. Кузнецов был арестован в кабинете Г.М. Маленкова. В этот же день на квартире Кузнецова произвели обыск. В обвинительном заключении на прошедшем в 1950 году суде говорилось, что Кузнецов — «обманным путем пробравшись в ЦК ВКП(б)... повсюду насаждал своих людей — от Белоруссии до Дальнего Востока и от Севера до Крыма». Родионов, например, предлагал не только создать Компартию Российской Федерации, но и учредить собственный российский гимн и флаг — традиционный триколор, но с серпом и молотом. Поэтому намерения сделать более самостоятельной в рамках СССР Российскую Федерацию, поднять роль Ленинграда и Ленинградской области, передав «северной столице» некоторые функции центральной власти, а в будущем сделав даже столицей РСФСР, были налицо. Причем повышение статуса Российской Федерации мыслилось ими не как возрождение подлинных принципов федерализма, а как средство укрепления позиций своего домена — Ленинграда.

На том же суде были вскрыты факты «демагогического заигрывания с Ленинградской организацией, охаивание ЦК ВКП(б)... в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отдалить таким образом организацию от ЦК ВКП(б)». Попков и Капустин публично, до суда и ареста, признали, что их деятельность не укладывалась в партийные нормы и носила, таким образом, антипартийный характер.

Но и это еще оказалось не все. В Совет Министров СССР (а его Председателем был Сталин) поступила докладная записка заместителя председателя Госснаба М. Т. Помазнева о занижении Госпланом СССР (председатель Н. А. Вознесенский) контрольных цифр плана промышленного производства СССР на I квартал 1949 года.

В Госплан была направлена комиссия ЦК, которая провела проверку деятельности Госплана в период его руководства Вознесенским и обнаружила, что при активном участии Вознесенского и Родионова планирование и распределение материальных фондов проводилось на основе личных предпочтений в ущерб интересам государства. Другими словами, используя свои административные возможности в Госплане, Вознесенский активно сколачивал группу своих протеже, которым облегчалась карьера.

Вопрос рассматривался на заседании Совета Министров. Сталин назвал подобные факты следующим образом: «Попытка подогнать цифры под то или иное предвзятое мнение есть преступления уголовного характера». В результате появилась протокольная запись: «Тов. Вознесенский неудовлетворительно руководит Госпланом, не проявляет обязательной, особенно для члена Политбюро, партийности в руководстве Госпланом и в защите директив правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана, вследствие чего в Госплане культиви-

ровались непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана правительства, преступные факты по подгону цифр и, наконец, факты, которые свидетельствуют о том, что руководящие работники Госплана хитрят с правительством».

Вознесенскому инкриминировали «обман государства», или, выражаясь современным языком, очковтирательство. Стремясь облегчить себе жизнь, Вознесенский умышленно занизил план промышленного производства с тем, чтобы позднее рапортовать руководству о его перевыполнении. Такие действия вызвали у Сталина крайнее возмущение. Госплан, не раз повторял он, — это генеральный штаб экономики, который должен быть абсолютно объективным и честным, иначе порядка в стране не навести.

По мнению О. Петровой, нужно помнить, «что существовала практика курирования Председателем Совета Министров и каждым из его Заместителей ряда министерств, это распределение оформлялось официальным документом — Постановлением Совета Министров СССР. Заместитель Председателя не только имел властные полномочия в наблюдаемых министерствах, но и отвечал перед Правительством и Политбюро за их работу. Вознесенский курировал министерства авиационной промышленности, тяжелого машиностроения, автомобильной промышленности, станкостроения, судостроения, финансов, строительства военных и военно-морских предприятий, а также Госбанк, Главное управление государственных материальных резервов, Главное управление трудовых резервов и Комитет по учету и распределению рабочей силы. «Своим» ми-

нистерствам план занижался, а «не своим», например, нефтяной промышленности и МВД — завышался. Важно, что, изменяя план, группа Вознесенского в Госплане нарушала НАТУРАЛЬНЫЕ ПРОПОРЦИИ в народном хозяйстве, т.е. вела к дефициту одних продуктов и «избытку» других. Делалось ли это сознательно, с целью разбалансирования всего хозяйства, или же «просто» для «облегчения жизни» «своим» — вопрос второстепенный. Первостепенно то, что получилось на практике. Современным сторонникам Вознесенского придется признать, что либо Вознесенский СОЗНАТЕЛЬНО ВРЕДИЛ, либо он был АБСОЛЮТНО НЕКОМПЕТЕНТЕН и, будучи председателем Госплана, не знал основных законов планового хозяйства.

Так как Вознесенский окончил Институт Красной профессуры, был доктором экономических наук и даже действительным членом Академии наук СССР, написал ряд статей и книгу «Военная экономика СССР в годы Отечественной войны», то вариант с абсолютной некомпетентностью кажется маловероятным. Однако и на «изошренного вредителя» Вознесенский не тянет, поскольку систематическое занижение плана именно «своим» министерствам признак скорее банального кумовства, чем целенаправленной деятельности».

Характерно, что, несмотря на доказанность вреда от деятельности Вознесенского и его ставленников в Госплане, никого сразу не арестовали. Вознесенский был лишь снят с должности и отправлен в отпуск.

Замечу, что после замены Вознесенского в плановых органах была установлена строгая плановая дисциплина. Планы были сбалансированы и основывались

на натуральных показателях, учете денег и использовании кредитов. Число натуральных плановых показателей увеличилось с 4744 в 1940 г. до 9490 в 1953 г.

* * *

Но и это оказалось не все. В Госплане СССР, которым руководил Вознесенский, за период с 1944 по 1949 год было утрачено значительное количество документов, составляющих государственную тайну СССР. Оказалось, что виноват Вознесенский. Судя по отсутствию комментариев на сей счет из комиссии по реабилитации так называемых жертв репрессий, возглавлявшейся Яковлевым, косвенно можно сделать вывод о серьезности пропажи документов.

Вот что пишет о пропаже О. Петрова: «В Записке о пропаже секретных документов в Госплане СССР от 22 августа 1949 г. приведен длинный перечень пропавших документов. Мы приведем лишь очень немногие из них и суммарные показатели:

Отсутствие надлежащего порядка в обращении с документами привело к тому, что в Госплане за 5 лет недосчитывалось 236 секретных и совершенно секретных документов, кроме того, 9 секретных документов пропали в секретариате Вознесенского.

В числе документов, утраченных в 1944—1949 гг., значатся:

Государственный план восстановления и развития народного хозяйства на 1945 г. (план капитальных работ), № 18104, на 209 листах.

О расчетах нефтеперевозок на 1945 г., № 128, на 3 листах. В документе приводятся данные о пропускной способности нефтепроводов и об объеме перевозок по железнодорожному, морскому и речному транспорту.

Перспективный план восстановления народного хозяйства в освобожденных районах СССР, № 1521, одна книга.

О пятилетнем техническом плане на 1946—1950 гг., № 7218, на 114 листах.

Об организации производства радиолокационных станций, № 4103; на 6 листах.

Записка о плане восстановления железнодорожного транспорта в 1946—1950 гг., № 7576, на 4 листах.

О покупке в США за наличный расчет оборудования, недопоставленного американцами, № 557, на 15 листах.

Письмо и проект распоряжения об организации производства корпусов морского снаряда 152 мм на бывшей немецкой судовой верфи в Шихау, № 11736, на 6 листах.

Перечень вопросов, составляющих государственную тайну и подлежащих засекречиванию в аппаратах уполномоченных Госплана СССР, № 3134, экз. № 2.

Инструкция по ведению секретной и совершенно секретной переписки работниками Госплана, № 3132, экз. № 17.

Заключение по предложениям производственных отделов Госплана об увеличении лимита капитальных работ и объема строительно-монтажных работ на 1947 г., № 6439, на 10 листах. В документе приведено об-

щее количество предприятий, занятых производством средств радиолокационной техники.

Записка о состоянии демонтажа, вывоза и использования оборудования и материалов с немецких и японских предприятий, № 3072, на 4 листах.

Справка о дефицитах по важнейшим материальным балансам, в том числе: по цветным металлам, авиационному бензину и маслам, № 6505, на 4 листах.

Ни один из сотрудников, виновных в утрате государственных документов, не был привлечен к суду, как этого требовал закон. Абсолютное большинство виновных не понесло никакого наказания даже в административном порядке.

Уничтожение секретных документов производилось в Госплане без соблюдения установленных правил. В 1944 г. начальник 3-го отделения секретного отдела Бесчастнов с группой сотрудников составил акт об уничтожении большого количества документов, при этом 33 документа, числящихся по акту уничтоженными, оставил у себя и бесконтрольно хранил до конца 1946 г. Среди эти документов имелись: пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.; пятилетний план восстановления и развития железнодорожного транспорта на 1946—1950 гг.; материалы по балансу и распределению фондов электроэнергии, твердого и жидкого топлива, черных и цветных металлов на II кв. 1946 г., данные о накоплении в госрезерве нефтепродуктов и другие.

Руководство Госплана не провело никакого расследования этого преступного дела и ограничилось объ-

явлением Бесчастнову выговора. Более того, Бесчастнов позже был выдвинут на должность зам. начальника секретного отдела».

* * *

Более года шло следствие. Бывший замначальника Следственной части по особо важным делам МГБ полковник Владимир Комаров, арестованный вместе с Абакумовым, на допросе рассказал, как это было: «В Ленинград поехал я и еще десять следователей... Перед отъездом в Ленинград Абакумов меня строго предупредил, чтобы на суде не было упомянуто имя Жданова. «Головой отвечаешь», — сказал он. Но все прошло как надо. Имя канонизированного к тому времени Жданова на процессе не прозвучало.

26 сентября обвинительное заключение официально утвердил Главный военный прокурор А.П.Вавилов. Судебный процесс решено было проводить в Ленинграде. 29 сентября 1950 года в помещении окружного Дома офицеров на Литейном проспекте открылась выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР. В состав коллегии вошли три генерал-майора юстиции под председательством И.Р. Муталевича.

Глубокой ночью 1 октября 1950 года в 0 часов 59 минут суд приступил к оглашению приговоров. С председательского кресла поднимается генерал-майор юстиции Матулевич: «...Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Турко, Закржевская, Михеев признаны виновными в том, что, объединившись в 1938 году в антисоветскую группу, проводили подрыв-

ную деятельность в партии, направленную на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б) с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК... Для этого пытались возбуждать недовольство среди коммунистов ленинградской организации мероприятиями ЦК ВКП(б), распространяя клеветнические утверждения, высказывали изменнические замыслы... А также разбазаривали государственные средства. Как видно из материалов дела, все обвиняемые на предварительном следствии и на судебном заседании вину свою признали полностью».

Военная коллегия Верховного суда СССР квалифицировала деяния осужденных по самым тяжким составам УК РСФСР — ст. 58-1а (измена родине), ст. 58-7 (вредительство), ст. 58-11 (участие в контрреволюционной организации). А.А.Кузнецов, Н.А.Вознесенский, П.Е.Попков, П.Г.Лазутин, М.И.Родионов и Я.Ф.Капустин были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. И.М.Турко получил пятнадцать лет лишения свободы, Т.В.Закржевская и Ф.Е.Михеев — по десять. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал.

Первого октября 1950 года были расстреляны Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, П. С. Попков, М. И. Родионов, Я. Ф. Капустин и П. Г. Лазутин. Следующие смертные казни происходили в 1951 и 1952 годах. Расстреляли М. А. Вознесенскую (сестру Вознесенских), Бадаева, И. С. Харитонову, П. И. Левина, П. Н. Кубаткина... Глава ленинградского МГБ генерал Кубаткин был репрессирован и расстрелян после закрытого суда.

Всего по «ленинградскому делу» было осуждено более 2 тысяч представителей ленинградской номенклатуры, из которых около 200 человек расстреляли.

* * *

После смерти Сталина и Берии уже 30 апреля 1954 года Верховный суд СССР полностью реабилитировал обвиняемых по «ленинградскому делу». (Однако только в 1988 г. Кузнецов и Вознесенский были восстановлены в партии.) А еще несколько месяцев спустя перед судом предстали следователи по этому делу — министр государственной безопасности генерал-полковник В.С. Абакумов, начальник следственной части по особо важным делам генерал-майор А.Г. Леонов, его заместители полковники М.Т. Лихачев и В.И. Комаров, которые вели «ленинградское дело». Военная коллегия Верховного суда СССР признала их виновными и приговорила к высшей мере наказания. Характерно, что «ленинградское дело» — единственное, по которому были расстреляны практически все следователи. Суд проходил с большой шумихой в Ленинградском Доме офицеров.

Очень странным является тот факт, что до сих пор документы «ленинградского дела» опубликованы лишь частично. Комиссия по реабилитации под руководством небезызвестного «коммунистического академика» А. Н. Яковлева не решилась обнародовать доводы обвинения, указав только, что здесь «МГБ осуществила фабрикацию ряда материалов». Без предъявления

стенограмм заседания, конечно, нельзя опираться на мнение столь одиозной личности.

Между тем, приведенные выше материалы убедительно доказывают, что члены ленинградской группы совершили тяжкие преступления против СССР. Сталин вел жесткую борьбу против нарушений плановой дисциплины и искажений отчетности, против халатности, групповщины и разделения СССР по национальному признаку. Именно этим объясняются жесткие приговоры членам так называемой ленинградской группы.

«ЛЕНИНГРАДЦЫ» И ГЕНЕТИКИ

Назначенный секретарем ЦК А.А. Кузнецов в декабре 1947 года убедил Сталина пригласить сына А. Жданова, Ю. Жданова, на должность заведующего сектором естественных наук ЦК ВКП(б). В свою очередь, Ю. Жданов выдвинул на пост ректора МГУ А.Н. Несмеянова. Так создавалась группка поддержки «ленинградцев» в науке. Она была тесно связана с научными кругами. Напомню, что брат лидера «ленинградской группы» Н. А. Вознесенского, А.А. Вознесенский, был ректором Ленинградского университета.

Семейственность и кумовство формирующейся «ленинградской группы» становились все более очевидными. Людвигов, начальник секретариата Берии в Совете Министров, рассказывал П. Судоплатову, как А. Жданов пытался использовать ситуацию в генетике, чтобы усилить свое влияние в научных кругах. Он

не был сторонником свободы научной деятельности, его не интересовали собственно научные вопросы — его скорее волновало расширение своего влияния. Выступления ученых против Лысенко помогали ему назначать своих людей на посты, контролирующие науку и промышленность.

Скорее всего, Сталин в июне 1948 года решил заменить А. Жданова Маленковым, именно опасаясь усиления влияния первого из них. 1 июля 1948 года «ввиду расширения работы ЦК» Маленков был восстановлен в должности секретаря ЦК. А через пять дней Политбюро приняло постановление отправить с 10 июля А. Жданова, «согласно заключению врачей», в двухмесячный отпуск. Служебные полномочия последнего по секретариату ЦК передавались Маленкову.

Последнее, что сделал А. Жданов перед тем, как отправиться на лечение, было представление совместно с Маленковым Сталину проекта сообщения ЦК «О положении в советской биологической науке», подготовленного Шепиловым и Митиным. А. Жданову, вынужденному дополнить этот документ выпадами против собственного сына, видимо, нелегко далась следующая фраза: «... Ю. Жданов встал на неправильный путь. Пытаясь примирить и объединить... реакционное направление в биологии с передовым и прогрессивным мичуринским направлением, развиваемым академиком Лысенко...». 7 августа в «Правде» было напечатано покаянное письмо Ю. Жданова, в котором тот, ссылаясь на свою «неопытность» и «незрелость», униженно просил отпущения грехов.

Заседание Политбюро, на котором обсуждалось «дело» Юрия Жданова, как уже упоминалось, открылось 31 мая. С самого начала Сталин, не скрывая своего возмущения, заявил, что Жданов-младший поставил своей целью разгромить и уничтожить Лысенко, забыв, что тот сегодня является Мичуриным в агротехнике. Затем вождь стал выяснять, кто разрешил доклад в Политехническом музее. Как потом пытался представить дело Шепилов, он, якобы первым нарушив следовавшее за этим вопросом всеобщее молчание, которое «становилось тягостным и невыносимым», «встал и громко по-военному ответил»: «Это я разрешил, товарищ Сталин».

То, что именно так было на самом деле, заставляет сомневаться свидетельство главного действующего лица этой истории — Юрия Жданова, который тоже присутствовал на этом заседании и впоследствии сетовал на то, что его очень подвел Шепилов, отказавшийся взять на себя ответственность за одобрение доклада в Политехническом музее.

Подводя итоги заседания, Сталин, по словам Шепилова, очень тихо и со «зловещей» нотой в голосе произнес, что надо примерно наказать виновных, но не Юрия Жданова, он еще молодой и неопытный, а отцов, указав мундштуком трубки при этом на Жданова-старшего. Для подготовки соответствующего решения тогда же была сформирована комиссия Политбюро, в которой главная роль отводилась Маленкову. Так ли все происходило, мы не знаем...

* * *

Нельзя забывать и о том, что в 1948 году остро стоял вопрос о преданности интеллигенции сталинскому руководству страны. Сессия ВАСХНИЛ закончилась 7 августа, а 3 сентября в Москве тысячи евреев восторженно встречали Голду Меир. В результате стало очевидным, что в СССР практически нет интеллигенции, которой можно доверять. Интеллигенция-то сплошь специфической национальности.

Власть же без идеологической опоры на интеллигенцию в качестве рупора, учительства, науки, культуры, без инженеров человеческих сердец — ничто. А надо еще добавить, что США и Англия вели с СССР холодную войну, а у СССР еще не было атомной бомбы...

Глава 8

СТАЛИН И НАУКА

СТАЛИНСКАЯ ИДЕЯ «ОНАУЧИВАНИЯ» СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Остается еще один вопрос. Вопрос о роли Сталина в развитии советской науки. Я его частично уже освещал, но все как-то разрозненно. А он заслуживает особого внимания.

Перед Сталиным в конце 40-х гг. со всей остротой встала проблема, как обеспечить нацеленность советского общества на научно-технический прогресс, технологическое совершенствование — иначе сомнута. Сталин понимал, что очень сложно состязаться с Западом, используя его же методы инновационного стимулирования. Поэтому им был разработан план, говоря словами М. Петрова, «онаучивания» советского общества. План этот, скорее всего, осознавался Сталиным интуитивно и, конечно, нигде не был опубликован, но анализ действий Сталина позволяет заключить, что он действовал не случайным образом. План этот включал несколько компонентов.

1. Необходимо было вовлечь в науку весь народ, заставить его осознать, что только инновационная активность, творчество дают истинное наслаждение.

2. Надо было сделать науку независимой от промышленности, иначе наука быстро превратилась бы в придаток последней, и это доказал опыт послесталинского развития СССР.

3. Необходимо было создавать мощные «научные кулаки», и это решалось путем создания научных городков, что на десятки лет предвосхитило то же решение, предложенное в США в виде университетских лагерей или кампусов.

4. Ученые должны были стремиться к внедрению своих достижений, поскольку только тесная работа с промышленностью позволяла им увеличить финансирование своего направления.

Кроме того, технические решения искали военные, которые участвовали в гонке вооружений.

* * *

Реализуя свой грандиозный план, Сталин достиг замечательных успехов. Созданная научная инфраструктура в то время не уступала американской. И это в нищей стране, разрушенной войной. Сеть фундаментальных и прикладных научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и вузовских лабораторий охватила весь фронт исследований. Ученые стали подлинной элитой страны. Имена Курчатова, Ландау, Тамма, Келдыша, Королева, Туполева — известны во всем мире.

Сталин хорошо знал состояние науки и высшего образования в СССР. По свидетельству Ю. Жданова, Сталин говорил ему осенью 1947 г., находясь на от-

дыхе в Сочи: «Наши университеты после революции прошли три периода. В первый период они играли ту же роль, что и в царское время. Они были основной кузницей кадров. Наряду с ними лишь в очень слабой мере развивались рабфаки. Затем, с развитием хозяйства и торговли, потребовалось большое количество практиков, дельцов. Университетам был нанесен удар. Возникло много техникумов и отраслевых институтов. Хозяйственники обеспечивали себя кадрами, но они не были заинтересованы в подготовке теоретиков. Институты съели университеты. Сейчас у нас слишком много университетов. Следует не насаждать новые, а улучшать существующие. Нельзя ставить вопрос так: университеты готовят либо преподавателей, либо научных работников. Нельзя преподавать, не ведая и не зная научной работы. Человек, знающий хорошо теорию, будет лучше разбираться в практических вопросах, чем узкий практик. Человек, получивший университетское образование, обладающий широким кругозором, будет полезнее для практики, чем, например, химик, ничего не знающий, кроме своей химии. В университеты следует набирать не одну лишь зеленую молодежь со школьной скамьи, но и практиков, прошедших определенный производственный опыт. У них в голове уже имеются вопросы и проблемы, но нет теоретических знаний для их решения. На ближайший период следует большую часть выпускников оставлять при университетах. Насытить университеты преподавателями».

И это не осталось пустыми словами. Послевоенное десятилетие характеризовалось ростом престижа научно-преподавательской работы в СССР. Зарплата ректо-

ра выросла с 2,5 тыс. до 8 тыс. рублей, профессора, доктора наук — с 2 тыс. до 5 тыс. рублей, доцента, кандидата наук — с 1200 до 3200 рублей, — и это в нищей, разрушенной войной стране!

В эти годы соотношение зарплаты доцента, кандидата наук и квалифицированного рабочего составляло примерно 4 к 1, а профессора, доктора наук 7 к 1. Такого уровня оплаты труда отечественные ученые и вузовские преподаватели не имели в последующие годы, ибо после Сталина при постоянном росте цен, повышении зарплаты другим категориям служащих оплата труда ученых и преподавателей оставалась неизменной свыше 40 лет...

После войны восстановление университетов в зоне бывшей немецкой оккупации завершилось к концу 40-х годов. Активно начали создаваться и развиваться университеты в столицах ряда союзных республик (Кишинев, Ашхабад, Фрунзе и др.), и к 1951 году все союзные республики имели свои университеты. За 5 лет удалось возвести первую часть комплекса МГУ на Ленинских горах.

Вот как описывает Ю. Жданов заседание Политбюро по поводу Московского университета:

«Заседание вел Сталин. На нем присутствовали члены Политбюро, руководители Москвы и мы с Несмеяновым в весьма напряженном состоянии.

Сталин начал прямо:

— Здесь были представлены предложения о строительстве нового комплекса зданий для Московского государственного университета. Что запроектировано у нас на Воробьевых горах?

Ответ:

— Комплекс высотных жилых зданий.

Сталин:

— Возведем этот комплекс для Московского университета, и не в 10—12, а в 20 этажей. Строить поручим Комаровскому. Для ускорения темпов строительства его надо будет вести параллельно с проектированием.

Обращаясь к Микояну:

— Следует предусмотреть Внешторгу валютные ассигнования на необходимое оснащение и оборудование лабораторий; университет должен быть обеспечен новейшими приборами и реактивами.

Необходимо создать жилищно-бытовые условия, построив общежития для преподавателей и студентов. Сколько будет жить студентов? Шесть тысяч? Значит, в общежитии должно быть шесть тысяч комнат. Особо следует позаботиться о семейных студентах».

Далее, по свидетельству Ю. Жданова, Сталин отказался от того, чтобы его имя присвоили Московскому университету. Он сказал, что «главный университет страны может носить лишь одно имя — Ломоносова».

• * * *

Особое значение Сталин придавал самым передовым направлениям науки и техники, выводившим СССР на качественно новый уровень развития. Так, только в 1946 году лично Сталиным было подписано около шестидесяти важнейших документов, определивших развитие атомной науки и техники.

В 1952 году началось создание отечественных компьютеров. Результатом выполнения этих решений стало не только создание ядерного щита страны, но и запуск первого в мире спутника Земли в 1957 году, спуск на воду в 1957 году первого в мире атомного ледокола «Ленин» и последующее развитие атомной энергетики.

Одновременно с американцами создана водородная бомба. Разработаны ракеты для доставки ядерного оружия на территорию противника.

Кроме того, были открыты залежи нефти в Поволжье, началась огромная работа по строительству электростанций как первого этапа для перехода к массовому строительству жилья. Именно этот подготовительный этап потом стал основой для развертывания Хрущевым строительства пятиэтажек.

* * *

Наконец, надо отдельно сказать о знаменитой «сталинской академии». В это время в Академии наук СССР была создана единая централизованная система контроля за эффективностью научной работы. Централизованное руководство научными исследованиями выражалось в том, что темы научных работ, выполняемых в научно-исследовательских институтах, должны были утверждаться не ниже, чем в Президиуме Академии. То же самое касалось вопросов, связанных с объемом бюджета, подбором кадров и сроками исполнения. Планирование и контроль научной работы осуществлялись по аналогии с планированием и кон-

тролем промышленного производства. Денежные средства, которые предполагалось истратить на исследование, утверждались, как минимум, за год. Если в течение года возникала внеплановая потребность в приобретении новой аппаратуры или материалов, необходимых для проведения исследований, сделать это было крайне сложно, но было можно договориться об использовании оборудования и реагентов с другими институтами и лабораториями.

Одним из наиболее жестких принципов организации сталинской науки было требование ее тесной связи с практикой. Основными задачами АН СССР были практические потребности страны в новых знаниях.

В середине 1950-х гг. Академия наук СССР пережила пик количественного роста. С 1951 по 1956 г. Академия выросла по числу членов — с 383 до 465; по числу научных учреждений — с 96 до 124; по числу научных работников — с 7 тыс. до 15 тыс. человек. Дошло до того, что президиуму АН СССР стало трудно так же эффективно, как раньше, вести координационную работу. Это стало причиной того, что сами члены президиума в 1953—1954 гг. стали выступать с предложениями передать часть управленческих полномочий Отделениям Академии наук.

* * *

Итак, стараясь создать самодостаточную систему для стабильного и независимого развития России, Сталин много сил вложил в создание советской науки, а главное в создание такой системы взаимодействия нау-

ки и производства, при котором наука была бы нужна для того, чтобы производство выполняло план и обеспечивало выживание России в ее состязании с Западом.

ОТНОШЕНИЕ СТАЛИНА К УЧЕНЫМ

Сталин уважал выдающихся советских ученых, и они платили ему тем же. Сталин искал новаторов повсюду, в том числе и в науке. Вот его слова: «В науке единицы являются новаторами. Такими были Павлов, Тимирязев. А остальные — целое море служителей науки, людей консервативных, книжных, рутинеров, которые достигли известного положения и не хотят больше себя беспокоить. Они уперлись в книги, в старые теории, думают, что все знают и с подозрением относятся ко всему новому».

В телеграмме на имя президента Академии наук академика В.Л. Комарова от 24 марта 1942 года Сталин писал: «...Я выражаю уверенность, что, несмотря на трудные условия военного времени, научная деятельность Академии наук будет развиваться в ногу с возросшими требованиями страны и президиум Академии наук под Вашим руководством сделает все необходимое для осуществления стоящих перед Академией задач».

Во второй телеграмме Сталина на имя президента Академии наук академика В.Л. Комарова от 12 апреля 1942 года было сказано: «Правительство с удовлетворением принимает Ваше предложение о всемерном разви-

тии деятельности научных учреждений Академии наук СССР и ее действительных членов и членов-корреспондентов, направленной на укрепление военной мощи Советского Союза. Надеюсь, что Академия наук СССР возглавит движение новаторов в области науки и производства и станет центром передовой советской науки в развернувшейся борьбе со злейшим врагом нашего народа и всех других свободолюбивых народов — с немецким фашизмом. Правительство Советского Союза выражает уверенность в том, что в суровое время Великой Отечественной войны советского народа против немецких оккупантов Академия наук СССР, возглавляемая Вами, с честью выполнит свой высокий патриотический долг перед Родиной».

* * *

Отношение Сталина к ученым можно показать и на примере нобелевского лауреата П.Л. Капицы, выдающегося российского ученого и изобретателя, сформировавшегося в послеоктябрьский период и ставшего воплощением лучших традиций отечественной науки.

П.Л. Капица в течение всей жизни нередко вступал в переписку и непосредственные контакты с политическим руководством страны ради реализации своих профессиональных задач.

Стиль его писем И.В. Сталину, В.М. Молотову, В.И. Межлауку и другим партийным руководителям напорист, порой ультимативен. Он стремился привлечь их внимание к неотложным техническим и оборонным проблемам; обращаясь к руководителям партии и пра-

вительства, он объяснял им мотивы и стимулы научного творчества, специфику развития науки, психологию ученого, требуя создания условий для оптимальной организации научного творчества в СССР.

В письме от 31 августа 1935 г. он разрабатывал подробную «схему освоения зарубежного опыта», актуальную и по сей день. 25 декабря 1936 г. он писал заместителю председателя СНК СССР и председателю Госплана В.И. Межлауку, курирующему науку, письмо-отчет о строительстве Института физических проблем и благодарил за поддержку, «без которой мы были бы беспомощны».

Этот институт был уникальной организацией для того времени и строился на совершенно новых для СССР принципах подбора кадров и организации научной работы. П.Л. Капица в письме выражал надежду, что опыт, «приобретенный в нашем институте, будет Вами обобщен и поведет к более скорой и здоровой организации научной жизни».

Одновременно он резко критиковал работу Академии в области подбора кадров, снабжения, издательского дела, строительства и т.д., и в целом в вопросах научной организации. Следует заметить, что Сталин поощрял критические письма ученого и часто лично отвечал ему.

В годы войны Капица сам «вошел во власть», понимая, что не сможет эффективно решить вопросы внедрения кислорода в промышленность, этой кардинальной для сражающейся страны проблемы, не возглавив этот процесс. В 1943 г. он был назначен начальником Главкислорода при СНК СССР, и в том же году Капи-

ца получил вторую Сталинскую премию, в 1945-м — первую Золотую Звезду Героя и, кроме того, был в течение своей научной деятельности награжден шестью орденами Ленина.

* * *

Итак, чтит ли Сталин ученых? Да, да и еще раз да! Они были самыми высокооплачиваемыми работниками в сталинском СССР, да и долгое время после смерти Сталина. Н. Хрущев на одном из кремлевских приемов поднял тост за самого богатого человека СССР — президента Академии наук...

Сейчас российские президенты пылают любовью к науке и, видимо, поэтому опустили доходы ученых ниже прожиточного минимума. Мне рассказывала одна русская ученая, сейчас работающая в Германии, что в годы ельцинизма, когда не платили заплату в Новосибирском Академгородке, они просто голодали. Ну кто знал, что так будет?!

Казалось бы все ясно? Но что меня поражает в русскоязычной литературе, так это абсолютная уверенность критиков И.В. Сталина в том, что он — злодей. Подбор выражений об атмосфере в советской науке в сталинские годы в статье, например, Голубовского впечатляет. Ну, все было тогда плохо! Странно, однако, почему же именно тогда делались выдающиеся научные открытия, а сейчас ни одного...

Глава 9

ПОСЛЕ СТАЛИНА

ТОРЖЕСТВО ГЕНЕТИКОВ... ПРИ ПОМОЩИ ФИЗИКОВ

После смерти Сталина началось медленное восстановление позиций генетиков. Стали появляться разрозненные публикации с критикой Лысенко. Сначала авторами были химики, физики, затем к ним присоединились биологи (Сукачев, Любищев, Медведев, Кирпичников). Решающий перелом наступил в 1957 году. М.Е. Лобашев начал читать генетику в Ленинградском университете.

Последователи Т.Д. Лысенко в биологии с 1954 г. начали терять административное влияние в Академии наук. Это затронуло ученый секретариат Президиума, в состав которого входило несколько сторонников Т.Д. Лысенко. Уже 4 июня 1954 г. на заседании Президиума глава ученого секретариата И.Е. Глущенко, большой сторонник Лысенко, с негодованием говорил: «Нужно иметь в виду, что в настоящее время статьи сторонников мичуринской биологии не печатают в газетах, журналах; мичуринцев не включают в состав делегаций, в состав бюро отделения биологических наук и т.д.».

Как пишет В. Леонов, осенью 1955 г. по инициативе известного генетика Александрова В.Я. было написано письмо в Президиум ЦК КПСС о необходимости изменения ситуации в биологической науке.

«В 1955 г. исполнялось 100 лет Мичурину. Опасаясь того, что Лысенко может использовать эту дату для укрепления своих позиций, — пишет Леонов, — около 250 известных ученых подписали письмо-обращение в Президиум ЦК КПСС где излагалась отрицательная роль Лысенко, указывалось на катастрофические для страны последствия лысенковщины. Письмо подписали в том числе И.Е. Тамм, Л.Д. Ландау, А.Д. Сахаров, Я.Б. Зельдович, И.Б. Харитон и др. Но И.В. Курчатов и А.Н. Несмеянов как члены ЦК КПСС отказались поставить свои подписи, пообещав лично поговорить с Хрущевым».

* * *

В 1955 г. Отделение биологических наук АН СССР создало комиссию (она была названа по-боевому — бригадой) для анализа текущего положения в мире в изучении проблем наследственности (Дубинин был назначен ее председателем). Вскоре были образованы бригады по цитологии и полиплоидии. Примечательно, что в них не был включен ни один из последователей учения Лысенко.

Статьи, публиковавшиеся в «Ботаническом журнале» и «Бюллетене Московского общества испытателей природы», работы А. А. Любищева и В. П. Эфроимсона,

наконец, знаменитое «Письмо Трехсот» (хотя подписалось всего 250 человек) привели к тому, что Лысенко освободили от обязанностей президента ВАСХНИЛ. Вскоре советская пресса наполнилась антилысенковскими статьями, призывавшими к реставрации «научных методов» в агробиологии.

В том же 1955 г. в журнале «Почвоведение» была напечатана статья Е. В. Бобко, ученика Д.Н. Прянишникова, в которой он, проанализировав причину постоянных успехов «колхозной науки», приходил к заключению, что методы работы лысенковцев были порочными и позволяли не сообщать результаты тех опытов, которые шли вразрез с установками лиц, ставящих такие опыты.

Обратите внимание на то, что статья с подобной критикой появилась в 12-м выпуске журнала «Почвоведение», т.е. уже после того, как Лысенко освободили от обязанностей президента ВАСХНИЛ.

Тем не менее, успехи Т.Д. Лысенко в практической деятельности по дальнейшему развитию сельского хозяйства страны вернули доверие к народному академику партийного и советского руководства СССР. В 1961 году Хрущев снова сделал Лысенко президентом ВАСХНИЛ. И тут же атаки на Лысенко возобновились.

В 1962 г. три известных физика — Зельдович, Гинзбург и Капица — выступили с заявлением против Лысенко, объявив его труды лженаукой. Они также повторили давно известное обвинение со стороны генетиков-морганистов в использовании Лысенко политического давления на противников и оппонентов. Это заявление

совпало с перестройкой государственных институтов и идеологии, происходивших в СССР в те годы.

Академик Тамм стал закоперщиком подписания еще одного аналогичного письма от физиков, затем он принял активное участие в провале выборов в академики Нужи́дина — заместителя Лысенко на посту директора Института генетики.

В 1964 г. академик А. Д. Сахаров выступил на сессии Академии наук и сказал: «Он (Лысенко. — *Авт.*) ответственен за позорное отставание советской биологии и генетики, за распространение псевдонаучных взглядов, за волюнтаризм, деградацию учения, диффамацию, арест и даже смерть многих настоящих ученых».

Странно, но опять критика Лысенко была проведена не учеными-биологами, а физиками, которые, конечно, лучше их знали биологию...

После смещения Хрущева и прихода к власти нового руководства страны во главе с Л. И. Брежневым президент АН СССР объявил, что «запрет на критику Лысенко кончился». На научно-исследовательскую базу АН «Горки Ленинские» была послана комиссия для проверки документов и записей, после чего уничтожающая критика Лысенко была продемонстрирована всенародно.

В СССР с «лысенковщиной» было покончено, советские ученые единодушно ее осудили, в генетике воцарилось «единственно верное учение Менделя — Моргана».

В 1965 году Лысенко был отстранен от всех должностей, и генетики быстро прибрали власть в свои

руки: они вынуждали ВАК нарушать ее инструкции и присуждать степени докторов наук даже не по результатам докладов, а просто так по решению ученых советов за совокупность заслуг.

* * *

По логике защитников генетиков тут-то и должен был начаться невиданный расцвет биологической науки в Советском Союзе! Однако факты говорят об обратном: на самом деле, после отставки Лысенко с поста президента ВАСХНИЛ в СССР не было совершено практически ни одного крупного открытия в области биологии и медицины.

Беру недавно вышедшую в издательстве Шпрингер книгу «Комплекс Гольджи». Там есть список выдающихся открытий в области биологии. Смотрим этот список — ни одно из открытий не сделано в послесталинском СССР или в нынешней России. Увы!

А ведь авторы знают науку СССР/России, поскольку один из редакторов — русский ученый, почти что мой однофамилец.

Есть, правда, раздел клеточной биологии, где позиции исследователей из СССР обозначены. Это скелет клетки. Но это связано, в основном, с именами выдающихся цитологов Васильева и Ченцова.

Но, может быть, мы найдем примеры, доказывающие правоту морганистов, в медицине? Увы, после смерти Сталина и там нет особых успехов. Большинство современных лекарств сделано на Западе или на

основе разработок, которые были заложены во времена Сталина.

Вот, например, отрасль биотехнологии, которая производит субстанции для производства антибиотиков. В СССР мощная индустрия производства лекарств и антибиотиков была создана в 50-е годы — в годы Сталина и непосредственно после его смерти. При этом производство антибиотиков базировалось на штаммах микроорганизмов отечественной селекции. Отечественное производство антибиотиков началось еще в 1944 г., а в 1947 г. был основан Государственный научный центр по антибиотикам (ГНЦА), сегодня почти прекративший деятельность в этой области.

Советские антибиотики основывались на собственных штаммах микроорганизмов, и это было необходимо. Без штаммов антибиотики не создашь. Синтезировать их дорого, да и не умели в те годы.

Ну а потом успехи в разработках лекарств стали все более редкими. Получается, что успехи советской биологической науки после смерти Сталина становились все скромнее, пока она почти совсем не заглохла.

ПОЧЕМУ НЕНАВИДЯТ ЛЫСЕНКО?

Почему возникла пещерная, я бы даже сказал — зоологическая ненависть ученых-генетиков к Лысенко? Можно выделить несколько причин.

1. Первая причина — зависть. Мол, как же так, дилетант и недоучка, — и вдруг получил такие прекрас-

ные практические результаты. Среди научных кланов зависть — один из основных мотивов поведения.

2. Кроме того, неосознанное отторжение чужака, который «не отпочковался» от известного ученого. В этом, кстати, сила и трагедия Лысенко. Лысенко не учился у академиков, и в этом его беда, но он и не следовал научной формалистике. Точно так же, кстати, как и Мичурин, которому его «самоученость» не помешала создать 300 новых сортов плодовых деревьев.

3. Злость самих ученых на власть. Неосознанная попытка науки сбросить с себя контроль государства, свою зависимость от страны, от Сталина.

4. Неосознанная реакция на ограничение свободы. Ученые не хотели целевых работ, как это было в годы войны, а хотели признания и наград, хотели делать то, что им казалось быстрым путем к успеху.

5. Еще одна причина — сделать Лысенко виновником всех бед советской биологии. На Лысенко навесили всех собак.

6. Ну и, наконец, склочность ученых. Как пишет газета «Дуэль»: «Попробуйте в обычном научном учреждении собрать вместе для работы над проблемой хотя бы двух (!) выдающихся ученых. Тут же начинается склока, борьба за Госпремии, фонды, штаты, зарплаты, и один выдающийся ученый неизбежно «сжирает» другого, причем если цена вопроса заключается в закрытии перспективного научного направления, то его без колебаний закрывают. Лишь бы «вражина-академик» не выехал на перспективной теме... Стоит молодому ученому хоть чуть-чуть подняться над общей

серой массой, как тут же на него спускают всех собак, какие есть в наличии, чтобы только не допустить его пробиться на важные стартовые позиции.

* * *

Известный ученый — селекционер, академик ВАСХНИЛ Ф.В. Константинов часто приводил расхожую поговорку, что если человек человеку — волк, то ученый ученому — тигр. То есть в науке творческая зависть часто играет роковую роль в отношениях между учеными. Талант Трофима Денисовича Лысенко вызывал зависть к нему со стороны ординарных ученых, а так как серые, бесталанные, но «остепененные» быстро группируются в «стаи», то они зачастую и побеждают в этой борьбе. То же случилось и с Трофимом Денисовичем, которого по сей день бездарные чиновники от науки, которые не дали ничего серьезного ни для науки, ни для практики, обливают грязью...

По мнению одного участника форума С.Г. Карамурзы, «тогдашние ученые-генетики просто оказались не в состоянии что-либо противопоставить Лысенко и его практическим результатам. Да даже сейчас не нашлось бы ни одного ученого, который мог бы связно объяснить власти ситуацию. Возьмите пример с псевдосинергетикой. Один человек написал про масштабную и очевидную для всех нормальных людей лженауку (www.gubin.narod.ru) в научной печати целых три больших статьи, одну даже в журнале комиссии РАН по лженаукам, и все равно ученый совет уважаемого

института под аплодисменты зрителей проголосовал за нее 15:2. То есть сами ученые плохо понимают общие вопросы, да вдобавок те, которые понимают или ленятся, или стесняются, или считают неудобным вступить за истину».

Одна из проблем была в том, что с ученых (в частности) требовалась элементарная, практическая отдача для экономики, промышленности. При этом никто не покушался на «чистую» науку, как таковую.

Творите, дорогие ученые, дерзайте. Но гадить-то зачем?

БОРЬБА УЧЕНЫХ ЗА «ВОЛЬНУЮ» ЖИЗНЬ

«Деспотизм» Сталина, по мнению либералов, заключался, в том числе, в централизации управления всей наукой. Понятно, что после смерти тирана «передовые» советские ученые немедленно выступили против подобной централизации. Первыми, кто попытался подвергнуть серьезной ревизии принцип централизованного руководства наукой, были опять-таки физики-ядерщики, разгромившие ненавистную им «лысенковщину».

Атомный проект поставил участвующих в нем ученых в уникальные условия. Стиль организации научной деятельности, сформировавшийся в довольно многочисленной группе физиков-ядерщиков, существенно отличался от общеакадемического стиля.

Постоянно растущий штат исполнителей проекта стал социальным базисом для формирования новых

отношений между учеными и властью, наукой и идеологией, наукой и политикой. По собственному признанию президента Академии А.Н. Несмеянова, руководство физическими исследованиями «обеспечивалось, минуя организационные формы академии».

К середине 1950-х гг. стратегическая задача атомного проекта была решена. Атомная и водородная бомбы были созданы. Оставалась инженерная работа по внедрению и усовершенствованию, которая не требовала незаурядных усилий со стороны теоретиков. Примерно в это время начинается «бегство» физиков, ориентированных на проведение «мирных» фундаментальных исследований, из атомного проекта в открытые академические институты. Там было попроще получить ученую степень, там не требовалась каждодневная работа с жесткой персональной ответственностью. Хотелось расслабиться.

У физиков-ядерщиков были свои задачи: добиться права заниматься научной работой независимо от засекреченного атомного проекта и «отобрать» у Средмаша часть установок для проведения открытых, не секретных исследований. А это звания, слава....

Они активно добивались возможности поездок за рубеж, что стало бы возможным только при рассекречивании исследований. Например, Д.В. Скобелецын написал гневное письмо о вреде засекречивания теоретических работ в области ядерной физики. Но ведь до этого именно засекречивание и позволило добиться успехов в создании атомной бомбы! Посмотрите на интересную закономерность — чем больше международ-

ные контакты советских ученых, тем меньше их научные успехи.

* * *

В конце концов, ученые добились создания комиссии по реорганизации АН СССР. Комиссия предлагала укрепить материально-техническую базу физических институтов, работавших над незасекреченной тематикой, разрешить открытую публикацию работ по общетеоретическим вопросам ядерной физики, создать условия для широкого обсуждения ее проблем, ввести в практику приглашение в СССР видных иностранных специалистов в этой области и создать координационный совет по исследованиям в области ядерной и теоретической физики.

В результате физикам удалось добиться принятия постановления, обеспечившего им привилегированную финансовую поддержку и относительную свободу в выборе направлений исследования в академических институтах. Однако это внесло дополнительный организационный дисбаланс в работу Академии. Итогом стало создание в системе Академии наук нескольких новых лабораторий, увеличение в два раза объема главных физических журналов, значительное увеличение в Академии числа мест для студентов и аспирантов по теоретической и ядерной физике, приравнивание их по статусу аспирантам Средмаша, создание единого органа для координации и руководства всеми работами по ядерной физике, не имеющими специальных технических приложений.

Существенную роль в реализации бегства физиков-теоретиков из Средмаша сыграло студенческое выступление, происшедшее на отчетно-выборной конференции студентов МГУ в октябре 1953 года. По итогам его разбирательств в декабре 1953 г. в Президиум ЦК КПСС Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущеву было направлено письмо, подписанное министром культуры СССР П.К. Пономаренко, министром среднего машиностроения В.А. Малышевым, президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым и академиком-секретарем физико-математического отделения АН СССР М.В. Келдышем. В письме был дан анализ положения на физическом факультете, указывалось на низкий уровень научной работы и предлагались следующие меры по исправлению ситуации:

1. Заменить руководство физического факультета МГУ и обновить состав ученого совета, а также пересмотреть профессорско-преподавательский состав факультета.

2. Привлечь к профессорско-преподавательской деятельности в университете крупных ученых-физиков: академиков И.Е. Тамма, М.А. Леонтовича, Л.А. Арцимовича, Л.Д. Ландау, А.И. Щукина, В.Н. Кондратьева, членов-корреспондентов Академии наук СССР И.В. Обреимова, Е.И. Завойского, М.Г. Мещерякова.

3. Пересмотреть состав кафедр.

Конечным итогом стало постановление ЦК КПСС от 05.08.1954 г. «О мерах по улучшению подготовки кадров физиков в Московском государственном университете». Был освобожден от должности декана А.А. Со-

колов, на его место назначен В.С. Фурсов из команды Курчатова.

Постановление практически реализовало все основные пункты предложений, высказанные в письме студентов МГУ. С осени 1954 г. для всех отделений начинают читать курсы Арцимович, Леонтович, Кикоин, Ландау, Лукьянов, Шальников и многие другие ученые, работавшие в атомном и ракетном проектах.

По сути, физики, пытаясь перетянуть одеяло на себя, добились себе льготных условий. Поскольку большая, чем прежде, часть денег пошла физикам, то остальные отделения АН СССР сразу ощутили на себе дефицит средств. Напомню, что Сталинская АН имела отделение технических наук, занимающееся преимущественно прикладными исследованиями. Положение прикладников в составе Академии обеспечивало им приоритетное финансирование. Отделение технических наук было самым многочисленным и по числу членов, и по числу институтов.

Теперь, при Хрущеве, прикладная наука потеряла свои ведущие позиции, и это не замедлило сказаться на ходе развития страны. Уже к 1955—1956 гг. началось проявление отставание Советского Союза в области внедрения новой техники.

* * *

Как уже отмечалось, особо активно ученые добивались возможности поездок за рубеж. Их усилия увенчались успехом. Начиная с 1954 г., международные научные контакты становятся предметом особой гордо-

сти Академии и упоминаются в отчетах как один из наиболее весомых факторов, подтверждающих эффективность ее работы.

Число международных научных делегаций за период с 1953 по 1954 г. утроилось; число единиц международного научного книгообмена стало в два раза больше.

2 марта 1956 г. президиум Академии выпустил постановление «О мерах по упорядочению международных научных связей Академии наук СССР и улучшению использования научных командировок», в первом пункте которого говорилось: «Считать одной из основных задач, стоящих перед учреждениями и научными сотрудниками Академии наук, тщательное изучение положительного опыта зарубежных научных учреждений и отдельных ученых в различных областях науки».

В начале 1960-х гг. международное научное сотрудничество считалось уже одной из неотъемлемых задач Академии. Теперь перед столичными (а ездили за рубеж в основном москвичи, сам знаю) учеными открывались заманчивые перспективы...

Но самой важной задачей для столичных ученых стало вхождение в различные международные организации. Наука оказалась на втором месте.

*Рост числа международных научных организаций,
в которые входила АН СССР (1955—1964 гг.)*

Год	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Число	18	42	61	72	82	89	90	95	100	108

Антисталинское выступление Хрущева на XX съезде КПСС стало дополнительным стимулом для борьбы ученых «за вольную жизнь». После съезда по всей стране прошли активы ученых. Все участники активов были единодушны в том, что президиум АН СССР должен передать часть своих управленческих полномочий в пользу бюро Отделений. Ученые не хотели больше над собой контроля, а хотели изучать то, что попроще и поприятнее...

Тамм и Арцимович в своих выступлениях настойчиво рекомендовали бросить все силы на разработку фундаментальных проблем, особенно в области ядерной физики и применения физических и химических методов в биологии.

Ученые добились значительной независимости от центра. Была осуществлена децентрализация управления, выразившаяся в расширении административных полномочий директоров институтов и заведующих лабораториями и усилении регулирующей роли Общих собраний академии. В те же годы был создан Институт научно-технической информации, главной целью которого было реферирование научных статей, изданных за границей; было основано издательство «Мир», публиковавшее переводы зарубежных научных книг.

А в крупных городах, где размещалось большинство академических институтов, были созданы мелкооптовые базы, обслуживающие нужды исследователей.

ских институтов. По новой бюрократической процедуре предусматривалась возможность изменения смет в середине планируемого периода и дополнительной закупки оборудования и необходимых материалов с этих баз.

Наконец, под давлением физиков-теоретиков вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 апреля 1961 г. «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР», в котором говорилось, что в целях сосредоточения Академии наук СССР на выполнении важнейших научно-исследовательских работ в области естественных и гуманитарных наук, а также для улучшения деятельности институтов отраслевого профиля по предложению президиума Академии наук СССР передаются в ведение государственных комитетов Совета Министров СССР, министерств, ведомств и Совета Министров РСФСР ряд институтов и других научных учреждений, а также филиалы Академии наук СССР. За Академией наук СССР сохранилось научно-методическое руководство филиалами, а также было оставлено решение фундаментальных научных проблем и разработка нескольких самых важных технологических проектов.

Такое изменение приоритетов в деятельности Академии противоречило одному из главных правил сталинской научной политики. Напомню, что до середины 1950-х гг. большинство руководителей, причастных к управлению советской наукой, считали, что усилия ученых должны быть сосредоточены на задачах, имевших непосредственные практические приложения.

Итак, после смерти Сталина начались реформы сталинской науки, которые были проведены с вопиющими ошибками.

Первая ошибка Хрущева была в предоставлении избыточной власти директорам научных учреждений. Они стали князьками в своих учреждениях. Бюрократия в науке, даже если она рекрутируется из выдающихся ученых, мгновенно прорастает через всю систему. Поэтому бюрократию и особенно научную бюрократию, надо систематически перетряхивать. На Западе директор в научном институте такой власти, какую имел советский директор НИИ или ректор вуза, не имеет. Там основные вопросы финансирования, а это самое главное в науке, решаются фондовыми агентствами, а не директором.

Вторая ошибка Хрущева состояла в том, что он разделил теоретиков и прикладников.

После того, как Хрущева убрали, проблемы в науке выявились не сразу. Вначале они были компенсированы резким увеличением ее финансирования. Но потом все пороки новой организации науки проявились во всей красе...

Ну а как же научная номенклатура? Она выжила. Вот лишь один пример. После смерти Сталина упоминавшийся сын А. Жданова, Ю.А. Жданов, не прерывал научных исследований и преподавательской деятельности. В 1957 году защитил вторую кандидатскую диссер-

тацию. Ему была присвоена ученая степень кандидата химических наук и звание доцента. В 1957 году Ю. А. Жданов, не будучи доктором наук, назначается ректором Ростовского государственного университета — одного из крупнейших вузов Российской Федерации.

ЧТО ВАЖНЕЕ — СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА ИЛИ ХОРОШЕЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ?

Существует и другая гипотеза — либералы и демократы утверждают, что «советский тоталитаризм» мешал развитию науки. Нынешние ученые много слов говорят о необходимости свободы для научного творчества, о важности контактов с зарубежными коллегами. Но все почему-то думают прежде всего о своих научных контактах, а не о контактах коллег или учеников. Когда я ездил в Румынию, туда академики направлялись, прежде всего, для целей научного туризма, а не для действительного научного обмена...

Давайте же детально проверим гипотезу о том, что развитию советской науки мешало отсутствие свободы творчества. Впрочем, это уже было сделано и гораздо более профессионально, чем мог бы сделать я. Как пишет известный американский советовед и историк науки Л. Грэхэм, для того чтобы ответить на вопрос, что же важнее для науки — интеллектуальная свобода или деньги, свобода творчества или финансирование, — достаточно сравнить сталинский СССР и постсоветскую Россию.

В своей книге Грэхэм доказывает, что опыт СССР и России убедительно показывает, что финансирование гораздо важнее, чем так называемая свобода творчества. Свобода для развития науки в СССР практически не имела значения, потому что никакая свобода не заменит финансирования и ответственности за конечный результат.

Например, Грэхэм пишет, что хотя шпионаж играл важную роль в создании атомной бомбы в СССР, но большая часть аналитиков сходится во мнении, что без этой информации создание атомной бомбы было бы задержано не более, чем на год или два. Более того, СССР разработал водородную бомбу, используя свой собственный оригинальный дизайн, и СССР имел водородную бомбу, готовую к доставке к цели, раньше, чем США.

Итак, советский пример убедительно доказывает, что для развития науки гораздо важнее хорошее финансирование, чем свобода творчества. Да и на Западе финансирование ученого прямо зависит от результатов, полученных данным ученым. Лучше результат — лучше финансирование, хуже эффективность — хуже финансирование.

Почему советские ученые работали так верно на «тоталитарную» (кавычки мои. — *Авт.*) систему, которая их могла жестоко наказать, спрашивает Л. Грэхэм и находит четыре основные причины.

Первая причина состоит в природе СССР. Ученые верили в освобождающую силу социализма для человека. Хотелось бы добавить, что советские ученые,

вышедшие не из элиты, а из недр народа, ценили возможности, которые давала талантливим людям высокая вертикальная мобильность при социализме.

Вторая причина в том, что наука позволяла ученым избегать прямого контакта с окружающей средой «советского тоталитаризма». Наука служила им как бы скорлупой. Кстати, то же наблюдалось и в США во время протестов против Вьетнамской войны.

Третья причина в том, что советское правительство, как пишет Л. Грэхэм, финансировало науку и технологию, работающие для оборонки, так интенсивно, что скорее всего, не найдется другой такой страны в мире и в истории.

Наконец, в-четвертых, огромное значение для развития науки имел идеологический фактор. Советские идеологи постоянно подчеркивали очень большую роль карьеры в науке и технологии, гораздо большую, чем в других профессиях. Желание студентов стать учеными и инженерами росло в СССР астрономическими темпами.

* * *

В последние годы причины отставания советской науки интенсивно обсуждаются. Выдвинуто несколько гипотез, объясняющих причины этого феномена. Среди них — неправильная идеология марксизм, предательство элиты...

Но тщательный анализ этих гипотез на соответствие фактам показывает, что ни одна из них не выдерживает такой проверки. Тогда что же это за таинст-

венный фактор, а может, факторы? Давайте рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

Наука в СССР была очень развита и достигла огромных успехов. Она была второй в мире после американской науки. Одной из гипотез, которую можно выдвинуть для объяснения того факта, что в позднесоветские годы советские стали отставать от американских, является факт уменьшение темпов прироста ее финансирования. Однако судить о том, как финансировалась советская наука, очень сложно. Дело в том, что все эти данные имели в те годы секретный характер.

Одни исследователи пишут о том, что в СССР шло снижение доли бюджета в финансировании науки. Так Л. Грэм сообщает, что в 1966 году 2,2% от национального дохода СССР шло на науку. Этот показатель был сравним с развитыми странами Запада. В 1976 году этот показатель упал до 0,8%.

Правда, потом тот же автор указывает, что в последние годы советской власти затраты на науку (видимо, включая оборонку. — *Авт.*) находились на уровне 5% от национального дохода.

Другие исследователи дают цифры финансирования советской науки порядка 3—3,5% от ВВП Советского Союза, который был больше, естественно, чем ВВП России. Сегодня же Россия тратит на науку порядка 1,5 % от ВВП. В СССР в 1989 году на науку и управление тратилось 26 из 666 млрд. рублей национального дохода, то есть 3,9%..

В 1991 году фундаментальные науки получали 0,96% от ВВП и 3,86% от расходной части бюджета, что было одним из самых высоких показателей в мире. Од-

нако значительная часть этих расходов была связана с научными исследованиями для оборонного комплекса. Приблизительно один процент из бюджетных средств, выделяемых на науку, шел на космические исследования. Вместе с тем с 1970 по 1980 год удельные вес расходов на развитие науки из бюджета снизился с 61% до 54% .

Вот еще одни цифры — расходы на науку из госбюджета СССР и других источников (млрд. руб., в скобках прирост в % по сравнению с предыдущей пятилеткой).

Расходы на науку из госбюджета СССР

1971—1975 гг. — 77 (30%)
1976—1978 гг. — 98 (21%)
1981—1985 гг. — 131 (33%)

Наконец, приведу ссылки на западные источники. 15 января 1987 года журнал Nature сообщил, что СССР является государством, тратящим на НИОКР 3,73% от его бюджета. В Германии — 2,84, в Японии — 2,77, США — 2,72, Британии — 2,18—2,38 (по разным источникам), во Франции — 2,1%.

Средств в науку вкладывалось немало, однако большей частью они шли в сферу ВПК — 75% вложений в сферу НИОКР в СССР так или иначе приходилось на науку, работающую на военно-промышленный комплекс... Абсолютные же расходы на науку (в сравнимых ценах и материалах) в СССР составляли 58% от американского уровня.

В 1990 году доля финансирования фундаментальных исследований в СССР составила менее 7% всех расходов на науку, тогда как в США этот показатель равнялся 12%.

* * *

Итак, вроде бы тенденции к недофинансированию на основе опубликованных цифр не наблюдается. Однако все эти мифы об очень высоких тратах на науку в позднесоветские годы разбиваются при сопоставлении их с натуральными показателями. Хотя точные цифры затрат на науку в СССР не публиковались из-за существенной доли ресурсов, идущих на военную науку, тем не менее о финансировании науки можно судить по росту числа научных сотрудников и аспирантов.

В СССР количество аспирантов и научных сотрудников прямо пропорциональны затратам на науку, так как финансирование шло через централизованное выделение ставок. Поэтому по росту числа сотрудников можно судить о затратах на науку.

Число аспирантов в СССР

Год	Число аспирантов (тыс. чел.)
1950	21,9
1955	29,4
1960	36,8
1965	90,3
1970	99,4
1975	95,7
1980	96,8
1985	97,4
1988	97,6

Видно, что, если до 1965 года число аспирантов росло с большой скоростью, то после 1970 года оно стабилизировалось.

Интересно сопоставить прирост числа научных работников и прирост национального дохода.

Среднегодовые темпы прироста численности научных работников и прироста национального дохода

Годы	Темпы прироста числа ученых (%)	Темпы прироста национального дохода (%)
1950—1960	8,1	10,3
1960—1970	10,1	7,1(7,3)
1970—1980	4,1	4,2(4,84)
1980—1990	1,4	2,1(2,1)

Прирост числа ученых достаточно хорошо коррелирует с темпами прироста национального дохода (коэффициент корреляции Пирсона 0.84). С 1967 года темпы развития аспирантуры стали отставать от темпов роста научных работников. Причем аспирантура даже сократилась, особенно очная. Другими словами, качество подготовки научных кадров стало падать, и их прирост замедлился.

На примере прироста числа научных сотрудников и аспирантов заметно резкое увеличение финансирования науки в СССР в 60—70-е годы. Примерно с середины 1950-х годов рост численности научных кадров был линейным — страна выходила на передовые рубежи науки. А в 1960—1965 годах численность научных сотрудников была увеличена в 3 раза. И рост нацио-

нального дохода был очень высоким, причем по оценкам даже западных специалистов он шел в основном за счет роста производительности труда. Далее произошло замедление как прироста национального дохода, так и прироста численности ученых и аспирантов.

Итак, замедление роста СССР четко коррелирует с прекращением роста числа научных сотрудников, что отражает относительное сокращение прироста финансирования науки. Конечно, можно предположить и другую гипотезу — мол, несмотря на рост финансирования шло падение эффективности работы научных сотрудников. Это возможно. Пока же на основании этих натуральных показателей следует сделать вывод, что прирост финансирования науки был недостаточным для обеспечения опережающего роста СССР.

* * *

Теперь проведем сравнительный анализ с США. В научных учреждениях всех типов СССР в 1989 г. было занято 1522 тыс. научных работников, в том числе 49,7 тыс. докторов наук и 493,1 кандидата наук. Многие утверждают, что в СССР работал каждый четвертый ученый мира. К сожалению, найти цифр, подтверждающих это, мне не удалось.

Для сравнения в США, где населения было меньше, на вторую половину 80-х годов насчитывалось 7500 научных учреждений и 2,73 млн. научных работников (если относить к научным работникам тех, которых относили в СССР), в том числе 380 тыс. ученых с доктор-

ской степенью. И это притом, что не учтены научные работники, занятые консультированием.

Если учесть, что в 1986 году население США составило 240 млн. человек, а СССР 279 млн., то доля занятых в науке в США будет 1,14%, а в СССР — 0,55%, то есть в 2 раза меньше. То есть к концу советской власти СССР все больше отставал от США в области науки.

Итак, пока СССР ускоренно наращивал финансирование науки, это, несмотря на все недостатки внедрения научных результатов, давало свой результат. Но затем лидеры СССР то ли испугались таких высоких темпов роста затрат на науку, то ли не заметили проблемы. Если бы сложившаяся в 60-е годы доля науки в общем числе занятых в экономике сохранилась в течение следующих 15 лет, то к 1985 году в ней было бы занято более 8%, что, кстати, и случилось в США. В СССР на деле в 1985 году эта доля составила лишь 4%.

Прекращение роста числа аспирантов, а также замедление прироста числа научных сотрудников и прироста финансирования науки в 80-е негативно сказались на развитии СССР, приведя к выравниванию темпов роста национального дохода на Западе и в СССР.

Почему же тогда СССР в течение последних 10 лет (1978—1987 гг.) давал очень стабильный рост ВВП? А дело в том, что включился в действие еще один фактор — очень хорошо поставленное образование. Доказано, что долгосрочный экономический рост почти полностью является производным увеличения производительности труда. Этот рост на 30% обусловлен уве-

личением инвестирования капитала, на 30% улучшением образования, то есть ростом человеческого капитала, и на 30% прогрессом в технологии.

В последние годы советской власти экономика СССР стабильно росла со скоростью в 3,5% в год. По-видимому, это и был объективный предел роста национального дохода для обществ такого типа при 40-часовой рабочей неделе и массе праздничных дней, когда резерв рабочей силы иссяк.

Но и это еще не все. Из-за прекращения роста числа научных кадров остановился и должностной рост молодых научных сотрудников в 1988 году. Это вызвало потерю мотивации к научной деятельности. В конце советской эры произошло ослабление у значительной части научных работников мотивов к поддержанию высокого методического уровня своей работы.

ОТСТАВАНИЕ НАУКИ В СССР В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА

Итак, эффективность использования научных кадров в СССР стала падать. Но есть еще один фактор. Следует еще учесть, что СССР разрабатывал почти все научные направления, а в США многие направления, например, микроскопия, были отданы на откуп Германии и Японии. Другими словами, концентрация ученых в целом в Западном мире на отдельных направлениях была еще больше. Отметим также, что в США шел активный процесс ухода научных учреждений и вузов из

крупных городов, тогда как в СССР наука была сконцентрирована главным образом в Москве, где до 19% населения было занято в научной сфере науки, что резко снижало, при лимитировании прописки, поиск способных научных кадров.

Некоторые доходят до того, что утверждают, что бюджет советской науки составлял меньше 20% от такового в США. Конечно, можно заявлять, что эффективность советской науки в расчете на единицу финансирования была выше. Мол, имея бюджет на науку 15—20 процентов от американского, то есть примерно пятую часть, советская наука реально соревновалась с ними на всех научных направлениях.

Вот одно из таких откровений: «30% всех мировых публикаций принадлежит американцам. Это в десять раз больше, чем в России, где финансирование в 200 раз меньшее, чем в США. То есть эффективность работы российских ученых в 20 раз выше!» Даже если это и так, это малое утешение для народа, которого учили видеть в стране застой...

* * *

Далее. Существенный вред развитию науки в позднем СССР нанесли неверные приоритеты в области вознаграждения за труд.

В сталинские времена престиж науки был недостижим. Статус старшего научного сотрудника обеспечивал относительную автономию и достаточно высокий уровень жизни. Напомню, что в сталинском СССР зар-

плата профессора в 1947 году в 7 раз (!!!) превышала зарплату самого высококвалифицированного рабочего. Ученые имели очень большие персональные привилегии. Ни один официальный титул или звание в СССР не было более престижным, чем действительный член АН СССР. Как я уже писал выше, в середине 50-х годов Н. Хрущев на одном из кремлевских приемов поднял тост за самого богатого человека СССР — президента Академии наук.

Добавлю, что по данным ЮНЕСКО, в 1953 году, когда страной еще правил «тиран» Сталин, СССР занимал в мире 2-е место по числу студентов на 10 тыс. жителей и 3-е — по интеллектуальному потенциалу молодежи, ныне по первому показателю нас обогнали не только многие страны Европы, но даже и Латинской Америки, по второму скатились на 40-е место. Сейчас 10% призывников приходят в армию, не умея ни читать, ни писать.

После смерти Сталина все пошло наперекосяк. Шкала оплаты научных работников не пересматривалась в СССР с конца сороковых годов. Зарплата доктора наук в 1960—1970 годы не превосходила зарплату шофера на стройке, шахтера или водителя автобуса. Младшие научные сотрудники — основная движущая сила науки — еле сводили концы с концами.

Если в 1971 году размер аспирантской стипендии составлял 67—79% от средней зарплаты по стране, то к 1985 году он уменьшился до 45—53%. Лишь в 1987 году размеры аспирантской стипендии были увеличены на 30—50%. Планирующие органы допустили огромную

ошибку. Снижение престижа труда в науке в 70—80-х годах оказало влияние на приток кадров.

Итак, если Сталин, понимая роль науки для развития СССР, постоянно сохранял очень высокий относительный уровень оплаты ученых, то последующие лидеры СССР оказались менее дальновидными.

* * *

Другим недостатком советской науки было то, что в СССР научное приборостроение, производства реактивов и материалов были развиты плохо. Отсутствие специализации по созданию приборов, реагентов, выполнению рутинных научных задач, как в США, было организационной слабостью советской науки, по крайней мере, в биологии и медицине. Наука требовала специализации и реорганизации. В СССР же не произошло формирования отрасли научного приборостроения, производство научной аппаратуры зачастую велось полукустарным способом. В середине 80-х годов один исследователь в СССР имел инструментальных измерительных возможностей (в пересчете на условные единицы) в 200 раз меньшие, чем в США. По остальным материальным условиям был примерно такой же разрыв.

Неблагоприятно сказывались на развитии советской науки и барьеры, возводимые американцами. Свидетельствует акад. Ж. Алферов: «Даже в 70-е, 80-е годы была такая международная комиссия «Коком», и для любой зарубежной фирмы требовалось ее разрешение, чтобы продать нам то или другое. И если в этой комис-

сии могли заподозрить, что есть возможность покупаемое СССР использовать в оборонных целях, то сразу же накладывался запрет. Скажем, мне для исследований, за которые я позже получил Нобелевскую премию, нужна экспериментальная установка, которую производит компания «Рибер» во Франции. Эта компания готова ее продать, и президент Академии наук СССР Александров находит средства ее купить. Но... «Коком» не разрешает!.. Но даже в таких условиях СССР был единственной страной, которая составляла конкуренцию науке США».

От себя добавлю, что валютные приборы шли, в основном, в московские НИИ и вузы, хотя они не были самыми лучшими по научному уровню. Ну, кроме МГУ и кардиоцентра.

Я могу судить по биологии и медицине. Гораздо более научно продвинутые центры в Пущине, Черноголовке, Ленинграде, Новосибирском академгородке в поздние застойные годы получали гораздо меньше приборов, чем москвичи, отличавшиеся особым научным снобизмом. Мне самому приходилось ездить из Иванова в Москву за реактивами в Кривоколенный переулок (база химреактивов была там) и тратить на это целый день.

А москвичи могли это сделать по несколько раз в день. Как только приходили импортные реактивы, они уже стояли рядом и давали конфеты складским работникам. Мне оставались объедки, да и конфеты я не сразу научился давать. По заявкам же реактивы почти не приходили. Поэтому заказывали все впрок.

Получив импортный прибор, московский академик становился монополистом; других он к себе на прибор не пускал, опасаясь, что другие, с периферии, быстро лишат его монополии. Часто такие дорогостоящие приборы просто стояли без действия, так как московский надутый академик не знал, как их использовать для своей области науки, а прибор ему уже дали...

Особенно меня поражала ненависть научных бонз-москвичей к ученым быстро растущих научных городов. Например, тогдашний вице-президент академии наук СССР Овчинников по-черному вредил ученым Пущина-на-Оке, не давая им почти денег на закупку оборудования, а все пустив себе на создание огромного института, кажется, биоорганической химии или химической биологии — его здание в виде молекулы ДНК стоит на углу улицы Миклухо-Маклая, напротив кинотеатра, кажется, «Космос».

* * *

Другим важным фактором, сдерживавшим развитие науки и инноваций в позднем СССР, было отсутствие стимулов у промышленности к внедрению новейшей технологии и изобретений. После смерти Сталина в большинстве случаев заводы работали отдельно, а отраслевые НИИ и КБ — отдельно. Это ослабляло связь прикладных разработок с производством, замедляло процесс внедрения. Лишь в некоторых случаях, как, например, в самолетостроении, КБ и производство были все еще интегрированы, что и обеспечивало более успешное развитие этих областей.

В целом же, руководство любого завода мало интересовало, что они выпускают. Главное было выполнить и чуть перевыполнить план, чтобы быть на хорошем счету в министерстве и получить премию. Как вспоминает инженер А. Болонкин, находясь в Бурятии, он предложил заводу «Теплоприбор» вместо огромных тяжелых 15-килограммовых чугунных датчиков давления образца прошлого века выпускать спроектированные Болонкиным маленькие пальчиковые датчики.

«Первый вопрос, который мне задал главный инженер: «Сколько будет стоить ваш датчик?» — «Два три рубля», — ответил я. Главный инженер посмотрел на меня как на сумасшедшего. «Вы что, хотите нас без ножа зарезать? Наш датчик стоит 35 рублей, мы единственный завод в Союзе, кто выпускает датчики такого назначения. Потребление их ограничено. Кто это позволит нам снизить финансовый план. Вы бы лучше придумали, чтобы датчик стоил дороже, требовал больше металла (основание для увеличения плана поставок материалов), требовал большей трудоемкости (основание для повышения фонда зарплаты)».

Другие примеры. Производство промышленных и исследовательских лазеров, открытых лауреатами Нобелевской премии Н.Г. Басовым и А.М. Прохоровым, давно стало за рубежом огромным и прибыльным бизнесом. Но даже для собственных исследований Академии наук СССР приходится закупать лазеры за рубежом, т.к. своих адекватных массовых моделей просто не было.

Современные телекоммуникации, от всемирного Интернета до мобильных телефонов и CD-плееров, стали возможными, в том числе, и благодаря применению полупроводниковых гетероструктур (Нобелевская премия Ж.И. Алфёрова). Но ни одно (!) из этих «приложений» к открытию Алфёрова не было промышленно освоено в СССР. Между тем, на мировом рынке эти «приложения» приносят прибыль в сотни миллиардов долларов в год. Среди глобальных лидеров здесь — финская NOKIA, многие фирмы из Южной Кореи и Тайваня (кто-нибудь слышал о тамошних Академиях наук?), но никак не Россия.

НАУЧНЫЕ КНЯЗЬКИ

Самое интересное, что о гонениях на генетику кричат в основном академики и директора НИИ. Между тем, существенная часть проблем советской науки возникла от этих всесильных научных князьков. Не зря к званию академиков продирались зубами. Грызлись друг с другом почем зря. Место директора НИИ обеспечивало избрание членкором или академиком. Даже если директор был бесплоден в научном смысле.

* * *

Поговорим о советских научных директорах. Их всесилие стало второй причиной застоя в советской науке. Именно из-за их всесилия возникло такое уродливое явление, как вмененное соавторство. Суть его в

том, что имя директора или заведомо ставилось на первое место в список авторов статьи, даже если они пальцем о палец не ударили.

Причем, многие истинные авторы статей были в этом заинтересованы, так как имя шефа обеспечивало быстрое прохождение рецензирования.

Все эти директора хотели тихо и неспешно, не напрягаясь, получать степени и звания, ездить по заграницам, пожинать плоды вмененного соавторства. В результате некоторые советские директора НИИ публиковали до 600 научных работ в год. Но они просто даже прочитать бы их не смогли, все эти работы.

Кроме того, в послесталинском СССР из-за во многом неверной политики ВАК в отношении публикаций, когда можно было защищать кандидатские, а часто и докторские диссертации без опубликования основных материалов в рецензируемых журналах, звание ученого было существенно девальвировано. Наука в вузах СССР базировалась в основном на диссертациях, а не на научных статьях.

В целом основной целью большинства ученых в СССР была защита диссертации, а не публикация статьи или решение научной проблемы. Сотни тысяч кандидатов и десятки тысяч докторов наук всеми правдами и неправдами боролись за звания и степени, чтобы потом почить до пенсии на этих лаврах.

Я хорошо помню, как мы работали в погоне за степенями и званиями. Для доктора наук целью становилась подготовка как можно большего числа кандидатов наук. Это давало надежду получить звание академика в

какой-нибудь из академий. Ни о каком сближении науки с практикой речи не шло. Существенная часть научной работы вузов и многих НИИ оказывалась обыкновенной мистификацией. И ничего другого ожидать не приходилось. Ведь ученые получали зарплату не за выполнение конкретных исследований, а за техническое преодоление препятствий на пути к ученым званиям и степеням. Фильтров против научного мусора не было.

Так, СССР стал попадать в диссертационную ловушку. Как пишет один остроумный автор в Интернете, «как только перестали жестко требовать практический результат — так сразу расцвела околонаучная паразитическая тусовка, которая только пишет пудовые и бесполезные «труды», «осваивает» девятизначные госсредства и дружно травит настоящих новаторов — вон даже «комитет по борьбе с лженаукой» соорудили — ага, вдруг не дай бог кто вложит деньги в нетрадиционную науку, и окажется, что получить полезный практический эффект можно в 100 раз быстрее и дешевле, чем «в академической науке» — тогда придется всем дипломированным околонаучным дармоедам переквалифицироваться в дворников, но это отдельная тема».

* * *

Одной из основных ошибок советских руководителей в развитии науки в СССР стало введение института соискательства. Мне кажется, что введение соискательства было временной мерой, но, как говорят,

нет ничего более постоянного, чем временное. Пока был жесткий государственный контроль за качеством диссертаций, соискательство в целом не очень мешало функционированию советской науки. Но как только государство ушло из многих сфер и, в частности, резко сократило свое присутствие в науке, сразу проявились коррупционные возможности соискательства. Развелось множество частных квалификационных комиссий типа ВМАК. Профанация, а не наука имеется и в диссертациях у многих соискателей типа Зюганова и Жириновского, защитивших диссертации на основе докладов и не занимавшихся в научных учреждениях.

Западные ученые, не находя публикаций у многих советских профессоров, стали очень скептически оценивать их научную квалификацию. В 1991 году эту проблему решал фонд Сороса. И решил ее в западном стиле: ученый — это тот, кто за последние пять лет опубликовал не меньше трех статей в рецензируемых журналах с каким-то минимальным импакт-фактором. Самой большой неожиданностью соросовского эксперимента оказалось то, что на весь бывший Советский Союз таких ученых набралось всего 21 тысяча из 1522 тысяч, числившихся в ЦСУ. Вот так-то.

ЧТО НАДО БЫЛО ДЕЛАТЬ?

Наука требовала большего финансирования и введения большей ответственности за полученный результат.

Советские ученые били тревогу. Президент АН СССР академик Г.И.Марчук писал о кризисе советской науки: «Широкой общественностью, руководством страны должно быть осознано: наше положение в науке находится в разительном контрасте не только с развитыми, но и с развивающимися странами».

Самое интересное, что симптомы нарастали постепенно. Первые свидетельства снижения эффективности советской науки были получены еще в конце 60-х годов. Один из выводов работы Бариновой и др. — о низкой эффективности научных исследований в СССР, — подкрепленный количественными данными, оказался довольно неожиданным. Тогда гораздо чаще говорилось о высокой эффективности науки в Советском Союзе и превосходстве ее над наукой капиталистических стран. Полученные данные не подтвердили этот тезис. Выяснилось, что наукометрический подход может вскрывать просчеты в управлении наукой, и в этом плане он мог быть опасен для руководства наукой на разных уровнях.

С.Г. Кара-Мурза, анализируя состояние науки в позднем СССР, убедительно доказывает, что за последние 15—20 лет перед гибелью СССР в Советском Союзе стало нарастать отставание от мировой науки. Особенно устаревшим познавательным аппаратом пользовались в СССР химики. В среднем в химических журналах СССР 60% ссылок на иностранные источники относились к работам, опубликованным 10 и более лет назад. Для биологии этот показатель равен 32%, для физики — 34%. Анализ литературы показал, что со-

ветские авторы использовали меньшее число методов на одну статью, чем авторы за рубежом.

В 1976—1987 годах произошло резкое постарение научных кадров. В середине 80-х годов советские доклады на международных симпозиумах составляли менее 1%.

С.Г. Кара-Мурза сделал вывод, что накопленное отставание в развитии материально-технической базы науки СССР было столь велико, что одновременное технологическое переоснащение всей развернутой в стране сети научных организаций будет или экономически невозможно, или оно будет идти в таком темпе, что разрыв не сократится, а увеличится. Неизбежен был переход к селективной стратегии в научной политике или резкое увеличение финансирования науки и ее реформа с целью повышения эффективности.

Кара-Мурза вместе с М. Петровым нашли болевые точки советской науки — плохое развитие создания научных методов, разделение фундаментальных и прикладных наук и отсутствие мотивации ученых — и поставили вопрос о коренной реорганизации науки в СССР, но их не услышали...

Если добавить плохое знание языков, медленную доставку ученым оригинальных научных работ с Запада, плохие учебники..., то сразу появляется карта лечения нашей науки. Петров назвал это лечение онаучиванием населения по интенсивной модели.

Но СССР рухнул, а в рыночной России это невозможно. Их рекомендации негодились, сейчас наука в России уже погибла и больше не возродится.

* * *

Итак, к концу советского периода наука СССР стала испытывать определенные финансовые затруднения. Резко снизился прирост числа научных сотрудников. Им не хватало современных приборов и реагентов. Уровень их жизни относительно других категорий населения резко упал. Ну и, кроме того, сыграли свою отрицательную роль засилье советских научных директоров и все большее засасывание советской науки в диссертационную ловушку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Давайте вспомним те вопросы, на которые мы хотели получить ответы.

1. Кто оказался прав: мичуринцы или морганисты? Мичуринцы и Лысенко оказались более правыми.

2. Кто такой Лысенко? Он был выдающимся естествоиспытателем советской страны.

3. Правда ли, что Лысенко был карьеристом, нечестным путем прокравшимся в науку и задурившим голову Сталину? Нет.

4. Правда ли, что Лысенко был негодяем, делавшим людям одни подлости? Нет. Он не был негодяем, он не доносил и никого не подсиживал.

5. Что нового открыл Лысенко в области биологии и агрономической науки? Он сделал целый ряд выдающихся открытий.

6. Правда ли, что путем организации Августовской сессии ВАСХНИЛ Лысенко хотел захватить власть и занять монопольное положение в советской биологии? Нет, он и так имел достаточно власти, он просто защищался от морганистов.

7. Кто начал атаку первым, морганисты или Лысенко? Что произошло до сессии? Первыми начали атаку морганисты. Сессия ВАСХНИЛ была защитной реакцией Сталина в ответ на атаку морганистов.

8. Поддержал Сталин Лысенко или нет? Если да, то почему? Поддержал, так как боролся против монополизма в науке и против клановости.

9. Что хотел Сталин, организовав открытые дискуссии? Он хотел сделать науку прозрачнее, освободить ее от кланов.

10. Правда ли, что монополия Лысенко на истину необратимо повредила развитию советской биологии? Нет, влияние гонений было минимальным.

11. Если нет, то почему советская биология стала отставать? Основной причиной отставания советской биологии и науки в целом стали некоторые организационные просчеты, недостаток финансирования, всемогущество научных князьков.

Итак, казалось бы, все стало на свои места. Добавлю здесь лишь пункт о борьбе с космополитизмом — борьба с космополитизмом была на самом деле борьбой за получение русским языком статуса языка науки. До Второй мировой войны было три языка науки: английский, французский и немецкий. После войны их осталось два: английский и русский. Сейчас, после 1991 года, остался лишь английский.

Да здравствуют Ельцин и Путин, сделавшие все возможное, чтобы лишить русский язык его столь высокого статуса, которого с большим трудом добился Сталин!

* * *

Как сказал С.Г. Кара-Мурза, лучший способ отдать дань уважения и отметить память Сталина — учиться на его уроках и думать, почему он сделал так, а не ина-

че. Думать без предвзятости любого рода, но не вступая в союз с врагами и соглашателями. Вот этому и посвящена настоящая книга. Какие же выводы можно сделать из проведенного выше анализа литературы?

Сталинская наука была выстроена на основе русского способа производства. Научные институты при Сталине финансировались государством и не зависели от промышленности, которая сама шла к ним и заказывала исследования, если надо было.

Централизация науки имела опасность — развитие монополизма. Ведь в России начальник всегда прав. Чтобы этого не было, Сталин придумал систему постоянных открытых научных дискуссий. Они состоялись и периодически повторялись в разных отраслях знания.

По сути, наука в СССР была независима; Сталин пытался повернуть науку лицом к практике, но ученые этого не хотели. Практические запросы мешали им быстренько и без проблем получать степени и звания, а потом ездить по заграницам.

После смерти Сталина созданная Сталиным система организации науки быстро выродилась под давлением ученых на ЦК...

Что же мы имеем в нынешней России? Нынешняя Россия свою науку потеряла. Государство практически прекратило финансировать науку.

Некоторые считают, что рынок в России надо видоизменить и основой его стимулирующего действия сделать рентные платежи. Однако пока никто не доказал, что такой рынок будет работать именно так, да и в мире что-то примеров не отмечено.

Рынок в нынешней России не будет работать именно по причине слабости государства и его неспособности развивать науку и венчурное (технологическое, изобретательское) дело. Поэтому детские надежды некоторых любителей рынка на малые предприятия или честный рынок есть свидетельство непонимания того, как работает современный капитализм.

* * *

Вот и вся история моего расследования дела о репрессиях советских генетиков. В заключение приношу огромную благодарность Павлу Краснову, который помог мне переделать и сделать читабельной мою статью о Лысенко. Эта глава и стала основой данной книги.

Особую признательность мне хочется выразить участникам Интернет-форума С.Г. Кара-Мурзы, которые терпеливо искали и находили ошибки в моих публикациях и помогли мне решиться на то, чтобы составить из статей настоящую книгу.

Приложение

УЧЕНЫЕ И ВЛАСТЬ ВО ВРЕМЕНА СТАЛИНА

Мы рассмотрели послевоенное состояние советской науки. Ну, а что же было до Великой Отечественной войны, почему все эти российские демократы талдычат о довоенных репрессиях среди ученых СССР?

В *Приложении* к этой книге мне пришлось сделать экскурс в историю советской науки до войны. Оказалось, что по признаку принадлежности к той или иной научной гипотезе никто никого не репрессировал. Репрессировались, в основном, администраторы от науки, директора НИИ, которые уже наукой заниматься не умели, но пользовались своим административным влиянием для получения незаслуженных благ.

При этом надо особо отметить, что Советское правительство с самого начала делало все, чтобы помочь российским ученым пережить трудные годы. Так, например, 29 февраля 1922 г. К. Чуковский писал в своем дневнике: «Все это хорошо, но вот что непонятно: почему все так обозлены на КУБУ (Комиссия по улучшению быта ученых. — *Авт.*)?»

Где, в какой стране, на какой Луне, на каком Марсе, — существует такой аппарат для 12 000 людей: по-

дошел, нажал кнопку, получил целую гору продуктов — ничего не заплатил и ушел!! А между тем прислушайтесь в очереди: все брюзжат, скулят, ругают Горького, Родэ, всех, всех — неизвестно за что, почему. Просто так! «Черт знает что! Везде масло как масло, а здесь как стеарин! Опять треску! У меня еще прежняя не съедена. Сами, небось, бифштексы жрут, а нам — треска». Такой гул стоит в очередях Дома ученых с утра до вечера».

* * *

Интересным феноменом, который не могут объяснить антисталинисты, используя свою гипотезу о «тиранизме» Сталина, является феномен академика Павлова.

Взаимоотношения Павлова и Советской власти были не безоблачны. Сразу же после победы Октября Павлов стал открыто выступать против новых властей.

Тем не менее, Павлов признавал, что власть отнеслась к нему более чем лояльно. «В первые годы революции, — говорил он, — многие из почтенных профессоров лицемерно клялись в преданности и верности новому большевистскому режиму. Мне было тошно видеть и слышать, так как я не верил в их искренность. Я тогда написал Ленину: «Я не специалист и не верю в ваш опасный социальный эксперимент».

И что же вы думаете? Ленин правильно оценил мою прямоту и тревогу за судьбы отчизны и не только не сделал ничего худого мне, но, напротив того, от-

дал распоряжение улучшить условия моей жизни и работы, что и было незамедлительно сделано в те тяжелые для всей страны дни».

Ленин, игнорируя социально-политическую позицию Павлова, делал все возможное, чтобы обеспечить ему хорошие условия для работы. (Было даже издано специальное Постановление Совнаркома о льготах для И.П. Павлова!). В нем предусматривалось среди других пунктов предоставление Павлову и его жене специального пайка, от которого ученый решительно отказался. Но питание для его подопытных животных позволило продолжить эксперименты по условным рефлексам.

«Я помню, — писал Капица, — как мне рассказывал академик А.Н. Крылов, что, встретив Павлова на Каменноостровском, он обратился к нему: «Иван Петрович, могу Вас попросить об одном одолжении?» — «Конечно». — «Возьмите меня в собаки». На что Павлов ответил: «Вы умный человек, а такие глупости говорите».

«В дальнейшем, — отмечает Капица, — жизнь подтвердила, что Ленин был прав, когда он игнорировал проявляемое Павловым в социальных вопросах резкое инакомыслие, и при этом весьма бережно относился как лично к Павлову, так и к его научной деятельности. Все это привело к тому, что Павлов в советское время как физиолог не прерывал свои блестящие работы по условным рефлексам, которые по сей день в мировой науке играют ведущую роль. В вопросах, касающихся социальных проблем, все высказанное Павловым уже давно забылось».

Но даже получив поддержку, Павлов не перестал критиковать Советскую власть. П.Л. Капица писал о том, что Павлов «без стеснения в самых резких выражениях критиковал и даже ругал руководство, крестился у каждой церкви, носил царские ордена, на которые до революции не обращал внимания». Есть свидетельства, что Павлов говорил студентам: «Вот из-за кого нам плохо живется!» — и показывал на портреты Ленина и Сталина.

Павлов не только ходатайствовал об отдельных репрессированных лицах (это делали и некоторые другие ученые — Вернадский, например). В 30-х гг. в своих письмах Павлов обращался в правительство с резкой критикой общей политики сталинского руководства. Сохранилась серия подобных павловских писем, адресованных в Совнарком. Тем не менее, Павлов не только не подвергся никаким гонениям, но, напротив, получал все большую поддержку в своих научных работах от государства.

Итак, пример Павлова доказывает, что, несмотря на резкие идеологические разногласия с большевиками, выдающиеся ученые не подвергались репрессиям.

* * *

Что же касается ученых, побывавших в сталинские годы в ГУЛАГе, то были и такие. Характерны поздние высказывания по этому поводу В.М. Молотова. Он говорил: «Много болтали лишнего. И круг их знакомств, как и следовало ожидать... Они ведь не поддерживали нас... В значительной части наша русская интеллиген-

ция была тесно связана с зажиточным крестьянством, у которого прокулацкие настроения, страна-то крестьянская. Тот же Туполев мог бы стать опасным врагом. У него большие связи с враждебной нам интеллигенцией... Туполевы, они были в свое время очень серьезным вопросом для нас. Некоторое время они были противниками, и нужно было время, чтобы их приблизить к Советской власти».

Нет оснований считать, что репрессированные ученые были абсолютно невиновными. Об этом свидетельствует случай с Ландау. Он сидел за составление противогосударственных, провокационных и подстрекательских к совершению государственных преступлений листовок, что было подтверждено личными показаниями и вещественными доказательствами.

Проще говоря, Ландау писал и разбрасывал антисоветские листовки с призывами свергнуть существующую власть и восстановить подлинный коммунизм (троцкизм). Кроме того, Ландау инициировал антисоветскую забастовку в Харьковском университете.

Л.Д. Ландау отсидел целый год. Выпущен по решению Берии под ручательство группы физиков и как не представлявший серьезной опасности.

В газете «Дуэль», № 50 за 2006 год, приведен протокол допроса «великого физика» Ландау. Изучая данный протокол, замените «вредительскую, антисоветскую деятельность» на «антигосударственную», а потом сами решите, чем занимался «великий физик» Ландау Л.Д. И может, станет понятно, почему Сталин разработку и изготовление атомной бомбы поручил не таким «теоретикам», а Курчатову?

**«Протокол допроса Ландау Льва Давидовича от
3 августа 1938 года**

ЛАНДАУ Л.Д., 1908 г. рожд., уроженец г. Баку, сын инженера, служащий, беспартийный, еврей, гр-н СССР; до ареста профессор физики, ст. научный сотрудник Ин-та физических проблем Академии наук СССР.

Вопрос: Вы обвиняетесь в антисоветской деятельности. За что вас арестовали?

Ответ: Это какое-то недоразумение. Ни с какими контрреволюционными организациями я не связывался и антисоветской работы не вел.

Вопрос: Ландау, ваше заpiresательство бесполезно. Мы вас предупреждаем, что при дальнейших с вашей стороны попытках стать на путь ложных или не до конца искренних показаний мы вас изобличим очными ставками с вашими единомышленниками.

Ответ: Меня не в чем изобличать, антисоветской работы я не вел, и никаких единомышленников в этом смысле у меня не было.

Вопрос: Мы еще раз предлагаем вам дать правдивые показания относительно вашей антисоветской деятельности.

Ответ: Мне нечего показывать.

Вопрос: Предъявляем вам документ — текст антисоветской листовки за подписью «Московский комитет антифашистской рабочей партии». Вам знаком этот почерк? Чьей рукой написана листовка?

Ответ: Да, знаком. Это почерк физика М. А. Кореца, которого я хорошо знаю.

Вопрос: Корец показывает, что контрреволюционная листовка написана им, и утверждает, что вы являетесь одним из авторов этого антисоветского документа. Вы и теперь будете отрицать предъявленное вам обвинение?

Ответ: Я вижу бессмысленность дальнейшего отрицания своей причастности к составлению предъявленного мне контрреволюционного документа. Пытался я отрицать свою вину, будучи уверенным, что следствию этот документ неизвестен.

Предъявленная мне антисоветская листовка действительно была составлена мною и Корец М.А. — участником контрреволюционной организации, к которой принадлежал и я.

Эту листовку мы намеревались размножить и распространить в дни Первомайских торжеств в Москве среди демонстрантов.

Вопрос: К вопросу о подготовке контрреволюционной листовки мы вернемся впоследствии. Сейчас расскажите, когда впервые вы стали на путь борьбы против Советской власти?

Ответ: Мне трудно прямо ответить на этот вопрос. Прошу разрешить мне рассказать подробно, как я постепенно, начав с антимарксистских позиций в области науки, дошел до контрреволюционной подпольной деятельности.

В 1929 году я закончил высшее образование и, как способный физик, был командирован Наркомпросом за границу для научного усовершенствования. За гра-

ницей я работал главным образом у известного физика Бора (Дания) и у ряда физиков его школы в Берлине, Цюрихе, Лейпциге и Кембридже.

Вопрос: Что это за школа Бора?

Ответ: Я имею в виду так называемую «Копенгагенскую школу» физиков во главе с Бором. Это — ведущая школа современной физики капиталистического мира.

«Копенгагенская школа» — не материалистическая, отрицающая диалектический материализм, не признающая научный марксистский метод. В частности, резкой критике и отрицанию подвергались в этой школе положения, выдвинутые Энгельсом в его «Диалектике природы». Должен сказать, что за границу я поехал уже с известной идеалистической настроенностью. В результате пребывания за границей и тесного сближения со школой Бора и лично с ним (моя командировка субсидировалась первые 6 месяцев Наркомпросом, а остальное время получал рокфеллеровскую стипендию, устроенную мне Бором) мои воззрения окончательно сформировались. Я вернулся в СССР убежденным сторонником буржуазных позиций «Копенгагенской школы» и открыто выступал против материалистической философии, против «допущения» марксизма в науку. Я заявлял, что наука сама по себе, без Марксовой философии, которую мы считали псевдонаучной, разрешит свои проблемы.

Вопрос: Вы говорите: «Мы считали»... Кто это «мы»?

Ответ: На почве антимарксистских взглядов я в 1931 году, работая в Ленинграде, тесно сошелся с груп-

пой антисоветски настроенных физиков-теоретиков. Это были: Гамов Г.А. (в 1934 году уехал в командировку в Данию и не вернулся в СССР), Иваненко Д.Д. (в 1935 г. осужден за антисоветскую деятельность), Бронштейн М.П., Френкель Я.Н. Известную роль тут сыграло и мое личное настроение недовольства и озлобленности, вызванное арестом моего отца Д.Л. Ланду. До революции отец служил инженером в одной из нефтяных компаний в Баку. В 1930 г., когда я находился за границей, отец был арестован и вскоре осужден за вредительство в нефтяной промышленности к 10 годам концлагеря. Это обстоятельство также толкало меня на сближение с антисоветской группой физиков.

Вопрос: Расскажите, в чем практически выражалась антисоветская деятельность этой группы?

Ответ: Это была группа единомышленников с общей антисоветской позицией сначала в области науки (отрицание марксизма). Но, борясь против марксистского метода в науке, считая марксистскую философию ненаучной, мы боролись и против мероприятий Советской власти в этой области, считая губительным для науки стремление Советской власти подвести под науку марксистский фундамент.

Всячески охаявая марксизм, защищая буржуазные концепции, мы эти взгляды пропагандировали как в своем окружении, так и в докладах и лекциях в вузах Ленинграда.

Мы открыто объявляли материалистическую философию лженаукой и насаждали буржуазную науку в советских вузах, в научных институтах и в популярной литературе по физике.

Наши выступления, естественно, наталкивались на отпор со стороны советской научной общественности и расценивались как антисоветские (так, в частности, было после одного публичного выступления Френкеля против марксизма).

В связи с этим мы переносили нашу критику и недовольство на отношение Советской власти к науке вообще и клеветнически утверждали, что Советская власть не обеспечивает ученым соответствующих условий работы.

В результате моего общения и совместной с Гамовым, Иваненко, Френкель и Бронштейном по существу антисоветской деятельности я к середине 1932 г., когда переехал из Ленинграда в Харьков, был уже не только антимарксистом в вопросах науки, но и антисоветски настроенным человеком.

В Харькове я работал в качестве руководителя теоретического отдела Украинского физико-технического института. Здесь мои антисоветские настроения активизировались, я стал искать в своем новом окружении единомышленников.

Вопрос: Какие антисоветские связи вы установили в институте?

Ответ: Вскоре я близко сошелся с научными работниками института Розенкевич Л.В. и Корец М.А., которых я знал до Харькова. Впоследствии на почве общности антисоветских взглядов мы близко сошлись с руководящими работниками института Шубниковым Л.В. и Вайсбергом А.С. Антисоветская деятельность этой нашей группы первое время сводилась, как и в Ленинграде, к борьбе против марксистских принципов в науке,

против диалектического материализма, к пропаганде в лекциях буржуазных идей и положений и воспитанию в этом духе будущих научных кадров.

Новым моментом был вопрос о взаимоотношениях «чистой» и прикладной науки.

Вопрос этот очень остро встал в 1934 г. в связи с определением планов и направления работ института — крупнейшего в стране научно-исследовательского учреждения в области физики. Мы выступали решительными противниками слияния, органической взаимосвязи теории и практики, чистой и прикладной физики, отстаивая полную независимость «чистой» науки.

И в дальнейшем, когда наша группа перешла к активным, контрреволюционным, вредительским действиям, эти действия прикрывались флагом борьбы за «чистую науку».

Прикрываясь борьбой за «чистую науку», наша антисоветская группа всячески добивалась отрыва теории от практики, что не только тормозило развитие советской науки, но и влекло за собой, учитывая огромное прикладное значение физики, задержку развития производительных сил СССР.

Пропагандируя под флагом «чистой науки» буржуазные антисоветские взгляды среди студенческой молодежи, мы считали, что наша пропаганда вызовет непосредственное стремление учащейся молодежи к активной антисоветской деятельности.

Вопрос: Когда произошел этот переход группы к активным контрреволюционным действиям?

Ответ: В 1935 году. К этому времени в институте уже вполне сформировалась антисоветская группа физиков в составе меня — Ландау Л.Д., Розенкевича Льва Викторовича — сына личного дворянина, Корца Моисея Абрамовича — дважды исключавшегося из рядов ВЛКСМ, Вайсберга Александра Семеновича — иностранного специалиста, Шубникова Льва Васильевича — профессора Украинского физико-технического института и Обреимова Ивана Васильевича (последний был вовлечен в группу ШУБНИКОВЫМ).

Собираясь периодически друг у друга на квартире, а также в институте в моем кабинете, мы обсуждали с контрреволюционных позиций положение в стране, политику Советской власти.

Последовавшие вскоре после убийства С.М. Кирова аресты и расстрелы вызвали в нашей среде озлобление и стремления более активно бороться против Советской власти...

Я ничего не намерен скрыть от следствия. В борьбе против Советской власти мы использовали все доступные нам возможности, начиная от антисоветской пропаганды в лекциях, докладах, научных трудах и кончая вредительским срывом важнейших научных работ, имеющих народнохозяйственное и оборонное значение.

Вопрос: Вот о конкретных фактах этой вашей преступной деятельности вам и придется рассказать.

Ответ: Вся наша вредительская деятельность была направлена на то, чтобы подорвать, свести на нет огромное практическое, прикладное значение теоретических работ, проводимых в институте. Прикрывалось это, как я уже говорил, борьбой за «чистую» науку.

Наша линия дезорганизовывала, разваливала институт, являющийся крупнейшим центром экспериментальной физики, срывала его наиболее актуальные для промышленности и обороны работы.

Участники нашей группы душили инициативу тех сотрудников института, которые пытались ставить на практические рельсы технические и оборонные работы. Научные сотрудники, отстаивавшие необходимость заниматься не только абстрактной теорией, но и практическими проблемами, всяческими путями выживались нами из института.

В этих целях талантливых советских научных работников, разрабатывающих актуальные для хозяйства и обороны темы, мы травили, как якобы бездарных, неработоспособных работников, создавая им таким образом невозможную обстановку для работы.

Так мы поступили с научным работником института Рябининым, который успешно вел многообещающую работу по применению жидкого метана как горючего для авиационного двигателя.

Я, Шубников, Вайсберг и Розенкевич организовали вокруг Рябина склоку и довели его до такого отчаяния, что он избил меня. Воспользовавшись этим, мы добились его ухода — сначала из лаборатории, а затем и из института.

Таким же образом из института был выжит инженер Стрельников, разработавший конструкцию рентгеновской трубки, мощность которой примерно в 10 раз превышала существующие в СССР. Эта трубка могла быть использована в промышленности для устранения дефектов в металлах и рентгеновского исследования

структур. Стрельников был нами удален из института под предлогом несоответствия его узкоприкладных работ задачам института.

Подобными же путями мы добились ухода из института научных работников Желеховского, Помазанова и др.

Противодействие, которое наша вредительская линия встречала со стороны партийной организации института, мы старались сломить, привлекая к себе рядовых сотрудников института, воздействуя на них своим научным авторитетом.

Некоторых научных сотрудников — Руэмана Мартына Зигфридовича (иноспециалист), Лифшица, Померанчука и Ахиезера — нам удалось привлечь на свою сторону, не посвящая их в существование нашей анти-советской группы.

Вопрос: Говоря об антисоветской деятельности ваших соучастников, вы умалчиваете о вашей роли в этой вражеской деятельности.

Ответ: Я физик-теоретик, и от экспериментальной работы по прикладным темам стоял дальше других участников организации.

Мое вредительство заключалось в том, что, являясь руководителем теоретического отдела института, я из этого отдела изгнал всякую возможность содействия актуальным техническим, а, следовательно, и оборонным темам.

В своих работах по вопросам, могущим иметь техническое приложение, я всегда вытраивал ту основу, за которую можно было бы ухватиться для технической реализации.

Так я поступил при разработке вопроса о свойствах ионного и электронного газа в плазме — проблема, практическое направление которой могло бы содействовать развитию техники ультракоротких волн, имеющих оборонное значение.

Вопрос: Вы не раскрыли полностью всю вредительскую деятельность, которую вы и ваши единомышленники развернули в Харьковском физико-техническом институте.

Расскажите обстоятельно: какие именно области научной работы являлись объектами ваших вражеских действий?

Ответ: Шубников, Вайсберг, Розенкевич, Корец имели прямое отношение к лабораториям института. Мне известно, что в результате их вредительской деятельности работа лаборатории атомного ядра была совершенно оторвана от разрешения каких-либо задач, имеющих практическое, прикладное значение. Возможности разрешения ряда технических проблем огромного значения не реализовывались: например, темы, связанные с высокими напряжениями, с измерительной аппаратурой. Лаборатория, расходуя миллионные средства, работала без какой-либо ориентации на технические и оборонного характера выводы.

Лаборатория низких температур, руководимая Шубниковым, имела все возможности для разработки очень важной для промышленности и обороны страны проблемы рационального использования газов коксовых печей (выделение гелия) путем применения глубокого охлаждения газовой смеси. Шубников, прикрываясь нашим излюбленным флагом борьбы за «чистую

науку», не допускал работы лаборатории в этом направлении.

Лаборатория ионных преобразований была доведена участниками нашей группы до окончательного развала, а способные научные сотрудники Желеховский, Помазанов и др. уволены из института.

До такого же состояния была доведена и лаборатория фотоэффекта.

Это — то, что успела провести наша антисоветская группа в 1935—1936 годах. Вскоре после этого я и Корец переехали в Москву.

Вопрос: Ваш переезд в Москву был вызван начавшимся разоблачением ваших вредительских действий в институте?

Ответ: Да. К концу 1935 года наша вредительская линия стала настолько очевидной для окружающих, что партийная организация и советская общественность института поставила более решительно вопрос о вражеской работе в институте.

В этих условиях оставаться мне дальше в Харькове было небезопасно.

Первый удар был нанесен нам арестом Кореца М.А. в ноябре 1935 г.

Правда, в тот момент обстановка вокруг нас еще не была настолько обострена, а научный авторитет наш был достаточно высок. Так что мы даже смогли принять ряд мер к освобождению Кореца, точнее, к отмене приговора суда по его делу.

Я в числе прочих был также допрошен следствием по делу Кореца. Скрыв, понятно, нашу антисоветскую деятельность, я дал следствию ложные показания

о Кореце как о честном советском гражданине. Апеллируя этой же характеристикой «советского» ученого, мы организовали ходатайство перед соответствующими советскими органами (я послал письмо о Кореце Балицкому) и в результате добились отмены приговора суда (заключение в концлагерь) и освобождения из-под стражи Кореца.

Однако положение нашей группы все более осложнялось. Начавшееся в 1936 г. решительное вскрытие контрреволюционного подполья в стране грозило и нам провалом. Кореца уволили из института. Меня в конце 1936 г. уволили из университета за протаскивание буржуазных установок в лекциях.

По решению участников группы был организован протест против моего увольнения. Ряд научных сотрудников — Лифшиц, Ахиезер, Померанчук, Бриллиантов — подали коллективное заявление, в котором, угрожая уходом из института, потребовали моего восстановления на кафедре. Однако, несмотря на формальное мое восстановление, я и Корец политически были серьезно скомпрометированы.

Это обстоятельство заставило нас принять решение, в интересах сохранения наших кадров, да и личного благополучия, мне и КОРЕЦУ немедленно уехать с Украины.

Первым уехал я (в начале 1937 года). Устроившись на работу, я вызвал в Москву и обеспечил устройство на работу Кореца, а затем Лифшица и Померанчука (участников организованного протеста против моего увольнения в Харькове). Последних я устроил на кафедру физики Кожевенного института, которой ру-

ководил мой близкий знакомый профессор физики Румер Ю.Б.

Вопрос: А вы сами где стали работать в Москве?

Ответ: В Институте физических проблем Академии наук. С директором этого института профессором Капицей я был знаком раньше. Я приехал к нему, рассказал о тяжелой обстановке, создавшейся для меня на Украине, и просил принять меня на работу в возглавляемый им институт. Капица это устроил.

Вопрос: Какие антисоветские связи вы установили в Москве?

Ответ: Хотя мы, в частности я, и были дезорганизованы начавшимися в Харькове арестами наших людей (вскоре после нашего отъезда были арестованы Шубников, Вайсберг и Розенкевич), однако это же обстоятельство одновременно нас озлобляло и толкало на поиски новых антисоветских связей и более активных форм борьбы с ненавистным нам советским строем. Поэтому вскоре же после приезда в Москву я и Корец приступили к вербовке новых единомышленников. Первым был мною привлечен к антисоветской деятельности Румер.

Вопрос: Кто такой Румер?

Ответ: Юрий Борисович Румер, профессор физики. Познакомился я с ним в 1935 г. на Менделеевском съезде. Встречался я с ним в Москве и в 1936 г.

После моего переезда в Москву я сошелся с ним ближе. Обработку его в антисоветском направлении я вел постепенно, убеждая его сперва в неправильности линии Советской власти по отношению к науке, говорил, что аресты научных работников ничем не оправ-

дываются и наносят вред науке, что такое положение мы, люди науки, терпеть не можем.

В дальнейших разговорах я более откровенно изложил ему свою точку зрения на положение в стране, на необходимость действовать всеми путями для изменения режима в стране. Я сообщил Румеру, что это не только моя точка зрения, а многих связанных со мной лиц.

В результате Румер согласился с моими доводами о необходимости организованной борьбы с советским режимом. В дальнейшем он был связан и со мною, и с Корецом.

Следующими лицами, на которых я рассчитывал как на антисоветский актив, были профессор Капица П.Л. и академик Семенов Н.Н., которые не скрывали от меня своих антисоветских настроений. Главной темой их бесед со мной являлись аресты научных работников. И Капица, и Семенов рассматривали эти аресты как произвол и расправу с невинными людьми, как результат губительной политики советских верхов. Капица и Семенов утверждали, что политика партии ведет не к прогрессу науки, а к упадку и гибели ее.

Вопрос: Вы сообщили Капице и Семенову о существовании вашей антисоветской группы физиков, о ее деятельности в Харькове и Москве?

Ответ: Нет, этого я им не говорил. На такую откровенность я не решался, т. к. Капица и Семенов не были еще мною достаточно изучены, а отношения зависимости моей от Капицы не позволяли рисковать.

Вопрос: Кто еще, кроме Румера, был привлечен вами в контрреволюционную организацию?

Ответ: Мною никто больше. Со слов КОРЕЦА мне известно, что им окончательно была подготовлена к активным контрреволюционным действиям его давнишняя знакомая, проживающая в Москве, журналистка Марголис Л.С., отчим и мать которой осуждены и высланы. На квартире Марголис часто собирались журналисты и научные работники, среди которых Корец вел антисоветскую пропаганду. Корец познакомил меня с Марголис, и я сам убедился, что она полностью разделяет наши контрреволюционные позиции.

Вторым лицом, обработанным Корец для вовлечения в контрреволюционную организацию, был упоминавшийся мною ленинградский профессор физики Бронштейн Матвей Петрович (в конце 1937 года арестован в Ленинграде). Корец встретился и установил связь с Бронштейном на квартире уже завербованного мною Румера Ю. Б.

Подготавливали мы к активной антисоветской деятельности и упомянутых мною выше прибывших из Харькова Лифшица и Померанчука, моих учеников.

Вопрос: Лифшиц и Померанчук были завербованы вами в организацию?

Ответ: О наличии организованной группы Лифшиц и Померанчук не были осведомлены. Я, так же как и Корец, настойчиво и небезуспешно прививал им еще в харьковский период антисоветские взгляды, разжигал в них злобу против Советской власти.

В их обществе мы открыто высказывали свои антисоветские взгляды, в частности, в отношении прошедших политических процессов, которые мы рассматривали как инсценировку — расправу правящих верхов над неугодными им лицами.

Вопрос: Вернемся к вопросу подготовки антисоветской листовки. Как возник план выпуска листовки?

Ответ: Я уже говорил, что соображения крайней озлобленности в связи с все более острыми ударами, наносимыми по антисоветским силам, толкали нас на поиски какого-нибудь более прямого, более эффективного контрреволюционного действия.

Было бы слишком наивным ограничиваться в антисоветской деятельности только насаждением буржуазных теорий в науке, вредительством и разжиганием антисоветских настроений у десятка-другого окружающих нас людей.

Результатом этих наших стремлений активно действовать и явилась попытка выпустить контрреволюционную листовку, попытка, пресеченная нашим арестом.

Вопрос: Расскажите все обстоятельства, при которых была составлена контрреволюционная листовка?

Ответ: В одну из встреч с Корецом у меня на квартире, это было в середине апреля 1938 года, мы вновь толковали о возможных путях активных действий против Советской власти. Корец сказал, что большой политический резонанс дало бы открытое выступление с призывом к населению против «режима террора, проводимого властью» и что такое выступление в форме листовки удобно было бы приурочить к Первомайским дням.

Я сперва отрицательно отнесся к этому предложению и высказал опасение, что такая форма антисоветской деятельности чересчур рискованна. Однако при этом я согласился с Корецом, что подобная полити-

ческая диверсия произвела бы большое впечатление и могла бы дать немалый практический результат.

Корец защищал свое предложение, мотивируя его целесообразность тем, что выпуск листовки помог бы объединению антисоветских сил, ибо показал, что, несмотря на массовые репрессии, существует и действует организованная сила, готовящая свержение Советской власти.

Договорившись принципиально о том, что листовку будем выпускать, мы приступили к выполнению этого замысла...

Вопрос: Кто еще, кроме вас и Кореца, был посвящен в план выпуска листовки?

Ответ: Я никого не посвящал. Корец должен был подобрать технических исполнителей для размножения и распространения листовки, но кого именно он подбирал — мне неизвестно.

Вопрос: Когда, где, в какой обстановке был написан текст листовки?

Ответ: Составляли текст листовки Корец и я, 23 апреля, у меня на квартире.

Когда мы приступили к составлению текста, перед нами встал вопрос: из каких политических позиций исходить, от имени какого политического направления обращаться к населению?

Корец развил следующую точку зрения, с которой я согласился: выступать с открыто контрреволюционных позиций, ратовать прямо «за капиталистический строй» было бы глупо и бессмысленно. Такая агитация не может рассчитывать хотя бы на малейший успех в стране.

Нет также смысла писать листовку от имени правой или троцкистской организации: и правые, и троцкисты разоблачены и вконец дискредитированы в народе, как агенты фашизма, как шпионы.

Однако совершенно необходимо, чтобы листовка вышла от имени какой-то организованной силы, противостоящей себя «слева» советскому режиму. Выгоднее всего придать листовке внешне антифашистский тон, расценивая события, происходящие в стране, — разгром контрреволюционного подполья, — как фашистские методы управления, как результат фашистского перерождения советских верхов. Отсюда лозунг свержения Советской власти мог выглядеть как лозунг спасения страны от фашистской опасности.

Исходя из этих предпосылок, Корец и составил текст листовки, а я ее отредактировал. Из тех же соображений, изложенных выше, мы решили выпустить эту листовку от имени «Московского комитета антифашистской рабочей партии».

Корец объявил мне, что он берет на себя и сумеет обеспечить технику размножения и распространения листовки среди демонстрантов Первого мая. Корец спросил, нужно ли мне знать имена технических исполнителей этого дела? Я ответил, что в целях конспирации лучше будет, если я не буду знать имен исполнителей. Корец согласился с этим и никаких имен мне не называл. Таким образом, я никого из других участников этой политической диверсии не знал.

Вопрос: А членам вашей организации Румеру, Бронштейну было известно о подготовке этой листовки?

Ответ: Я никого не информировал об этом и от Кореца не слышал, чтобы он сообщал о нашем замысле Румеру или Бронштейну. 28 апреля я был арестован и здесь уже узнал, что размножить листовку Корец не сумел, или, точнее, не успел, т. к. тоже был арестован.

Вопрос: Вы умалчиваете о ряде существенных обстоятельств, связанных с выпуском антисоветской листовки, и скрываете лиц, по поручению которых Корец внес предложение о выпуске листовки. Требуем от вас полной откровенности.

Ответ: Таких людей я не знал. Корец говорил со мной о листовке как о его личной идее, никаких других соучастников этого дела он не называл.

Вопрос: Установлено, что поручение выпустить листовку и содержание ее, включая внешне антифашистскую направленность и подпись, были даны Корецу представителем немецкой разведки, агентом которой являлся Корец. Вы об этом не могли не знать.

Ответ: Этого я не знал и даже не предполагал. Никогда Корец не только не говорил мне, но и не намекал на возможность какой-то связи с немецкой разведкой. Я согласился с выпуском листовки, руководствуясь контрреволюционными намерениями — организовать всех недовольных в стране для активной борьбы против ВКП(б) и Советской власти.

Я признаю, что объективно наша листовка могла быть на руку фашистской Германии, но, повторяю, ни о каком задании со стороны германской разведки Корец мне не говорил.

Записано с моих слов правильно и мной прочитано.

Л. Ландау.

Допросил: опер. уполном. 6 отд. 4 отдела — сержант государств. безопасности *Г. Ефименко*».

* * *

Далее приведу еще несколько документальных материалов.

«П.Л. Капица — И.В. Сталину. 28 апреля 1938 г.

Товарищ Сталин, сегодня утром арестовали научного сотрудника Института Л. Д. Ландау. Несмотря на свои 29 лет, он вместе с Фоком — самые крупные физики-теоретики у нас в Союзе. Его работы по магнетизму и по квантовой теории часто цитируются как в нашей, так и в заграничной научной литературе. Только в прошлом году он опубликовал одну замечательную работу, где первый указал на новый источник энергии звездного лучеиспускания.

...У нас в институте с ним было нелегко, хотя он поддавался уговорам и становился лучше. Я прощал ему его выходки ввиду его исключительной даровитости. Но при всех своих недостатках в характере, мне очень трудно поверить, что Ландау был способен на что-то нечестное.

Ландау молод, ему представляется еще многое сделать в науке. Никто, как другой ученый, обо всем этом написать не может, поэтому я и пишу Вам.

П. Капица».

«П.Л. Капица — Л.П. Берия. 26 апреля 1939 г.

Прошу освободить из-под стражи арестованного профессора физики Льва Давидовича ЛАНДАУ под мое личное поручительство.

Ручаюсь перед НКВД в том, что Ландау не будет вести какой-либо контрреволюционной деятельности против Советской власти в моем институте, и я приму все зависящие от меня меры к тому, чтобы он и вне института никакой контрреволюционной работы не вел. В случае, если я замечу со стороны Ландау какие-либо высказывания, направленные во вред Советской власти, то немедленно сообщу об этом органам НКВД.

П. Капица».

«Постановление. Москва, 1939 года апреля 28 дня.

Я, начальник 6 Отделения 2 Отдела ГУГБ НКВД СССР, капитан государственной безопасности — Визель, рассмотрев материалы следственного дела № 18747 по обвинению Ландау Льва Давыдовича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58 — 7, 10 и 11 УК РСФСР,

На основании изложенного:

Ландау Лев Давыдович, 1908 года рождения, уроженец гор. Баку, до ареста профессор физики, б/п, гр-н СССР, достаточно изобличен в участии в антисоветской группе, вредительской деятельности и попытке выпустить и распространить антисоветскую листовку.

Однако, принимая во внимание, что:

1) Ландау Л.Д. является крупнейшим специалистом в области теоретической физики и в дальнейшем может быть полезен советской науке;

2) академик Капица П. Л. изъявил согласие взять Ландау Л.Д. на поруки;

3) руководствуясь приказанием Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР, комиссара Государственной Безопасности I ранга тов. Л.П. Берия об освобождении Ландау на поруки академика КАПИЦЫ, -

ПОСТАНОВИЛ:

Арестованного Ландау Л.Д. из-под стражи освободить, следствие в отношении его прекратить и дело сдать в архив.

Начальник 6 отд-ния 2 отдела ГУГБ НКВД СССР капитан государственной безопасности

Визель».

Так Капица спас Ландау. Да и советские лидеры понимали, что нельзя подвергать тюремному заключению выдающегося ученого, хотя это и противоречит принципу равенства перед законом.

Скажу еще, что в ноябре 1946 года Ландау был избран действительным членом АН СССР, хотя он отсидел год за распространение антисоветской листовки.

* * *

Но и П.Л. Капица, поручившийся за Ландау, был далеко не безгрешен перед Советской властью. Отказ от участия в государственной оборонной программе известен всего лишь один, и связан он как раз с именем обласканного в СССР и за рубежом академика П.Л. Капицы.

Участникам атомного проекта, в том числе Капице, работать приходилось много. При этом сложность состояла не в получении новых научных открытий, а в оптимизации использования старых. Мирового научного престижа на этом пути не получишь, а нервотрепка будет большая, ибо исполнение и сроки контролируются на самом высоком уровне. Вот почему многие мечтали вернуться в Москву, где можно тихо и спокойно, по возможности на том же материальном уровне, но без нервотрепки заняться чистой наукой. Естественно, это не соответствовало интересам государства, и оно препятствовало такой форме дезертирства. В первые послевоенные годы позиция государства в этом вопросе была очень жесткой, а затем смягчилась. Указанное смягчение было связано не с хрущевской «оттепелью», а с тем, что новые вузы МИФИ и МФТИ начали выпускать достаточное количество молодых ученых, которые были предпочтительнее для данной задачи, поскольку в силу возрастных обстоятельств их эвристические способности были выше.

Однако на начальном этапе решения ядерной проблемы нашелся один выдающийся физик, П.Л. Капица, который, артистично используя исторические обстоятельства и международную конъюнктуру, смог выйти из ядерной тематики с очень малыми потерями.

И.В. Сталин и Л.П. Берия понимали, что гонка ядерных вооружений — очень дорогое удовольствие для СССР, только что пережившего войну. Вот почему Капицу попросили свести физика из МГУ, не участвовавшего в секретных работах по ядерному проекту, с Нильсом Бором. Это позволило бы в дальнейшем

заложить базу для ограничения гонки ядерных вооружений.

Хитрый Капица принял это предложение, но в своей переписке с Бором дал понять, что является игрушкой в какой-то глупой интриге. К этому добавились «разъяснения» западных спецслужб, способствовавших увеличению подозрительности Бора по отношению к инициативам коварных «красных». В результате, когда такая встреча все же состоялась, сын Бора сидел в соседней комнате, нервно ощупывая старинный револьвер выпуска XIX века. Вот почему единственным последствием этой встречи было то, что Капице удалось изобразить оскорбленную гениальность и на этом основании попросить вывести его из ядерного проекта. Указанная просьба была удовлетворена, и никаких репрессий не последовало.

Другие случаи прямого отказа от выполнения оборонных заданий в истории советской науки, повторяю, неизвестны. Тем не менее никто Капицу пальцем не тронул.

* * *

Другим видным советским ученым и конструкторам повезло меньше. Сидели, например. Туполев и Королев. Но для того времени их дела были банальны, как грабли.

Туполев сел за обычную растрату госсредств, после заграничной командировки (сегодня за это в ладоши хлопают от восторга). Согласно другой версии, академик А.Н. Туполев сидел за продажу чертежей одно-

го из своих самолетов, отвергнутых государственной комиссией СССР.

Туполева арестовали 21 октября 1937 г. в рабочем кабинете. По его делу проходило более 20 чел. Он был обвинен в срыве строительства новых корпусов ЦАГИ и несовершенстве созданных в его КБ конструкций. 50-летний Туполев признался через неделю после ареста. Следствие было окончено в апреле 1938 г., и его держали в Бутырской тюрьме, ожидая постановления об организации ОКБ, где его предполагалось использовать. Выпущен в связи с искренним раскаянием и готовностью работать на благо Родины в тяжелый для нее момент.

Считается, что академик С.П. Королев сидел по доносу конкурента. На самом деле Королев действительно сидел в т.н. «шарашке», но по совершенно прозаической статье — за растрату. Как сейчас модно говорить, «за нецелевое расходование бюджетных средств». Даже гениям не чужды человеческие пороки и слабости. Королев и компания обещали создать ракетоплан, самолет с ракетным двигателем, а результат равен нулю.

Выпущен как невиновный и способный принести пользу Родине в тяжелый для нее момент.

* * *

Отдельно следует сказать о так называемых «сталинских шарашках». В 1928—1929 гг. были арестованы руководители двух крупнейших КБ: 1 сентября 1928 г. Д.П. Григорович, который в середине 20-х гг. возглавлял в Ленинграде отдел морского опытного самолето-

строения (ОМОС), и Н.Н. Поликарпов, в КБ которого были выпестованы многие крупные авиаконструкторы, сами в дальнейшем создавшие свои КБ.

Вместе с ними были арестованы крупные специалисты в области авиации: И.М. Косткин, А.Н. Сидельников, П.М. Крейсон, А.В. Надашкевич, Б.Ф. Гончаров, В.В. Калинин, В.Л. Коровин (всего около 20 специалистов).

Арест такого числа крупных авиаспециалистов поставил под угрозу план развития опытного самолетостроения в СССР. Однако ОГПУ нашло выход. В декабре 1929 г. в Бутырской тюрьме было организовано закрытое КБ, получившее название «Внутренняя тюрьма», затем реорганизованное в ЦКБ имени В.Р. Менжинского, которое стало одной из первых «шарашек», в массовом масштабе организовавшихся в 30-е гг. в различных областях техники, связанных главным образом с оборонной промышленностью и просуществовавших четверть века.

Наиболее известные из них — Особое техническое бюро НКВД в Болшево (позднее авиационная часть «болшевской шараги» была переведена в Москву на улицу Радио, где стало действовать ЦКБ-29 НКВД), химическая «шарашка» на шоссе Энтузиастов в Москве, радиоэлектронная в Марфино под Москвой.

В документальной повести о С.П. Королеве, основанной на воспоминаниях десятков ученых и конструкторов, Я.К. Голованов пишет, что «весной 1940 г. самым большим тружеником в НКВД был В.А. Кравченко — начальник 4-го специального отдела экономического управления НКВД СССР, занимавшийся орга-

низацией специальных КБ. Он подчинялся заместителю Л.П. Берии, начальнику экономического управления НКВД А.З. Кобулову. Он должен был продумать структуру, разыскать нужных специалистов в лагерях, доставить в Москву, рассортировать по специальностям, создать необходимые условия для работы».

Арестованному авиаконструктору Туполеву, после завершения следствия, поручили составить список всех «самолетчиков» и специалистов смежных областей (всего 200 чел.). В феврале 1939 г. Туполева привезли в Болшево, где у него созрел план сделать новый скоростной пикирующий двухмоторный бомбардировщик, который он обозначил как АНТ-58.

Сталин отверг предложение Берии создать четырехмоторный бомбардировщик и согласился с предложением Туполева сконструировать двухмоторный пикирующий бомбардировщик, а затем приступить к четырехмоторному, условно названному ПБ-4. В Болшево был построен макет двухмоторного бомбардировщика в натуральную величину, в металле он был воплощен на улице Радио в ЦКБ-29.

В том же ЦКБ-29 В.М. Петляков продолжал работы над двухмоторным высотным скоростным истребителем-перехватчиком (проект-100). 1 мая 1940 г. этот самолет, ведомый летчиком П.М. Стефановским, участвовал в параде на Красной Площади. Но этот самолет оказался не нужен, так как уже в апреле 1940 г. был испытан МиГ-3 с аналогичными функциями.

В августе 1940 г. с одобрения Сталина было принято решение о серийном выпуске МиГ-3, а В.М. Петляков получил задание переделать за полтора месяца

свой истребитель в бомбардировщик. В итоге получился Пе-2, основной бомбардировщик периода Великой Отечественной войны, серийное производство которого началось 23 июня 1940 г., а 25 июня 1940 г. группа Петлякова вышла на свободу.

Петлякову было поручено организовать в Казани массовое производство Пе-2. Но уже в январе 1942 г. он погибает в авиакатастрофе на Пе-2 под Арзамасом.

КБ В.М. Мясищева проектировало в «шараге» на улице Радио дальний высотный бомбардировщик (проект 102). Сюда же были направлены В.П. Глушко, С.П. Королев.

После начала войны, 13 июля 1941 г., ЦКБ-29 прекратил свое существование на улице Радио. Его сотрудники были эвакуированы в Омск. В ЦКБ-29 работало не менее 800 сотрудников, из них 100 (мозг ЦКБ) — заключенные. В их числе 20 крупных специалистов, 15 профессоров и докторов наук, главных инженеров и главных технологов авиазаводов, 5 начальников КБ.

Помощник Туполева Л.Л. Кербер вспоминал, что в авиапромышленности функционировали три «шараги» — авиационная, двигательная и ракетная. «Вероятно, мы будем недалеко от истины, если оценим... общее количество специалистов, извлеченных триумвиратом Ягода — Ежов — Берия из нашего министерства, в 280—300 человек самой высокой квалификации. Следует преклоняться перед теми, кто все же сумел обеспечить поставку нашей героической армии тысяч и тысяч самолетов в Отечественную войну. Немногие страны могли бы выдержать подобное».

Парадоксально, но факт, что труд ученых и конструкторов в «шарагах» и подчас в лагерях был творческим трудом, в котором были сплавлены и патриотизм и творческое вдохновение в работе на благо Родины.

Выше уже упоминалось высказывание о том, что если свести в одном коллективе двух выдающихся ученых, то тут же начинается склока, борьба за Госпремии, фонды, штаты, зарплаты и один выдающийся ученый неизбежно «сжирает» другого. А вот в «шарашках», по свидетельству Солженицына, все наоборот: «Тут могут плодотворно вместе трудиться хоть 5, хоть 8 понастоящему великих ученых, решая за год такую проблему, для решения которой в обычных условиях ушли бы десятилетия и полвагона умерших от инфарктов во взаимной вражде ученых».

Таким образом, даже такой ярый антисоветчик, как Солженицын, признавал, что сталинские «шарашки» вовсе не были «кругами ада», и ученым, провибрировавшимся перед Советской властью, создавались там вполне сносные условия для жизни и работы...

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

220 лет Академии наук СССР. Справочная книга. М. 1945.

Аврус А.И. История российских университетов: Очерки / Моск. обществ. науч. фонд. <http://www.auditorium.ru/books/560/>

Александров В.Я. Трудные годы советской биологии. Записки современника. <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/BIO/VLADALEX/YEARS.HTM>

Андреев Л.Н. Неизвестный документ академика Н.В. Цицина. Вестник Российской академии наук. 1998. Том 68. № 12.

Бабков В.В. О принципах организации института Н.К. Кольцова. <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/KOLTZOV.HTM>

Бабков В.В. Медицинская генетика в СССР. Вестник РАН. 2001. № 10. С. 928—937.

Баринаева З.Б., Васильев Р.Ф., Грановский Ю.В., Мухоморов З.М., Налимов В.В., Напастников Е.В., Ориент И.М., Преображенская Г.Б., Страхов А.Б., Терехин А.Т., Фарберова Т.Л., Щербаков Ю.А. Изучение научных журналов как каналов связи. Оценка вклада отдельных стран в мировой научный информационный поток // Научно-техническая информация. 1967. № 12. С. 3-11.

Болонкин А. В чем заключались достоинства и недостатки советской науки. Особенности советской и американской науки. <http://www.inauka.ru/science/article35185.html>

Вавилов Ю.Н. Август 1948. Предыстория. «Человек». 1998. №3.

Вавилов Ю.Н. Обмен письмами между Т.Д. Лысенко и И.В. Сталиным в октябре 1947 г. Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 2. С. 157-164.

Варшавский А. Е. Проблемы ускорения технического прогресса. Экономические науки. 1986. № 11.

Васильев И. Яровизация зернобобовых культур. В журнале «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства». 1936. № 12. С. 138.

Веретенников А.В. Физиология растений. М. 2006. Академический проект.

Волков В.А. У истоков «лысенковщины». Природа. 1997. № 11.

Володичев Е.Г. Советская наука в плену социальных проблем. В книге «Советская история. Проблемы и уроки». Новосибирск. 1992. С. 241.

Гангнус А. А.А. Жданов на удивление много сделал для развития образования и науки в СССР. <http://www.intelligent.ru/articles/text300.htm>

Голубовский М.Д. Неканонические наследственные изменения. Природа. 2001. № 8-9.

Голубовский М.Д. Биотерапия рака, «дело КР» и сталинизм. Звезда. 2003. №6.

Господарик Ю.П., Купайгородская А.П., Осипова Н.М., Смагина Г.И., Чернета В.Г. Высшая школа и Российская академия наук. В кн.: Подготовка научных кадров в системе высшего образования России. М. ИНИОН. 2002. С. 15—76.

Гракина Э. И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. <http://www.primus.ru/book.zip>

Григорьян Н.А., Ярошевский М.Г. Попытка реабилитировать одну из позорных акций в науке. Коммунист. 1989. № 3. С. 121-124.

Дальский А. Сказки самостийной Украины. Дуэль. 2006. № 33.

Дубинин Н.П. Вечное движение. М. 1973. Политиздат.

Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М. 2002. РАН.

Жданов Ю.А. Без теории нам смерть! Смерть!! Смерть!!! http://stalinism.ru/gosudar/zhdan_death.htm

Жданов Ю.А. Во мгле противоречий. Вопросы философии. 1993. №7. С. 65-92.

Жиров А. Средства массовой диссертации. «Коммерсантъ ВЛАСТЬ». 2006. №48 (702)

Жуков Ю. Иной Сталин. М. Вагриус. 2005.

Жуков Ю. Сталин: тайны власти. М. Вагриус. 2005.

Журавский Д. Террор. Вопросы философии. 1993. № 7. С. 125—146.

Золотов Ю.А. Делающие науку. Кто они? Из записных книжек. М. КомКнига. 2006.

Иванов К.В. Наука после Сталина: реформа академии 1954-1961 гг. Наукосведение. 2000. № 1.

Калиничев А. Роль и место российской науки в ближайшие десятилетия: Субъективный взгляд изнутри и снаружи. <http://geo.web.ru/db/msg.html?mid=1169650>

Капица П.Л. Письма о науке. М. 1989. С. 368.

Кара-Мурза С.Г. Проблемы интенсификации науки: технология научных исследований. М. Наука. 1989.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (в 2-х томах). М. Алгоритм. 2001. Т. 2.

Кедров Б.М. Как создавался наш журнал. Вопрос о новом журнале на философской дискуссии 1947 года. Вопросы философии. 1988. №2.

Кобзев Д. Снова «продажная девка», «аргумент» Кольцова и евгенические идеи советских генетиков. http://www.duel.ru/200250/?50_5_2

Ковалева С. «Студенческий бунт» 1953 г. http://www.circle.ru/archive/front_fold/cont/studen/text

Косолапов Р.И. «Слово товарищу Сталину». М. 1995.

Кудрявцев М. Снова продажная девка (Бывает ли наука вредной?) Дуэль. 2002. № 52.

Кудрявцев М., Мирон А., Скорынин Р. «Статья Америкой», оставаясь Россией: путь к процветанию. М. Алгоритм. 2006.

Кун Т. Структура научных революций. М. Прогресс, 1977.

Ленин В.И.. Материализм и эмпириокритицизм. Полное собрание сочинений. М. 1961. Т.18. С.190, 274.

Леонов В.П. Долгое прощание с лысенковщиной. Части 2 и 3. Ответная статья Лысенко. Какой статистике учить? <http://n-t.ru/tp/in/dpl02.htm>

Лешкевич Т.Г. Философия науки. М. Инфра-М. 2005.

Литов В. Интервью с И.А. Бенедиктовым, видным партийным и государственным деятелем 30-х — 60-х годов, 1981 г.) <http://rkrp-rpk.ru/index.php?action=articles&func=one&id=103>

Лигачев. Е. К. Еще раз о перестройке. После иудиних юбилеев хочется заглянуть правде в глаза. Советская Россия. 2006. № 33 (12810).

Ломакин В.К. Мировая экономика. М. Юнити. 2000.

Лысенко Т.Д. «Агробриология». М. Сельхозгиз. 1952.

Марчук Г.И. «Какой быть науке?». Газета «Поиск». 1989. № 12.

Миронин С. Как Хрущев разрушил русский способ производства. Золотой Лев. № 75-76. http://www.zlev.ru/75_83.htm

Морган Т. Развитие и наследственность. М. 1934.

Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. М. Крымский мост. 2002.

Мухин Ю. И. Убийцы Сталина. М. Яуза. 2005.

Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия: Изучение развития науки как информационного процесса. М. Наука. 1969.

Научные кадры СССР: динамика и структура. М. Мысль. 1991.

Несмеянов А.Н. На качелях XX века. М. 1999.

Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2004.

Петров М. П. О положении российской науки. Звезда. 2003. № 7.

Покровский В.А. Ускорение научно-технического прогресса: организация и методы. М. 1983.

Попковский М. «Дело академика Вавилова» <http://www.gspo.ru/lofiversion/index.php/t1943-200.html>

Против антинаучных враждебных «теорий». Комсомольская правда. 1936. 15 ноября.

Расширенное заседание Президиума Академии наук СССР 24—26 августа 1948 г. по вопросу о состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях Ака-

демии наук СССР (Стенографический отчет). Вестник Академии наук СССР. 1948. №9. С. 17-209.

Резник С. Снова о Вавилове и Лысенко. <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/priroda/1992/11/88-98.pdf>

Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М. 1970.

Рокитянский Я. Г. Арест академика. Вестник РАН. 2000. №2. С. 165-172.

Рубинов А. Первый заместитель главы Администрации Президента Республики Беларусь о науке. Советская Белоруссия. 2006. №233 (22643).

Салтыков Б. Реформирование российской науки: анализ и перспективы. Отечественные записки. 2002. № 4-5.

Сойфер В. Н. Горький плод: из истории современности. Огонек. 1988. № 1-2.

Сойфер В.Н. Власть и наука (История разгрома коммунистами генетики в СССР). <http://pereplet.sai.msu.ru/text/lisenko/introduction.html>

Сойфер В.Н. Трагическое заблуждение академика Вавилова. Ученые признают Лысенко за своего. «Знание — сила». 2002. №11.

Сойфер В.Н. Загубленный талант. «Континент». 2005. №125.

Старовский В.И. Развитие советской статистической науки и практики за 40 лет. Вестник статистики. 1958. №1.

Струнников А., Шамин А. Лысенко и лысенковщина: особенности развития отечественной генетики. http://www.scepsis.ru/library/id_1794.html

Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М. ОЛМА-ПРЕСС. 1997.

Тимофеев-Ресовский Н. Мой XX век. М. Вагриус. 2008.

Трубицын А. Сталин и кибернетика. http://cprf.tomsk.ru/2006/08/16/stalin_i_kibernetika_.html

Фионова Л.К. На руинах русской науки. <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/06/639/43.html>

Флегр Я. Лысенко был (частично) прав? Мичуринская биология в свете современной физиологии растений и генетики. <http://lysenkoism.narod.ru/flegr-lys.htm>

Халатников М.И. Воспоминания о Л.Д. Ландау. М. 1988.

Харгиттаи И. Откровенная наука: беседы со знаменитыми химиками. М. УРСС. 2003.

Шмальгаузен И.И. Представления о целом в современной биологии. Вопросы философии. 1947. № 2. С. 177-183.

Юсупов Р.М. Наука и национальная безопасность. СПб. Наука. 2006.

Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки. В кн.: Репрессированная наука. Л. Наука. 1991. С. 6-33.

Alberts B., Johnson A., Lewis J., Raff M., Roberts K., and Walter P. Molecular Biology of the Cell. Fourth Edition. New York. Garland Science. 2002.

Balter M. Was Lamarck just a little bit right? Science. 2000. 288:38.

Brinkman R.R., Dube M.-P., Rouleau G.A., Orr A.C., and Samuels M.E. Human monogenic disorders — a source of novel drug targets. Nature Review. Genetics. 2006.7:249-260.

Bryant E., McCommas A, Combs L. Morphometric differentiation among experimental lines of the housefly in relation to a bottleneck. Genetics. 1986. 114: 1213—1223.

Carson HL, Templeton AR. Genetic revolutions in relation to speciation phenomena: the founding of new populations. Annu. Rev. Ecol. Syst. 1984. 15:97-131.

Cresswell J.E., Hagen C. and Woolnough J.M. Attributes of Individual Flowers of *Brassica napus* L. are Affected by Defoliation but not by Intraspecific Competition. *Annals of Botany*. 2001. 88:111-117.

Darwin C. The variation of animals and plants under domestication. London: John Murray. 1868. P. 115-117, 127, 143.

Dawkins R. The extended phenotype. The gene as the unit of selection. Oxford: W.H. Freeman and Comp. 1982.

Fan, S.-Y. Phenotype Variation by the Action of Scion *Prunus japonica*. Thunb on Stock *Prunus armeniaca* L. *Hereditas* (Beijing). 1999. 21(4):43-44.

Flegr J. On the «origin» of natural selection by means of speciation. <http://www.natur.cuni.cz/~flegr/Polygen.htm>

Flegr J. Was Lysenko (partly) Right? Michurinist Biology in the View of Modern Plant Physiology and Genetics. *Riv. Biol./B. Forum* 95:259-272.

Gilbert S. F. (Editor) A Conceptual history of modern embryology. Johns Hopkins Univ. Press. 1994.

Goldschmidt R. Physiological Genetics, McGraw-Hill (New York, NY, USA). 1938. P. 310.

Goodnight CJ. On the effect of foundrd events on epistatic genetic variance. *Evolution*. 1987. 41:80-91.

Gould SJ, Eldredge N. Punctuated equilibrium comes of age. *Nature*. 1993. 366: 223—227.

Graham L. R. Science in Russia and the Soviet Union. Cambridge University Press. Cambridge. 1993.

Graham L. R. What have we learned from the Russian experience. Stanford, California. Stanford University Mess. 1998.

Greenberg L. L. Policy-making in the USSR Academy of Sciences// *Journal of Contemporary History*. 1973. 8:67-80.

Hagemann R. How did East German genetics avoid Lysenkoism? *Trends in Genetics*. 2002. 18(6):320-324.

Hirata Y. Graft-induced changes in eggplant (*Solanum melongena* L.) I. Changes of the hypocotyl color in the grafted scions and in the progenies from the grafted scions. *Japan.J.Breed.* 1979. 29:318-323.

Hirata Y. Graft-induced changes in skin and flesh color in tomato (*Lycopersicon esculentum* Mill.). *J.Japan.Soc.Hort.Sci.* 1980. 49:211-216.

Hirata Y. Graft-induced changes in eggplant (*Solanum melongena* L.). II. Changes of fruit color and fruit shape in the grafted scions and in the progenies from the grafted scions. *Japan.J.Breed.* 1980. 30:83-90.

Hirata, Y., Ogata S., Kurita S., Nozawa G.T., Zhou J. and Wu S. Molecular Mechanism of Graft Transformation in *Capsicum annuum* L. *Acta Hort.* 2003. 625:125-130.

Jablonka E. and Lamb M.J. Epigenetic Inheritance in Evolution. *J. Evol. Biol.* 1998. 11:159-183.

Jorgensen R. A., Atkinson R. G., Rorster RLS, Forster RLS, Lucas WJ. An RNA-based information superhighway in plants. *Science*. 1998. 279:1486-1487.

Kanavakis E, Wainscoat JS, Wood WG, Weatherall DJ, Cao A, Furbetta M, Galanello R, Georgiou D, Sophocleous T. The interaction of alpha thalassaemia with heterozygous beta thalassaemia. *Br.J.Haematol.* 1982. 52:465-473.

Kealey T. The economic lawes of scientific research. New York. MacMillan Press. 1996.

Kooter JM, Matzke MA, Meyer P. Listening to the silent genes: transgene silencing, gene regulation and pathogen control. *Trends Plant.Sci.* 1999. 4:340-347.

Kreitman M, Akashi H. Molecular evidence for natural selection. *Annu.Rev.Ecol.Syst.* 1995. 26:422.

Krementsov N. Stalinist Science. Princeton. Princeton U.P. 1997.

Kumar A. and Bennetzen J.L. Plant Retrotransposons. *Annu. Rev. Genet.* 1999. 33:479-532..

Liu Y. Lysenko's Contributions to Biology and His Tragedies. *Rivista di Biologia / Biology Forum.* [http://www.tilgher.it/\(ypnagp45l0suol453xa2id45\)/googleframe.aspx?fle=%2fchrCorrelati%2fupload%2fdoc%2fAbs_RB_li_20050125.pdf&lnk=%2findex.aspx%3ftpr%3d4%26act%3dfscone%26id%3d310](http://www.tilgher.it/(ypnagp45l0suol453xa2id45)/googleframe.aspx?fle=%2fchrCorrelati%2fupload%2fdoc%2fAbs_RB_li_20050125.pdf&lnk=%2findex.aspx%3ftpr%3d4%26act%3dfscone%26id%3d310)

Lucas W.J., Yoo B.-C., and Kragler F. RNA as a Long- distance Information Macromolecule in Plants. *Nature Reviews Molecular Biology.* 2001. 2:849-857.

Mayr E. Animal species and evolution. Cambridge. Harvard University Press. 1963.

Medvedev Z.A. Lysenko and Stalin: Commemorating the 50th Anniversary of the August 1948 LAAAS Conference and the 100th Anniversary of T.D. Lysenko's Birth, September 29, 1898. *Mutation Research.* 2000. 462:3-11.

Michurin IV. Results of sixty-years work (*Vysledky sedsatilete prace*). Prague. Brazda. 1952. P. 28-29.

Mironov Alexander, Pavelka Margit, Luini Alberto (Eds.) The Golgi Apparatus. State of art after 110 years of Camillo's discovery. Wien et New York. Springer. 2008.

Otto SP, Hastings IM. Mutation and selection within the individual. *Genetica.* 1998. 103:507-524.

Pearson H. Cress overturns textbook genetics. *Nature.com.* 2005. 23 March.

Roll-Hansen N. A New Perspective on Lysenko? *Annals of Science.* 1985. 42:261-278.

Roll-Hansen N. The Lysenko effect: undermining the autonomy of science. *Endeavour*. 2005. 29(4):143-147.

Roll-Hanse, N. The Lysenko Effect: The Politics of Science. Amherst and NY (USA) Humanity Books. 2005. P. 171-174.

Rossianov K.O. Editing Nature: Joseph Stalin and the «New» Soviet Biology. *Isis*. 1993. 84:728-745.

Sherman, J.D. and Talbert L.E. Vernalization-induced changes of the DNA methylation patternein Winter Wheat. *Genome*. 2002. 45:253-260.

Sung S. and Amasino R.M. Vernalization and epigenetics: How plants remember winter. *Current Opinion in Plant Biology*. 2004. 7:4-10.

Taller, J., Hirata, Y., Yagishita, N., Kita, M., and Ogata, S. Graft-induced Changes and the Inheritance of Several Characteristics in Pepper (*Capsicum annuum* L.). *Theor. Appl. Genet.* 1998. 97:705-713.

Templeton AR. The theory of speciation via the founder principle. *Genetics*. 1980. 94:1101-1038.

Turbin N.V. Genetics and fundations of selection (*Genetika a zaklady selekce*). Praha. Prirodovedecke Vydavatelstvi. 1952. P. 198.

Vavilov N.I. The process of evolution in cultivated plants. In *Proceedings of the Sixth International Congress of Genetics*, Ithaca, New York, 1932 (Vol. 1), pp. 331-342, Brooklyn Botanical Gardens (New York, NY, USA), (op. cit. p. 340).

Wainscoat JS, Kanavakis E, Wood WG, Letsky EA, Huehns ER, Marsh GW, Higgs DR, Clegg JB, Weatherall DJ. Thalassaemia intermedia in Cypress: The interaction of alpha and betha thalassaemia. *Br.J.Haematol.* 1983. 53:411-416.

Whitlock MC, Phillips PC, Wade JM. Gene interaction affects the additive genetic variance in subdivided populations with migration and extinction. *Evolution*. 1993. 47:1758-1769.

Winstanley M. Assimilation into the literature of a critical advance in molecular biology. Soc. Stud. Sci. 1976. 6:545-549.

Wright S. Evolution in mendelian populations. Genetics. 1931. 16:97-159.

Zarkouic S.S. Note on the history of sampling methods in Russia // Journal of the Roya. 2008-31.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года	9
Глава 2. Кто был прав?	14
Глава 3. Кто вы, академик Лысенко?	24
Глава 4. Почему и как была организована сессия ВАСХНИЛ?	58
Глава 5. Сталинские кампании конца 40-х — начала 50-х гг.	76
Глава 6. Научные банды	100
Глава 7. «Ленинградское дело» и генетики	108
Глава 8. Сталин и наука	138
Глава 9. После Сталина	149
Заключение	189
 Приложение. Ученые и власть во времена Сталина	 193
 Использованная литература	 227

Мирошни Сигизмунд Сигизмундович

ДЕЛО ГЕНЕТИКОВ

Редактор *О. В. Селин*
Художественный редактор *С. В. Курбатов*
Верстка *А. А. Кузнецников*
Корректор *В. Л. Адамова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-06-25
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673
ООО «БСК»: 380-0028
Мелкороговая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский», Книжный клуб,
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-619-85-41
Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru
Книги издательства «Алгоритм» можно приобрести в
интернет-магазине: <http://www.polikniga.ru>

Подписано в печать 15.07.2008.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Печ. л. 12,6.
Тираж 4000 экз. Заказ № 1898

Отпечатано с электронных носителей издательства
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-9265-0559-4

9 785926 505594 >

ДЕЛО ГЕНЕТИКОВ

В советское время генетика подвергалась гонениям, была почти запрещена...

Сегодня в этом уже никто не сомневается. Школьные учителя объясняют это детям со слов телеведущих. И никто даже не догадывается, что всё это ложь, сравнимая с лучшими образцами геббельсовской пропаганды. В этой книге рассказывается о том, как на самом деле возникло знаменитое «дело генетиков» и какую роль в этом сыграл И.В. Сталин. Подробно объяснена концепция академика Т.Д. Лысенко, которого либеральные пропагандисты назначили главным антигероем советской науки. Доказывается, что в основе спора «мичуринцев» и «генетиков» лежали совсем иные мотивы, чем принято считать сегодня. А сами «генетики» вовсе не были такими уж «невинными агнцами».